

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

№ 3 | 2023

“ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПОТЕНЦИАЛ
РАЗВИТИЯ

“ ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
КАПИТАЛИЗМА

“ О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ
К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭВОЛЮЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

“ ПОНЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ISSN 2412-9666
INTERPOLITEC.SU

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

[PROBLEMS IN POLITICAL ECONOMY]

№ 3 (35), 2023 год

Периодическое научное издание

Издается в печатном виде с 2015 года,
выходит 4 раза в год

Электронная версия журнала: <http://www.interpolitec.su>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 24 апреля 2015 года ПИ№ФС 77-61516).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ) <https://elibrary.ru>.

Редакция журнала в обязательном порядке осуществляет рецензирование всех материалов, публикуемых в журнале.

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал "Вопросы политической экономии" обязательна.

Подписка на журнал осуществляется:

1. В любом почтовом отделении «Почты России». Подписной индекс ПМ953 (Почта России). На сайте «Почты России» подписка оформляется не выходя из дома (podpiska.pochta.ru).

2. В редакции журнала, сделав запрос на электронный адрес редакции: vpe-journal@yandex.ru.

Взгляды, представленные авторами в материалах номера, могут не совпадать с мнением редакционной коллегии журнала.

Вопросы политической экономии

№ 3 (35), 2023 год

interpolitec.su

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Хубиев Кайсын Азретович, д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Алиев Урак Жолмурзаевич, д-р экон. наук, профессор, вице-президент Образовательной корпорации «Туран» (Казахстан).

Бузгалин Александр Владимирович (главный редактор), д-р экон. наук, профессор, директор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Барашкова Ольга Владимировна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Воейков Михаил Илларионович, д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики Российской академии наук (Россия).

Гайсин Рафкат Сахиевич, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры политической экономии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева (Россия).

Гринберг Руслан Семенович, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики Российской академии наук (Россия).

Гэлбрейт Джеймс, профессор Университета Техаса (США).

Дзарасов Руслан Солтанович, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры политической экономии, директор Научной школы «Экономическая теория» РЭУ имени Г.В. Плеханова (Россия).

Карасева Людмила Аршавировна, д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории Тверского государственного университета (Россия).

Колганов Андрей Иванович, д-р экон. наук, профессор, заведующий Лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Котц Дэвид, профессор экономического факультета Университета Массачусетс (США).

Лейн Дэвид, академик Академии социальных наук (Великобритания).

Лемещенко Петр Сергеевич (заместитель главного редактора), д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономии Белорусского государственного университета (Беларусь).

Маслов Глеб Андреевич, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики Российской академии наук (Россия).

Миропольский Дмитрий Юрьевич, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия).

Момджян Карен Хачикович, д-р философ. наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Некипелов Александр Дмитриевич, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Павлов Михаил Юрьевич, д-р экон. наук, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Пороховский Анатолий Александрович, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Протасов Александр Юрьевич, канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Тарасевич Виктор Николаевич, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной экономики, политической экономии и управления Национальной металлургической академии Украины (Украина).

Толкачев Сергей Александрович, д-р экон. наук, профессор, первый заместитель руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия).

Хубиев Кайсын Азретович, д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Худокормов Александр Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия).

Чекмарев Василий Владимирович, д-р экон. наук, профессор, руководитель Костромского регионального отделения Петровской академии наук и искусств (Россия).

Чен Эньфу, профессор, президент Академии марксизма Академии общественных наук Китая (CASS), председатель Всемирной ассоциации политической экономии (WAPE) (Китай).

Яковлева Наталья Геннадьевна (заместитель главного редактора), д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики Российской академии наук (Россия).

PROBLEMS IN POLITICAL ECONOMY

№ 3 (35), 2023

interpolitec.su

MANAGING EDITOR

Kaysyn A. Khubiev, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Urak Zh. Aliev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-President of the Educational Corporation "Turan" (Kazakhstan)

Olga V. Barashkova, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow at the Laboratory of the comparative studies of socio-economic systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr V. Buzgalin (Chief Editor), Doctor of Economic Sciences, Director of the Scientific-Educational Centre of Modern Marxist Studies of the Faculty of Philosophy, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Mikhail I. Voeykov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Political Economy Section of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Rafkat S. Gaysin, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy at the K.A. Timiryazev Russian State Agrarian University (Russia)

Ruslan S. Grinberg, Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Head of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

James Galbraith, Professor, Department of Government, University of Texas (USA)

Ruslan S. Dzarasov, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy, Director of the "Economic Theory" Scientific School at the G.V. Plekhanov Russian University of Economics (Russia)

Lyudmila A. Karaseva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory at Tver state University (Russia)

Andrey I. Kolganov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Comparative Socio-Economic Systems Research of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

David Kotz, Professor, Faculty of Economics, University of Massachusetts (USA)

David Lane, Emeritus Fellow of Emmanuel College, Cambridge University, Fellow of the British Academy of the Humanities and Social Sciences (UK)

Petr S. Lemeshchenko (Deputy Chief Editor), Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of International Political Economy at the Belarus State University (Belarus)

Gleb A. Maslov, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher at the Center for Methodological and Historical-Economic Research of the Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Dmitry Yu. Miropolsky, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought of St. Petersburg State University of Economy (Russia)

Karen Kh. Momdzhyan, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and of the Philosophy of History, Faculty of Philosophy at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr D. Nekipelov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Moscow School of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Mikhail Yu. Pavlov, Doctor of Economic Sciences, Lecturer in the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Anatoly A. Porokhovskiy, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Political Economy, Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr Yu. Protasov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory of St. Petersburg State University (Russia)

Viktor N. Tarasevich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of International Economics, Political Economy and Management at the National Metallurgical Academy of Ukraine (Ukraine)

Sergey A. Tolkachev, Doctor of Economic Sciences, Professor, First Deputy Head of the Department of Economic Theory at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia)

Vasily V. Chekmarev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Kostroma Regional Division of the Petrov Academy of Sciences and Arts (Russia)

Kaysyn A. Khubiev, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Aleksandr G. Khudokormov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of the History of the Economy and of Economic Studies of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University (Russia)

Cheng Enfu, Chief Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), Member of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), Chairman of the World Association for Political Economy (WAPE) (China)

Natalya G. Yakovleva (Deputy Chief Editor), Doctor of Economic Sciences, Lecturer, Senior Research Associate of the Institute of the Economy of the Russian Academy of Sciences (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ №3/2023

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА

23 *Хубиев Кайсын Азретович*

ТЕМА НОМЕРА – СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ: МОДЕЛЬ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Дискутируя проблемы развития российской экономической системы (предисловие к публикации материалов круглого стола журнала «Вопросы политической экономии»)

26 *Хубиев Кайсын Азретович*

В предисловии к публикации материалов круглого стола журнала «Вопросы политической экономии», посвященного характеристике природы, противоречий и перспектив развития российской экономической системы, раскрываются основные подходы ведущих ученых МГУ, РАНХиГС, Института экономики РАН и других научно-образовательных центров России к исследованию причин долгосрочной стагнации российской экономики и возможных путей перехода к социально-ориентированному интенсивному развитию. Автор предисловия характеризует основные тексты, публикуемые в данной рубрике, и показывает, что они раскрывают исторические корни существующей системы, характеризуют специфику производственных отношений и институтов, сложившихся в РФ в новом столетии, особенности отраслевой и технологической структуры. В публикуемых текстах круглого стола большое внимание уделяется анализу реальных процессов и практик российской экономики, а также теоретическим дискуссиям, проходившим и идущим в научном пространстве, в ходе которых формировалась система аргументов, обосновывающих необходимость отказа от концепции «рыночного фундаментализма». Автор предисловия подчеркивает, что участники круглого стола дают конструктивную критику, анализ проблем и предлагают коррекции системы социально-экономических отношений и институтов России, которые будут содействовать реализации стратегии опережающего экономического развития, достижению технологического и экономического суверенитета, переходу к ускоренному росту.

Россия: от отсталого государственно-олигархического капитализма к передовому социальному государству с развитым рынком и научно-технологическими инновациями

29 *Аганбегян Абел Гезевич*

В статье на основе анализа эмпирического материала представлены три периода постсоветского развития России: трансформационный кризис (1991-1999 гг. – 9 лет), восстановительный социально-экономический подъем (1999-2008 гг. – 10 лет) и период кризисов и стагнации (2009-2023 гг. – 15 лет). Приводится обоснование того, что за 30 лет в результате реформ в России сформирована социально –

экономичная модель государственно – олигархического капитализма с неразвитым рынком и отсталой социальной сферой. Кроме того, за этот период не создан механизм и набор инструментов экономического роста. Отсюда соответственно и возникают задачи: возобновления социально-экономического роста, с одной стороны, и преобразование социально-экономической системы России, с другой. Утверждается, что для коренного преобразования системы государственно-олигархического капитализма, с тем чтобы обеспечить устойчивый социально-экономический рост, нужны крупные структурные реформы в области собственности, финансов, научно-технологического перевооружения народного хозяйства. Подобные преобразования в России можно проводить после того, как будет налажен заметный социально-экономический рост с обязательным повышением благосостояния людей. Действия государства по возобновлению значимого социально-экономического роста целесообразно начать с мер по усилению драйверов этого роста, с одной стороны, при стимулировании повышении доходов населения. Это можно сделать только за счет мобилизации крупных дополнительных ресурсов, направляемых преимущественно на эти цели.

Российская экономическая система: противоречия и потенциал развития

59 *Бузгалин Александр Владимирович*

В статье на основе применения политико-экономической методологии дается краткая системная характеристика основных черт российской экономической системы 21 века. Российская экономика определяется как особый вид позднего капитализма, т.е. такой стадии капиталистического способа производства, на которой его развитие предполагает включение в его экономическую ткань пострыночных и посткапиталистических отношений. Специфика экономики РФ в данном случае заключается в том, что она базируется на качественно различных по уровню развития производительных силах (от 3-го до 5-го и элементов 6-го технологических укладов), активным использованием методов «ручного управления», диффузией отношений и прав собственности, высоким уровнем социального и межрегионального неравенства при одновременном сохранении ряда достижений плановой экономики и сохранением традиции социально-ориентированного развития среди трудящихся. В статье показываются причины формирования такой модели и раскрываются особенности российской модели рынка и государственного регулирования, подчинения труда капиталу и др. Завершает статью характеристика стратегии социально-экономического развития, целью которой является прогресс человеческого потенциала, решение социальных и экологических проблем, обеспечение технологического и экономического суверенитета, а средствами – активно используемые механизмы активной промышленной политики и стратегического планирования, социализация собственности и снижение социального неравенства за счет обеспечения общедоступности базовых ресурсов развития человека и активизации других мер социального регулирования.

Государственный патернализм в социально-экономической системе России

69 *Воейков Михаил Илларионович*

В статье рассматриваются проблемы теоретического определения типа социально-экономической системы России, которая сложилась здесь в XX веке. В противопоставлении с советским шаблоном, что в СССР существовал социализм, в статье доказывается, что в основе своей советская социально-экономическая система была буржуазной, но прикрытая социалистической фразеологией. Это естественное следствие того, что русская революция 1917 года была не социалистической, а буржуазно-демократической. В начале XX века Россия была, по существу, феодальной страной и никакого иного пути как буржуазного развития у нее не было и не могло быть. Остатки феодальных отношений до сих пор сказываются в развитии современного общества, что со всей очевидностью проявляется в современном государственном патернализме.

Об актуализации национально ориентированного подхода в экономической теории

77 *Кульков Виктор Михайлович*

Статья посвящена позиционированию национально ориентированного подхода в экономической теории. Раскрывается содержание данного подхода, его истоки, параметры. Ключевое значение придается национальной экономической системе, объединяющей совокупность национально-экономических отношений. Последняя берется в единстве с национально специфическими факторами, целями и интересами, присущими стране. Национальная экономика предстает как «смешанная» совокупность уровней, изначально представленных «чистыми» (стандартными) системами. Показано соотношение национальной системы и национальной модели экономики. Раскрывается предметное поле теории национальной экономики, входящее в более широкое предметообразующее поле экономической теории. Соотносятся два уровня национальной ориентации в экономической теории: национально-особенный и национально-уникальный, первый из которых может быть отнесен к сфере ортодоксальной, а второй – к сфере гетеродоксальной экономической теории. Выявлены предпосылки актуализации национально ориентированного подхода в современных условиях. Показаны направления реализации указанного подхода в учебно-научной сфере. В этой связи привлекается внимание к месту теории национальной экономики в структуре экономических дисциплин и к подготовке национально ориентированных экономистов.

Выбор будущего российской экономической модели: между мальтузианством, реиндустриализацией и цифровизацией

87 *Павлов Михаил Юрьевич*

Один из возможных, более того, – наиболее вероятный вектор развития России – это реиндустриализация. Однако реиндустриализация, во-первых, подразумевает очень серьезные изменения в существующей российской экономической модели.

Главное изменение – это коренной пересмотр отношения к труду и к человеку труда. На смену homo economicus должен прийти человек труда, в идеале – homo creator. Во-вторых, реиндустриализация подразумевает значительный рост ресурсного обеспечения России.

Современные примеры индустриализации – в частности, пример Китая, показывают, что возможно нарастить производство на 2 порядка, причем увеличив потребление ресурсов также на 2 порядка. Столь быстрый рост потребления природных ресурсов на 1-2 порядка увеличивает риск их абсолютного исчерпания, а также, соответственно, риск разрушения природной среды. В связи с этим, реиндустриализация в России неизбежно столкнется с резким ростом рисков, а в условиях выражено неравномерного развития регионов с высокой вероятностью создаст для целого ряда регионов даже запредельные риски.

Резкий рост потребления ресурсов (на 2 порядка), происходящий одновременно с замедлением роста численности населения дает дополнительные аргументы для признания неактуальным в современной экономике «Закона народонаселения» Т. Мальтуса.

Можно ли найти альтернативу данной ситуации? Такая альтернатива на данный момент широко представлена в мире в форме цифровой экономики. Цифровые ресурсы, в сравнении с индустриальными и доиндустриальными ресурсами менее материалоемкие и энергоемкие, как правило, намного легче и быстрее перемещаются, и обрабатываются, а в итоге потенциально способны обеспечить экономическую активность на несколько порядков более высокую, чем на базе индустриальных ресурсов. Это позволит создавать большие объемы новых рабочих мест, что, в свою очередь, позволяет решать проблемы технологической безработицы.

Поэтому для России будущего представляется целесообразным основной упор сделать на цифровизации экономики и лишь во вторую очередь – на реиндустриализации.

На пути к суверенной экономике России

96 *Пороховский Анатолий Александрович*

Построение суверенной российской экономики в условиях мирового рыночного хозяйства, сформированного США с учетом своих национальных интересов, выявило немало трудных проблем. Прежде всего Россия должна в рамках рыночной модели развития обеспечить национальную экономическую безопасность. Это означает в полной мере использовать национальное экономическое пространство и механизм смешанной рыночной экономики при оптимальном вовлечении государства в инвестиционный процесс. При этом все проблемы могут быть решены на основе системного подхода и воспроизводственного видения экономического и социального развития. Особое значение имеет оптимальное сочетание общественных, национальных и частных экономических интересов.

Россия в координатах новой реальности (ненормальности)

102 Хубиев Кайсын Азретович

В статье доказывается, что нынешняя глобальная социально-экономическая ситуация является новой реальностью-ненормальностью. Суть ее состоит в фронтальном откате от цивилизационного тренда развития. Объясняется это тем, что «бумажные законы» и соответствующие им институты вступили в борьбу с объективными законами, прежде всего, экономическими. Санкционное обрушение контрактов, заключенных свободно по мотивам взаимной выгоды на основе разделения труда, специализации на абсолютных и относительных преимуществах оценивается как проявление общего кризиса капитализма. Исследуются ответные меры, которые делятся на две категории с точки зрения цивилизационного развития: вынужденно негативные и позитивные.

Исходя из того, что законы развития залегают на более фундаментальном уровне, чем законы цивилизационного отката, делается вывод о том, что в общем тренде преобладает потенциал цивилизационного развития и Россия находится в зоне действия законов развития, но на нее легло бремя издержек, которые сопровождают любое развитие. Отмечается, что самая главная проблема для России в сложившейся ситуации состоит в том, чтобы избежать ловушку глобальной жертвы цивилизационного развития. С этой точки зрения беспокойство вызывает то, что она вступила в глобальное противостояние на основе несовершенной экономической модели и многолетней стагнации, и нуждается в чрезвычайных мерах создания внутренних источников и системы роста, поскольку ее выживание и успехи противостояния зависят от созидательной продуктивности ее экономической системы.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О диалектическом подходе к исследованию эволюции экономических систем

116 Гречко Михаил Викторович

Представленный текст посвящен представлению системы аргументов, касаемо диалектического характера процесса эволюции экономических систем, находящихся в различных состояниях их фазной динамики. Как известно, в настоящий текущий момент мы находимся точке фазной трансформации при переходе от индустриальной к (пост)индустриальной системе развития экономики. Происходит изменение в самой структуре экономической системы, обусловленное существующими противоречиями в производительных силах и производственных отношениях, являющееся следствием диалектического противоречия одновременно сосуществующих качественно различных макрообъектов. Таким образом, для исследования качественных аспектов эволюционного развития, условий зарождения новой экономической системы, функционирования сложных слабо-структурированных экономических систем, востребован диалектический метод. В тексте приводится система аргументов о том, что смена экономических систем (их эволюция) происходит на основе разрешения *диалектического противоречия*. Также представлена качественная характеристика механизма эволюции

экономических систем в различных фазах своего развития, с учетом чего дано графическое обоснование логики их трансформаций. Приведены качественные характеристики диалектики развития экономических систем в различных фазных состояниях: генезиса, развития и регресса. Таким образом, применение познавательного потенциала диалектического метода позволяет качественно представить диалектику регресса старых и генезиса новых экономических систем, а также сложность их нелинейных трансформаций.

Теория субимпериализма и влияние новых тенденций в мировой экономике на деятельность российских ТНК

131 *Комолов Олег Олегович*

Статья посвящена исследованию проблемы империализма в традициях основателей марксизма и мир-системного анализа. Приведенный в работе синтез теории империализма В.И. Ленина и теории системных циклов накопления капитала Дж. Арриги позволяет точнее определить природу обострения империалистических противоречий в истории капитализма первой половины XX в., а также объяснить возврат мирового капитализма на путь экономической, политической и военной вражды в современном мире после нескольких десятилетий движения по пути глобализации. Так, борьба за передел мира, ускорение процессов монополизации и финансиализации капитализма, названные Лениным империализмом, т.е. высшей стадией капитализма, отражали собой лишь завершающий этап развития и терминальный кризис Британского системного цикла накопления капитала. Таким же образом, процессы деглобализации современного капитализма являются свойством терминального кризиса Американского системного цикла накопления. В статье рассмотрен феномен субимпериализма и его роли в развитии современных международных политико-экономических конфликтов. Россия так же активно включена в борьбу за передел мира, занимая в мировой капиталистической системе место полупериферии. Это определяет двойственное положение российского капитала: с одной стороны, процесс накопления основан на извлечении сырьевой ренты, что делает его зависимым от стран центра, с другой – российские ТНК, осуществляя масштабный вывоз капитала, имеют значительные экономические интересы за рубежом и пытаются защищать их с опорой на институты государства.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нематериальные факторы в трудах немецкой исторической школы экономики

145 *Студенцов Виктор Борисович*

Немецкая историческая школа экономики (НИШЭ) являлась одной из немногих оригинальных экономических феноменов, оставивших после себя глубокий и неизгладимый след в экономической науке. Базируясь на присущих ей особых методологии и ракурсе рассмотрения хозяйственных процессов, ее последователи сформулировали многие нетривиальные для своего времени подходы и идеи.

Тем самым она бросила вызов господствовавшей тогда английской классической политической экономии с ее абстрактными и умозрительными построениями, преувеличением роли дедуктивного в противовес индуктивному методу анализа. Особую роль в концепциях НИШЭ играла укорененность субъекта в системе национального хозяйства и нематериальные факторы производства. Такие явления как мораль, закон, культура в широком смысле слова, духовные начала («дух») экономической деятельности и тому подобные, казалось бы, не вполне четко определяемые и осязаемые аспекты экономической деятельности классической политической экономией игнорировались и выводились за скобки доминирующих принципов политэкономического анализа. Между тем именно они составили ядро разрабатываемой немецкими экономистами концепции национального исторического человека, его мотивов взаимодействия с окружающими и принципов формирования национального хозяйства. Многие идеи НИШЭ в наше время подхвачены неоинституционалистами и экономистами за рамками неоклассического мейнстрима.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Генезис современного российского капитализма

162 *Дзарасов Руслан Солтанович*

Статья имеет целью раскрыть генезис современного российского капитализма, чтобы лучше понять его основные черты. С точки зрения автора главным историческим источником, определившим характер нового общественного строя в нашей стране, являются деградация и перерождение советской партийно-хозяйственной и государственной бюрократии. Ее истоки содержатся в привилегиях правящего слоя СССР и нараставшего по мере его разложения неформального контроля бюрократии над экономическими ресурсами. Эти процессы исподволь подтачивали плановую экономику, обеспечивая нарастание частного присвоения за фасадом общественной собственности. В эпоху горабачевской перестройки переродившаяся часть советской бюрократии сформировала и возглавила влиятельный прокапиталистический блок общественных сил, выступавший за демонтаж советской системы и переход к капитализму. Кроме представителей бюрократии в него вошла часть интеллигенции, которая надеялась выгодно монетизировать свою квалификацию, и выходцы из криминальных кругов. В ходе радикальных рыночных реформ ельцинской эпохи этот блок легализовал неформальный контроль над активами в ходе криминальной приватизации. Эти процессы определили ограничения и пороки современного российского капитализма. В частности, это выразилось в авторитарном характере отечественной модели корпоративного управления.

ЭССЕ

Понятие творчества в современной экономической науке

174 *Рогожникова Варвара Николаевна*

Творчество – это философское понятие, которое сегодня активно используется экономической наукой. Творчество – существенная составляющая культуры, частью

которой является экономика, и без творчества невозможна никакая продуктивная деятельность. Современная экономика, построенная на знаниях, включает в себя творчество как существенный фактор производства знаний, товаров и услуг. Усилению творческой составляющей производства служат и новые коммуникационные технологии, и изменения в социальной структуре общества. В этой связи становится необходимой разработка в рамках экономической науки инструментов, позволяющих анализировать творческое поведение человека. Но прежде, чем разрабатывать такие инструменты, имеет смысл определить понятие «творчество» в экономике и выяснить ограничения экономического понимания творчества по сравнению с базовым, философским. В данной работе под экономической наукой мы будем иметь в виду неоклассическую экономическую теорию, поскольку она является частью современного экономического мейнстрима. С нашей точки зрения, современное неоклассическое понимание творчества предметно и методологически ограничено в силу природы самой неоклассической экономической теории, а инструменты для анализа творческого поведения человека в экономике следует разрабатывать на стыке с другими науками, в частности, с философией.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Непрерывность бизнеса и задача суверенизации ИТ российских предприятий

188 *Скрипкин Кирилл Георгиевич*

Работа посвящена влиянию санкций на работоспособность программного обеспечения, используемого российским бизнесом. Ограничения, введенные недружественными странами, рассматриваются с позиций непрерывности ИТ-сервисов, т.е. способности ИТ-службы поддерживать бизнес в условиях повреждения или уничтожения ИТ-инфраструктуры. Ограничения рассматриваются как один из факторов, воздействующих на ИТ-инфраструктуру. Показано, что ограничения, как правило, ведут не к перерывам в предоставлении ИТ-сервисов, а к их постепенной деградации. Исключением являются подписки на электронные ресурсы, которые могут быть аннулированы практически мгновенно. Исходя из этого, представлена оценка последствий ограничений недружественных стран для программного обеспечения, используемого российским бизнесом. Обрисованы пути адаптации предприятий к ограничениям в области программного обеспечения и возможные при этом провалы рынка: осведомленность бизнеса о проблеме ограничений в сфере ИТ и создание сквозных экосистем вокруг единых стандартов. Наконец, предложены меры промышленной политики, позволяющие решить эти проблемы: возможно широкое оповещение граждан об угрозах, связанных с ограничениями, стимулирование выработки стандартов программного обеспечения и поощрение поставщиков различных видов программного обеспечения, оборудования, услуг, обучающей литературы и учебных курсов к присоединению к этим стандартам.

CONTENTS №3/2023

INTRODUCTORY REMARKS BY THE CHIEF EDITOR

23 *Kaysyn A. Khubiev*

TOPIC OF THE ISSUE: RUSSIA'S SOCIO-ECONOMIC SYSTEM: A MODEL OF ITS FUNCTIONING AND DEVELOPMENT

Discussing the problems of the development of the Russian economic system (a foreword to the publication of materials of a Round Table organised by the journal "Problems of Political Economy")

26 *Kaysyn A. Khubiev*

The foreword to the publication of materials of a Round Table organised by the journal "Problems of Political Economy", and devoted to characterising the nature, contradictions and prospects for development of the Russian economic system, sets out the main approaches adopted by leading scholars of MGU, the RANKh i GS, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences and other Russian scientific and educational centres for investigating the causes of the long-term stagnation of the Russian economy, and for defining possible paths to intensive, socially-oriented development. The author of the foreword describes the main texts published under this heading, and shows that they reveal the historical roots of the present system while outlining the specific nature of the productive relations and institutions that have been established in the Russian Federation in the new century, along with the particular features of the country's sectoral and technological structure. In the published texts of the Round Table, great attention is devoted to analysing the actual processes and practices within the Russian economy, and also to the theoretical discussions that have occurred and are proceeding in the scholarly space. In the course of these discussions, a system of arguments has taken shape that demonstrates the necessity of rejecting the concept of "market fundamentalism". The author of the foreword stresses that the participants in the Round Table provide constructive criticism and analysis of these questions, and propose corrections to the system of socio-economic relations and institutions in Russia. These corrections will aid in implementing strategies for attaining superior rates of economic development, for achieving technological and economic sovereignty, and for making a transition to accelerated growth.

Russia: from a backward state-oligarchic capitalism to an advanced welfare state with a developed market and scientific-technical innovations

29 *Abel G. Aganbegyan*

Using an analysis of empirical materials, this article posits three periods in Russia's post-Soviet development: one of transformational crisis, covering the nine years from the beginning of 1991 to the end of 1999; one of socio-economic recovery and expansion during the ten years between 1999 and 2008; and a further period of crises and stagnation during the 15 years between 2009 and 2023. The article demonstrates that as a result of the reforms, over 30 years a socio-economic model of state-oligarchic capitalism has been created in Russia, with an undeveloped market and a backward

social sector. Further, this period has not seen the establishing of a mechanism and set of tools for economic growth. Accordingly, we face these tasks: restoring socio-economic growth on the one hand, and transforming Russia's socio-economic system on the other. The article contends that in order to fundamentally transform the system of state-oligarchic capitalism, and to ensure consistent socio-economic growth, we need major structural reforms in the fields of property, finances, and the scientific-technical re-equipping of the economy. Transformations of this kind can be carried out in Russia once an appreciable degree of socio-economic growth is achieved, along with an indispensable improvement in people's well-being. The state needs to begin its efforts to restore significant socio-economic growth by enacting measures to strengthen the drivers of this growth on the one hand, and on the other, by providing stimuli for increasing the incomes of the population. This can be done only through mobilising large additional resources, directed primarily toward these goals.

The Russian economic system: contradictions and potential for development

59 *Aleksandr V. Buzgalin*

Applying politico-economic methodology, this article provides a brief systemic account of the main features of the twenty-first century Russian economic system. The Russian economy may be defined as a particular variety of late capitalism, that is, of the stage in the evolution of the capitalist mode of production in which its development presupposes the inclusion in its economic fabric of post-market and post-capitalist relations. Specifically, the Russian economy is based on productive forces that are qualitatively different in their level of development (ranging from the third to the fifth technological modes, with elements of the sixth), and makes active use of the methods of "manual control". It is marked by diffuseness in the relations and rights of property, by a high level of social and inter-regional inequality, and simultaneously, by the retention of a series of achievements of the planned economy, along with the retention among workers of traditions of socially oriented development. The article reveals the causes that have led to the rise of this model, outlining the peculiarities of the Russian model of the market, of Russian state regulation, of the subordination of labour to capital, and so forth. Finally, the article describes a strategy of socio-economic development whose aims include realising human potential, solving social and environmental problems, and guaranteeing technological and economic sovereignty. These goals will be achieved by actively employing the mechanisms of industrial policy, strategic planning and the socialising of property; by reducing social inequality through ensuring that the basic resources for human development are freely available; and by implementing other measures of social regulation.

State paternalism within the Russian socio-economic system

69 *Mikhail I. Voeykov*

This article examines the problems involved in defining, in theoretical terms, the type of socio-economic system that became established in Russia during the twentieth century. While the Soviet stereotype maintained that what existed in the USSR was socialism, the article sets out to show that in its basics, the Soviet socio-economic system was bourgeois, despite being cloaked in socialist phraseology. This conclusion flows naturally

from the fact that the Russian Revolution of 1917 was not socialist in character but bourgeois-democratic. In the early twentieth century Russia was in essence a feudal country, and aside from bourgeois development no other path for it existed or could exist. To this day the remnants of feudal relations affect the development of Russian society, as is clearly evident in modern state paternalism.

On the actualisation of a nationally oriented approach in economic theory

77 *Viktor M. Kulkov*

The aim of this article is to position a nationally oriented approach within economic theory. The text reveals the content of this approach, its sources and parameters. Key importance is assigned to the national economic system, that embodies a totality of national-economic relationships. This system is examined together with nationally specific factors, goals and interests that are innate to the country. The national economy appears as a "mixed" combination of levels, presented initially as "pure" (standard) systems. The article shows the relationship that exists between the national system and the national model of the economy. The object-field of the theory of the national economy is revealed, and is shown to overlap with the broader object-forming field of economic theory. Two levels of national orientation in economic theory are compared, the national-particular and national-unique; the first of these can be assigned to the sphere of orthodox, and the second to that of heterodox economic theory. Also revealed are the preconditions for implementing the nationally oriented approach under present-day conditions. The article goes on to show the trends in the realisation of this nationally oriented approach in the area of scholarship and education. Here, attention is drawn to the place occupied by the theory of the national economy in the structure of economic disciplines, and to the training of nationally oriented economists.

The choice of a future Russian economic model: between Malthusianism, reindustrialisation and digitisation

87 *Mikhail Yu. Pavlov*

One of the possible vectors of development for Russia, and indeed, the most probable, is that of reindustrialisation. Nevertheless, reindustrialisation in the first place presupposes very serious changes in the existing Russian economic model. The main change involves a fundamental reconsideration of the attitude to work and to the worker. Homo economicus has to be replaced by the working human being, ideally in the form of homo creator. Second, reindustrialisation presumes a substantial increase in Russian resource provision.

Modern instances of industrialisation, and in particular that of China, show that it is possible to raise output by two orders of magnitude, while increasing the consumption of resources by a similar amount. This rapid growth in the consumption of natural resources by one to two orders of magnitude increases the risk that these resources will be exhausted in absolute terms, with a corresponding risk of the destruction of the natural environment. As a result, reindustrialisation in Russia will inevitably encounter sharply increased risks, and under conditions in which the development of different regions is decidedly unequal, there is even the danger that for a whole series of regions these risks will become exorbitant.

The sharp growth in the consumption of resources (by two orders of magnitude), occurring simultaneously with a slowing of population growth, provides additional arguments for viewing Thomas Malthus's "law of population" as inapplicable to the modern-day economy.

Can an alternative be found to this situation? In the present-day world such an alternative is being presented on a broad scale, taking the form of the digital economy. Compared to industrial and preindustrial resources, digital resources are less intensive in terms of their consumption of materials and energy. They can as a rule be relocated and processed much more easily and quickly, and in sum, are potentially able to ensure levels of economic activity several orders of magnitude higher than an industrial resource base can permit. This will allow the creation of large numbers of new jobs, which in turn will make it possible to solve the problems of technological unemployment.

The Russia of the future, therefore, will need to place its main stress on the digitising of the economy, and only secondarily on reindustrialisation.

On the path toward a sovereign Russian economy

96 *Anatoly A. Porokhovskiy*

The construction of a sovereign Russian economy within the conditions of a world market economy shaped by the US in line with its national interests has revealed a good many difficult problems. First of all Russia needs, within the framework of a market model of development, to ensure its national economic security. This requires making full use of the national economic space and of the mechanism of a mixed market economy, while drawing the state into the investment process to the optimal degree. All of the problems can be solved on the basis of a systematic approach and a productive vision of economic and social development. An optimal combination of social, national and private economic interests has special significance.

Russia in the coordinates of a new reality (abnormality)

102 *Kaysyn A. Khubiev*

This article sets out to show that the present global socio-economic situation represents a new combination of reality with abnormality. The essence of this situation consists in a frontal rollback of the civilisational trend of development. This is to be explained by the fact that "paper laws" and the institutions that correspond to them have entered into a struggle with objective laws, above all those of economics. The collapse, under sanctions, of contracts entered into freely in accordance with motives of mutual advantage and on the basis of the division of labour and of specialisation in areas of absolute and relative advantages, is seen as a manifestation of the general crisis of capitalism. The article examines counter-measures that are divided into two categories from the point of view of civilised development: forcibly negative, and positive.

If we proceed from the premise that the laws of development exist on a more fundamental level than those of civilisational rollback, we may conclude that within the general trend the potential for civilisational development is predominant, and that Russia is within the area of operation of the laws of development, but that weighing down on it is the burden represented by the drawbacks with which any development is accompanied. The article notes that for Russia, the main problem in the existing situation lies in the

need to avoid the trap of becoming a global victim of civilisational development. From this point of view, it is a source of disquiet that Russia has entered into a global confrontation on the basis of an imperfect economic model and of stagnation extending over many years. Russia requires extraordinary measures for the creation of internal sources and systems of growth, since its survival, and its successes in the confrontation, depend on the creative productivity of its economic system.

POLITICO-ECONOMIC RESEARCH

On the dialectical approach to studying the evolution of economic systems

116 *Mikhail V. Grechko*

The text presented here presents a system of arguments concerning the dialectical nature of the evolution of economic systems when in different states of their phase dynamics. We are now at the point of a phase transformation involving a transition from the industrial to the (post)industrial system of development of the economy. A change is under way in the very structure of the economic system, a change that is conditioned by existing contradictions within the forces and relations of production, and that results from a dialectical contradiction between momentarily coexisting but qualitatively different macro-objects. For studying the qualitative aspects of this evolutionary development, the conditions under which a new economic system is being born, and the functioning of complex, weakly structured economic systems, the dialectic method is thus required. The text puts forward a system of arguments to the effect that the change of economic systems (their evolution) occurs on the basis of the resolving of a dialectical contradiction. Also presented is a qualitative characterisation of the mechanism of evolution of economic systems during various phases of their development; in line with this, a graphic substantiation is provided for the logic of the transformations they undergo. Qualitative characterisations are made of the dialectics of development of economic systems in the different phase-states of genesis, development and regression. Applying the instructive potential of the dialectical method thus makes it possible to present, in readily understandable fashion, the dialectic of the regression of old and the genesis of new economic systems, as well as the complexity of their non-linear transformations.

The theory of sub-imperialism and the influence of new trends in the world economy on the activity of Russian transnational corporations

131 *Oleg O. Komolov*

This article is aimed at investigating the question of imperialism as it appears in the traditions of the founders of Marxism and of world-system analysis. In the article, a synthesis is put forward of the theory of imperialism of V.I. Lenin and of the theory of systemic cycles of capital accumulation as formulated by G. Arrighi. This makes it possible to determine more precisely the nature of the increasingly acute imperialist contradictions in the history of capitalism during the first half of the twentieth century, and also to explain the return of international capitalism to the path of economic, political and military antagonism in the modern world after several decades of moving in the direction of globalisation. Hence the struggle to divide up the world and the acceleration of the processes of capitalist monopolisation and financialisation—described by Lenin as imperialism, that is, the highest stage of capitalism—reflected only the culminating stage in the

development and terminal crisis of the British systemic cycle of capital accumulation. In the same fashion, the processes of deglobalisation seen in present-day capitalism are a feature of the terminal crisis of the American systemic cycle of accumulation. The article examines the phenomenon of sub-imperialism and its role in the development of modern international politico-economic conflicts. Russia, occupying a place in the semi-periphery of the global capitalist system, is also included actively in the struggle to divide up the world. This determines the dual position of Russian capital: on the one hand, the process of accumulation in Russia is based on the extraction of raw-material rents, which renders Russia dependent on the countries of the "centre", while on the other, Russian TNCs as a result of carrying out large-scale capital exports have substantial economic interests outside the country, and seek to defend these interests through reliance on the institutions of the state.

HISTORICO-ECONOMIC RESEARCH

Non-material factors in the works of the German historical school of Economics

145 *Viktor B. Studentsov*

The German historical school of economics (GHSE) was one of only a few original economic phenomena to have left a profound and indelible trace in economic science. Basing themselves on the school's special methodology and its perspective on economic processes, adherents of the GHSE formulated many ideas and approaches that were important for their time. In this way, the GHSE issued a challenge to the then-dominant British classical political economy, with its abstract and speculative constructs and exaggeration of the role of a deductive as opposed to an inductive method of analysis. In the concepts of the GHSE, a special role was played by non-material factors of production, and by the fact that the subject was rooted in the system of the national economy. Such phenomena as morality, law, culture in the broad sense of the word, the spiritual principles (*Geist*) of economic activity, and similar aspects of economic activity that, it seemed, were not clearly defined or understood were ignored by classical political economy and left outside the bounds of the dominant principles of politico-economic analysis. Meanwhile, it was precisely these that made up the core of the concept, developed by the German economists, of the national historical human being, of the motives behind his or her interaction with those round about, and of the principles shaping the national economy. In our own time, many of the ideas of the GHSE have been taken up by the neoinstitutionalists and by economists operating outside the framework of the neoclassical mainstream.

DISCUSSION TRIBUNE

The genesis of modern Russian capitalism

162 *Ruslan S. Dzarasov*

The aim of this article is to reveal the genesis of modern Russian capitalism, in order to better understand its main features. In the view of the author, the main historical source that determined the character of the new social system in our country was the degradation and degeneration of the Soviet party-state and economic bureaucracy. The sources of that bureaucracy lay in the privileges of the Soviet ruling stratum, and in the informal control by the bureaucracy over economic resources, a control that grew

as the degeneration of the bureaucracy proceeded. These processes gradually undermined the planned economy, ensuring the growth of private appropriation behind the façade of collective property. During the epoch of Gorbachev's perestroika a degenerate sector of the Soviet bureaucracy formed and headed an influential pro-capitalist bloc of social forces that called for the dismantling of the Soviet system and for a transition to capitalism. Along with members of the bureaucracy, this bloc included a part of the intelligentsia that hoped to benefit from monetising their qualifications, as well as people from criminal circles. In the course of the radical market reforms of the Yeltsin era this bloc legalised their informal control over assets through criminal privatisation. These processes determined the limitations and the vices of present-day Russian capitalism, and in particular, found expression in the authoritarian character of the Russian model of corporative rule.

ESSAY

The concept of creativity in modern economic science

174 *Varvara N. Rogozhnikova*

Creativity is a philosophical concept that is now actively employed by economic science. It is an essential component of culture, a part of which is the economy, and without creativity no productive activity is possible. A modern economy, constructed on the basis of knowledge, includes creativity as a substantial factor in the creation of knowledge, commodities and services. Also serving to strengthen the creative component of production are new communication technologies and changes in the social structure of society. Here it is essential to develop, within the framework of economic science, tools that make possible the analysis of human creative behaviour. Before these tools are elaborated, however, it makes sense to define the notion of "creativity" in the economy, and to explain the limitations of an economic understanding of creativity compared with the basic philosophical concept. By "economic science", this work has in view neoclassical economic theory, since this is part of today's economic mainstream. From the author's point of view, the modern neoclassical understanding of creativity is objectively and methodologically limited as a result of the nature of neoclassical economic theory itself, and the tools needed to analyse human creative behaviour in the economy must be formulated at the point of their intersection with other sciences, in particular with philosophy.

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

The continuity of business, and the task of ensuring sovereignty over the IT of Russian enterprises

188 *Kirill G. Skripkin*

This work deals with the impacts of sanctions on the effectiveness of the programming employed by Russian business. The restrictions imposed by hostile countries are examined from the point of view of the continuity of IT services, that is, their ability to support business under conditions in which IT infrastructure is damaged or destroyed. The restrictions are viewed as one of the factors affecting IT infrastructure. It is shown that as a rule, the restrictions are not creating gaps in the provision of IT services, but that these services are gradually being degraded. An exception is subscriptions to elec-

tronic resources, that are able to be cancelled almost instantly. The article therefore presents an assessment of the consequences, for the programming provisions used by Russian business, of the restrictions imposed by hostile countries. Ways are outlined through which enterprises can adapt to restrictions in the area of program supply, and to possible market failures. Business requires an awareness of the problems posed by IT restrictions, and of the need to create transparent ecosystems around unified standards. Finally, suggestions are made for industrial policy measures that can allow these problems to be solved. The possibilities include issuing widespread alerts to citizens, warning them of the threats associated with the restrictions; providing stimuli for drawing up programming supply standards; developing instructional literature and training courses to encourage adherence to these standards; and creating incentives for suppliers of various types of programming, equipment and services.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЫПУСКАЮЩЕГО РЕДАКТОРА^{1*}

Обыденное протекание жизни может скрывать масштабы проблем, рисков и опасностей, с которыми столкнулась экономика Россия и вся надстройка над ней, включая суверенитет и государственность. Между тем страна оказалась перед испытаниями исторического масштаба. В этой ситуации экономистов беспокоит вопрос о достаточности ресурсов для того, чтобы выдержать и победить. Ответ на этот вопрос может дать только системный анализ российской экономической модели: насколько она качественна, совершенна, эффективна; каков ее потенциал в экстремальной ситуации. Замысел данного номера состоял в поиске ответов на эти вопросы. С этой целью 23 марта 2023 г. был проведен круглый стол по теме «Социально-экономическая система России: модель ее функционирования и развития». Статьи участников круглого стола включены в текущий номер журнала, и читатель может с ними ознакомиться. С тематикой круглого стола и номера журнала связаны статьи, посвященные генезису современного российского капитализма, влиянию санкций в IT секторе на экономику России. Обсуждение показало актуальность темы, особенно в современных условиях.

Вместе с тем обсуждение проблем российской экономики выявило сложность этой темы как в теоретическом, так и в практическом плане. Без теоретического анализа, оценок и выводов, руководящие органы вынуждены принимать решения в режиме ручного управления, которое зачастую связано с методом проб и ошибок. А ценой ошибок могут оказаться суверенитет страны и сбережение ее народов. Экономическая теория находится в первом ряду ответственности за научное осмысление настоящего и прогнозных оценок будущего. Так же с нее не снималась и нормативная функция. Она должна вырабатывать рекомендации систематического использования научных принципов управления.

Начать следует с теории. Есть все основания утверждать, что сегодня на консенсусном уровне признано общее положение о смешанном характере российской экономики. Содержание этой формулы состоит в многообразии форм собственности. Дальше научная аналитика мало продвинулась. Между тем требуется установить не только структуру форм собственности (с этим как-то статистика справляется), надо еще установить качество, функции и потенциал каждой формы. Здесь пока преобладает догма о наибольшей эффективности частной собственности. Она не обосновательна, поскольку исходит из обширного исторического материала, подтверждающего это положение. Но возникает тупик при попытке ответить на вопрос: почему эта универсальная традиция не проявила себя высокой эффек-

¹ *Хубиев Кайсын Азретович*, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (khubiev48@mail.ru)

**Цитирование*: Хубиев К.А. Вступительное слово выпускающего редактора // Вопросы политической экономики. № 3 (35). С. 23-25.

тивностью в России, где уже три десятилетия абсолютно преобладает частная собственность, а темпы экономического развития ниже мировых. Нами предложен вариант теоретического ответа, состоящего в том, что именно в России проявился эффект провала частной собственности, наподобие провала рынка, признанного в экономической теории.

На многообразии форм собственности фундаментальные теоретические вопросы не исчерпываются. Отношения собственности, в смысле доступа к ресурсам (средствам производства), образуют основное экономическое отношение. А фундамент системы образует связка из исходного и основного отношений. Исходное отношение, как правило, выпадает из теоретического анализа. Оно имеет два главных свойства: генетическое (как «экономическая клеточка» системы) и функциональное (как всеобщая форма связи производства и потребления). И оба имеют важное значение.

Далее, исходное отношение тоже структурно многослойно, как и основное отношение. В реалиях российской экономики функциональная многослойность исходного отношения проявляется в разных формах ценообразования. Директивное (плановое) ценообразование на товары особого значения (госуслуги, тарифы, оборонные заказы и т.п.) – на одном полюсе; конкурентно-рыночное ценообразование (торговля, особенно розничная, гостиничный бизнес, питание и др.) – на другом. Между этими полюсами располагаются рыночно-монопольное и естественно-монопольное ценообразование. Далее следует установить эффективность каждой из этих форм.

Основу экономической системы образует сложный комплекс элементов исходного и основного отношений. Эти элементы в сложном комплексе взаимодействий пронизывают всю экономику, образуя ее системное качество. Отсюда следует вывод: функциональное качество системы, ее потенциал зависят от качества элементов ее основания. Кратное отставание российской экономики от мировой объясняется низким функциональным качеством элементов ее основания. Этим определяется необходимость существенной реформации сложившейся в России экономической модели.

Экономика России в XXI веке туго переплетена отношениями в мировом экономическом пространстве. Формируется новый миропорядок под действием сил и механизмов, пока еще скрытых от прямого наблюдения. Каким будет это новое мироустройство, каково место и судьба России в нем? Вопрос о состоянии российской экономики, ее запаса прочности, факторах развития и торможения перемещается в область жизненно важных и неотложных практических проблем.

Особая группа вопросов связана с уникально-историческим положением России в основном потоке мировых тенденций, соотношением ее ресурсного потенциала и миссии преодоления однополярно-надменного мира. Во весь рост встает задача определения цены решения поставленных задач и потенциала российской экономики.

Есть объективная почва для напряженной работы теоретического интеллекта и востребованности ее результатов. Мы надеемся на то, что у коллег не найдется сколько-нибудь весомых оснований для того, чтобы искать повод уклониться от участия в обсуждении столь важной для страны проблематики и профессиональ-

ного удовлетворения пытливого ума теоретика, в коих мы числим всех наших читателей и авторов.

Хубиев Кайсын Азретович,
доктор экономических наук, профессор

podpiska.pochta.ru

ТЕМА НОМЕРА – СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ: МОДЕЛЬ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

УДК: 330.3

DOI: 10.5281/zenodo.8319967 <https://zenodo.org/record/8319967>

ДИСКУТИРУЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ КРУГЛОГО СТОЛА ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»)

Кайсын Азретович Хубиев¹

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (khubiev48@mail.ru), (ORCID 0000-0001-7285-1136)

Ключевые слова: *российская экономическая система, производственные отношения, политическая экономия, технологический и экономический суверенитет, социально-экономическое развитие, рост, модернизация*

Для цитирования: Хубиев К.А. Дискутируя проблемы развития российской экономической системы (предисловие к публикации материалов круглого стола журнала «Вопросы политической экономики») // Вопросы политической экономики. 2023. № 3 (35). С. 26-28.

DISCUSSING THE PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMIC SYSTEM (A FOREWORD TO THE PUBLICATION OF MATERIALS OF A ROUND TABLE ORGANISED BY THE JOURNAL “PROBLEMS OF POLITICAL ECONOMY”)

Kaysyn A. Khubiev

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (khubiev48@mail.ru), (ORCID 0000-0001-7285-1136)

Keywords: *Russian economic system, industrial relations, political economy, technological and economic sovereignty, socio-economic development, growth, modernization*

For citation: Khubiev K.A. Discussing the problems of the development of the Russian economic system (a foreword to the publication of materials of a Round Table organised by the journal “Problems of Political Economy”). Problems in Political Economy. 2023; 3 (35): 26-28.

JEL codes: P10, P11, O11.

¹ © Хубиев К.А., 2023.

Редакцией журнала «Вопросы политической экономии» 23 марта 2023 г. был проведен круглый по теме «Социально-экономическая система России: модель ее функционирования и развития», в котором приняли участие ведущие ученые МГУ, СПбГУ, СПбГЭУ, РАНХиГС, Института экономики РАН и других научно-образовательных центров России.

Перед участниками семинара были поставлены следующие вопросы: какая экономическая система (модель) сформировалась в России за 30 лет реформ в социально-экономическом и функциональном измерении; каков потенциал (предельные возможности) этой системы, особенно с учетом возросших нагрузок в геополитическом измерении; каково содержание и основные направления ее совершенствования. На эти вопросы были даны ответы разного уровня и разного содержания, нередко даже противоположного. На первый вопрос большинством участников круглого стола был дан ответ, основным содержанием которого была примерно следующая характеристика: в результате реформ в России сформирована социально-экономическая модель государственно-олигархического капитализма с неразвитым рынком и отсталой социальной сферой. В функциональном плане преобладает вывод о том, что за 30 лет не создан механизм и набор инструментов экономического роста и развития. Отсюда соответственно и возникают задачи перехода к интенсивному социально-экономическому развитию, обеспечивающему рост основных макроэкономических результатов и продвижение в решении социальных проблем, с одной стороны, и преобразования социально-экономической системы России, обеспечивающего переход к такому развитию, с другой.

На круглом столе была представлена и особая точка зрения, в соответствии с которой в России сложилась неэффективная модель в результате провалов рынка и частной собственности, выразившихся в беспрецедентном падении производства и уровня жизни.

Рассмотрен очень актуальный вопрос о связи национальной экономики с мировой и необходимостью решения проблемы экономического и технологического суверенитета. Национальной специфике российской экономики уделено специальное внимание. Исходя из предпосылки наличия определенных императивов национальной экономики, ряд участников дискуссии предложил сопоставлять их с глобальными и универсальными тенденциями развития, а также новыми технологическими изменениями.

В одной из публикуемых статей основное внимание уделено историческим рефлексиям, прошлому. Утверждается, что нынешняя российская система является наследницей капитализма, который в СССР был прикрыт социалистической оболочкой и фразеологией. В таком же жанре написана статья, в которой переход к нынешней реальности (которая характеризуется как модель периферийного капитализма) определяется вырождением сталинской системы и влиянием глобального капитализма.

Негативной в целом оценкой сложившейся модели национальной экономики и ее функционирования обусловлен поиск направлений ее развития. Разными оценками прошлого определяются и предложения по развитию.

С позиций, где идеалом считается частный капитализм, предлагается провести дополнительную приватизацию, развить финансовую систему. Одновременно предлагается решать и социальные проблемы: уменьшение и преодоление нера-

венства (в широком смысле), развить образование и здравоохранение, совершить большие вложения в «экономику знаний».

Другая точка зрения исходит из того, что нельзя повторно проводить радикальные рыночные реформы, которые показали свою провальность в конкретных условиях России. Предлагается соединить два конкурентных преимущества, которые имеются у России: человеческий потенциал, включая новое поколение предпринимателей, не связанных с приватизацией и успешно создавших перспективный бизнес, с ресурсами, включая ранее приватизированные предприятия.

При разных подходах к социально-экономическим реформам есть и совпадение в направлениях и инструментах роста. Все согласны с тем, что мотором роста являются инвестиции. Есть согласие и в основных направлениях инвестиций: технологическое развитие, человеческий потенциал, экономика знаний. Различаются направления поиска источников инвестиций, их объемы и др. Актуальность семинара проявилась в том, что обсуждавшиеся на нем проблемы стали частыми сюжетами научных форумов.

Специально хотелось бы подчеркнуть, что мысли, созвучные с участниками круглого стола примерно в это же время были высказаны академиком РАН Р.Нигматуллиным. Выступая в г. Орле на форуме левого движения, он поставил и ответил на те же вопросы, что обсуждались на семинаре. Его выступление получило большую популярность в социальных сетях, что говорит об актуальности обсуждаемой темы. Думаю, многие участники круглого стола могли бы согласиться с анализом и позитивными предложениями (которые во многом повторяют рекомендации, озвученные в рамках нашего обсуждения), высказанными академиком. Дополнительно можно обратить внимание на затронутые вопросы внутреннего ценообразования на энергию.

Но в целом, как представляется, постановки на семинаре были системней и глубже, поскольку вопрос об экономической модели академиком даже не был поставлен, а корень вопроса – не те или иные конкретные управленцы и их решения, а содержание и формы существующей экономической системы. Нужны изменения в системе. Кроме того, в докладе Р. Нигматулина для анализа были взяты только последние 10 лет. Между тем, нынешняя экономическая модель – продукт трех десятилетий и самые ее фундаментальные основы были заложены радикальными реформами начала 1990-х. Поэтому постановка проблемы формирования российской экономической модели, ее социального содержания, функциональных особенностей, потенциала – более фундаментальная теоретическая постановка. При этом, специально подчеркнем, что несмотря на некоторую полемику, мы считаем, что материал доклада академика Р. Нигматулина очень ценен. Особо следует подчеркнуть, что заключительные слова были посвящены вере в то, что Россия обретет настоящий суверенитет, разовьется и обогатит еще мировую науку и культуру.

Завершая краткое предисловие к серии публикуемых ниже материалов, хочу выразить надежду, что ее материалы окажутся интересными и полезными широкому кругу читателей, и подчеркнуть, что редакция рассчитывает на продолжение глубокой, содержательной дискуссии на тему семинара.

УДК: 330.3

DOI: 10.5281/zenodo.8319974 <https://zenodo.org/record/8319974>

**РОССИЯ:
ОТ ОТСТАЛОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ОЛИГАРХИЧЕСКОГО
КАПИТАЛИЗМА К ПЕРЕДОВОМУ СОЦИАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ
С РАЗВИТЫМ РЫНКОМ И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ
ИННОВАЦИЯМИ***

Абел Гезевич Аганбегян¹

Академик РАН, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия, (aganbegyan@ranepa.ru), (ORCID: 0000-0002-9689-7005)

Ключевые слова: *социально-экономическая модель, государственно-олигархический капитализм, социальное государство, экономический рост, структурные реформы, повышение благосостояния людей, мобилизация дополнительных ресурсов*

Для цитирования: Аганбегян А.Г. Россия: от отсталого государственно-олигархического капитализма к передовому социальному государству с развитым рынком и научно-технологическими инновациями // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 29-58.

**RUSSIA:
FROM BACKWARD STATE-OLIGARCHIC CAPITALISM
TO AN ADVANCED SOCIAL STATE WITH A DEVELOPED MARKET
AND SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL INNOVATIONS***

Abel G. Aganbegyan

Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Head of the Department of Economic Theory and Policy of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, (aganbegyan@ranepa.ru), (ORCID: 0000-0002-9689-7005)

Keywords: *socio-economic model, state-oligarchic capitalism, welfare state, economic growth, structural reforms, improving people's well-being, mobilization of additional resources*

For citation: Aganbegyan A.G. Russia: from a backward state-oligarchic capitalism to an advanced welfare state with a developed market and scientific-technical innovations. Problems in Political Economy. 2023;№ 3(35):29-58.

JEL codes: P10, P11, O11.

¹ © Аганбегян А.Г., 2023

* На основе доклада А.Г. Аганбегяна на VII Международном политэкономическом конгрессе «Россия в меняющемся мире» (МПЭК-2023). Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 08.06.2023 г.

1. За 30 лет в новой России возникла система государственно-олигархического капитализма с неразвитым рынком и отсталой социальной сферой

За 30 с лишним лет, как известно, с 1991 г. Россия прошла три периода своего развития: трансформационный кризис (1991-1999 гг. – 9 лет), восстановительный социально-экономический подъем (1999-2008 гг. – 10 лет) и период кризисов и стагнации (2009-2023 гг. – 15 лет).

Трансформационный кризис. В экономической истории в мирное время было только два самых глубоких и тяжелых финансово-экономических и социальных кризиса – «Великая депрессия», острая фаза которой была в 1929-1933 гг., хотя кризисные явления продолжались до 1939 г., и рассматриваемый трансформационный кризис в новой России, в 1991-1998/1999 гг., причем нижняя точка экономических показателей была пройдена в 1998 г., а социальных показателей в 1999 г. По снижению экономики и уровня жизни эти два кризиса довольно близки – валовый внутренний продукт в 1929-1933 гг. сократился в 1,85 раза в США, а в России в 1991-1998 гг. он снизился в 1,8 раза. Объем промышленного производства при этом в США уменьшился в 2,1 раза, а в России – в 2,2 раза. Капитализация фондового рынка упала в 4,5 раза в США и около 10 раз в России (1998 г.). Возник крупнейший банковский кризис с банкротством ведущих банков и в период «Великой депрессии» в США, и в период трансформационного кризиса в России.

В то же время в США безработица с 3,2% увеличилась до 25%, а в России только до 13%. В трансформационный кризис в России возникла гиперинфляция с повышением цен в сотни раз, что привело население и бизнес к потере рублевых сбережений. В США ничего подобного не было – цены в «Великую депрессию» не выросли, а сократились на 27% при отмене «Золотого стандарта». 2,5 млн человек в США в «Великую депрессию» лишились жилья, чего не было в России. Особенности России – катастрофическое ухудшение демографической ситуации с депопуляцией в 950 тыс. чел. в худший год в период трансформационного кризиса. Численность абсолютно бедных в России, чьи доходы оказались ниже прожиточного минимума, достигло 45% всего населения. Близкие показатели бедности были и в США в период «Великой депрессии».

При всем этом причины «Великой депрессии» и трансформационного кризиса ничего общего между собой не имели. «Великая депрессия» являлась составной частью глубокого общемирового экономического кризиса. А трансформационный кризис в России был весьма специфичен и имел ряд общих черт с подобным кризисом в бывших социалистических странах, переходящих, как и Россия, к новой социально-экономической системе – системе рыночного капитализма.

Но продолжительность и глубина трансформационного кризиса в России была в 2-3 раза выше, чем в других постсоциалистических странах, где кризис продолжался не 9 лет, как в России, а 4-5 лет, инфляция поднялась не в сотни раз, а от 1,5 до 4,5 раз, сокращение экономики и социальной сферы не превышало 10-15%.

Катастрофическая тяжесть трансформационного кризиса в России связана, прежде всего, с социально-экономическими последствиями распада СССР в 1991 г., необходимостью шокового перехода к рыночной системе в условиях всеобщего дефицита и долгового кризиса в последние годы существования ослабленной советской власти, необходимостью коренной перестройки структуры и номенклатуры произ-

водства товаров и услуг при переходе от централизованной системы управления к капиталистическому рынку, неподготовленности этого перехода и допущенных ошибках, политической неустойчивости при ослабленной государственной власти и развитой «вседозволенности» и из-за необходимости резкого сокращения военных расходов и оборонной промышленности в связи с окончанием «холодной войны» и договорах по разоружению, противодействие либерализации и приватизации со стороны значительной части работников.

Самыми трудными периодами трансформационного кризиса была вторая половина 1991 г. и первая половина 1992 г., когда объемы производства и реальные доходы населения сократились в 1,5 раза, усилились центробежные силы, ведущие к распаду России, но принятые правительством Е. Гайдара серьезные меры по исправлению ситуации заметно улучшили положение к осени 1992 г. В целом в этот году ВВП сократилось на 14%.

Замена правительства «рыночников» на «красных» директоров во главе с В. Черномырдиным, далеких от понимания рыночной экономики, привело вновь страну на грань экономической катастрофы осенью 1993 г., когда значительная часть промышленности попросту остановилась из-за отсутствия финансовых средств. Пришлось звать на помощь Е. Гайдара, который смог за несколько месяцев запустить производство. Но и при этом объем экономики за 2 года в 1993-1994 гг. «рухнул» на 18%. И только после этого с 1995-1997 гг. положение стало выправляться, особенно после того, как к власти в правительстве пришли новые «реформаторы» – А. Чубайс и Б. Немцов. При них в 1997 г. наблюдался даже небольшой рост ВВП, промышленности и реальных доходов.

А 1998 г. опять стал кризисным – Россия попала в финансовый кризис, вызванный небывалым сокращением фондовых рынков в Юго-Восточной Азии, когда крупнейшие в мире инвестиционные компании и банки лишились значительной части своих активов и стали стягивать средства, продавая принадлежащие им ценные бумаги, прежде всего на рынках развивающихся стран, в том числе в России. Фондовый рынок России практически разорился, сократившись в 10 раз. Россия лишилась значительной части своих небольших золотовалютных резервов, отказалась от регулирования валютного курса рубля, пустив доллар в «свободное плавание». Долларовый курс рубля при этом после дефолта в августе 1998 г. упал в 4 раза (с 6,2 руб. за один доллар до 25 рублей). В результате в России разразился острейший финансовый кризис – удвоились розничные цены, почти на 30% снизились реальные доходы, обанкротились крупнейшие банки, где «пропали» счета десятков миллионов человек и сотен тысяч предприятий. Трансформационный кризис таким образом достиг нижней точки.

В то же время в период трансформационного кризиса были осуществлены коренные мероприятия по переходу от социалистической системы хозяйства к рыночной системе и частной собственности. Этот переход начался 2 января 1992 г. с реформы либерализации цен. Впервые такая реформа проводилась в стране, где уже нарастал кризис всеобщего дефицита потребительских товаров в государственной торговле. Поэтому либерализация цен привела к их огромному скачку – в январе розничные цены выросли в 3,5 раза, за три месяца – в 5 раз, а в целом за 1992 г. инфляция составила 25 раз.

Чтобы обеспечить удовлетворение спроса и наполнить пустующие полки магазинов товарами, приходилось сдерживать денежную массу путем налоговых и других ограничений. Это, естественно, привело к значительному снижению реальных доходов населения и в первую очередь – реальной заработной платы. Уже к марту, а особенно апрелю и маю, дефицит товаров в розничной торговле в значительной мере был устранен. И главное – национальная валюта была укреплена. В России в конце 1992 г. была проведена денежная реформа.

Трудно переоценить значимость этого. Ведь из-за установленных ранее централизованных цен на зерновые культуры крестьяне не повезли зерно на элеваторы, поскольку эти цены были занижены, в то время как цены на горючее, удобрения, сельскохозяйственную технику в определенной мере повысились, и крестьяне не смогли бы получить, продавая зерно по заниженным ценам, достаточных средств для проведения очередной посевной кампании. Они ожидали повышения цен на зерно и поэтому решили пока не продавать зерно на элеваторы, а складировать в собственных помещениях, выжидая время. Но достаточных, а тем более оборудованных, для хранения помещений у колхозов и совхозов не было, не было, например, техники для сушки зерна, его очистке и др. Зерно складировалось подчас в непригодных помещениях и начинало портиться. С другой стороны, существовали крупнейшие в стране организации типа Птицепрома и Свинопрома, получающие корм после переработки этого зерна на заводах, которые обычно были при элеваторах. Птица и скот стали испытывать дефицит в кормах и их, естественно, стали забивать. Если бы эта ситуация продлилась еще несколько месяцев, то нашу страну ждал бы голод. Либерализация цен сразу повысила цены на зерно, на мясо птицы, на продукцию скота и все-таки большую часть зерна, срочно доставляя на элеваторы, удалось сохранить и крупного голода удалось избежать.

Либерализация цен сделала рубль платежеспособным и это сплотило централизованную власть с регионами России, которые в период распада страны добивались независимости от центра, выставляя условия заключения договоров с правительством, о том, что регион дает центру, а что центр дает региону, пытаясь резко расширить свои полномочия. Возникло движение за создание Уральской республики, Дальневосточной и др. Это было возможно в условиях дефицита, когда ценился не рубль, а дефицитная продукция, и ее можно было обменять на другие виды продукции. Когда же рубли стали платежеспособными и в магазинах можно было почти все купить, каждый регион стал нуждаться в деньгах, чтобы платить своим сотрудникам, обеспечивать пенсии и т.п. А национальная валюта, естественно, находилась в централизованных руках, и все регионы стали зависимы от центра и вынуждены были обращаться к нему для получения от него необходимых рублевых средств.

С каждым месяцем, зарабатывая рубли, можно было бы купить все более широкий круг товаров и услуг и население сосредоточилось на работе для получения все большей суммы денег, тем более что возможности расширились – можно было заняться индивидуальными предприятиями, создавать и преобразовывать предприятия, заниматься совместным бизнесом с зарубежными организациями и т.д. Поэтому массовые забастовки, характерные для страны в период дефицита товаров, значительно сократились. В частности, это касалось шахтеров, многие из которых длительно не работали, а требовали повысить им зарплату, пенсии, сокра-

тить рабочее время и т.п. Они организовали палаточный лагерь около Белого дома, стучали касками по асфальту, к ним приходили люди, одобряли и поддерживали их настрой, приносили им еду. Из-за этого угля добывалось недостаточно и при приближающейся зиме 1992 г. угольные склады на электростанциях и котельных были полупустые. Население ждало не только голодная, но и холодная зима. При либерализации цен уголь стал стоить намного дороже, семьям шахтеров помогать перестали, и они возвратились к работе, причем работали сверхурочно, производительно и «с колес» смогли обеспечить теплом и электроэнергией районы России.

Так что неправы оказались те, которые называли правительство Е. Гайдара «правительством камикадзе», предсказывая, что с приходом летних месяцев население с ним «расправится».

Насыщение рынка товарами с каждым месяцем сокращало инфляцию. Если в первые месяцы после либерализации цен они увеличивались в разы, потом на десятки процента, то к осени уровень инфляции спал до нескольких процентов. Облегчилось регулирование зарплат, удалось материально заинтересовать людей в труде, стимулировать рост производительности и эффективность.

В то же время в ходе либерализации цен было допущено, на наш взгляд, ряд серьезных ошибок. Самая главная ошибка — отсутствие индексации сбережений населения, предприятий и организаций на рублевых счетах в банках. Эти счета обесценились. Для многих это было трагедией. К тому же приватизацию пришлось проводить полубесплатным путем, не продавая, а фактически распределяя госимущество в пользу руководящего состава предприятий или организаций, продавая ваучеры на это имущество по низким ценам, что давало возможность приобретать все большую собственность за спекулятивные средства.

Самыми богатыми в условиях спекуляции и государственной приватизации стали банкиры, скупавшие промышленные активы, недвижимость и другую собственность. Так появилась первая плеяда олигархов, и возникло растущее социальное неравенство, хотя удалось приватизировать 65% всей собственности (доля в производстве ВВП приватизированными предприятиями и организациями). А доля консолидированного госбюджета в ВВП сократилась до 20%. Но роль государства в формировании собственности была главенствующей и в дальнейшем использовалась для ее перераспределения в пользу государства.

Благодаря мощи государства и олигархических структур возникла монополизация многих отраслей и сфер деятельности со стороны госструктур и олигархических холдингов. Конкуренция была подорвана.

Не был создан рынок капитала, так как государство и олигархи предпочитали наживаться на «коротких» деньгах. При высокой инфляции поддерживались высокие кредитные ставки и не получил адекватного развития инвестиционно-кредитный рынок и фондовая биржа, которая была небольшой и носила полуспекулятивный характер.

При снижении производства и растущем социальном неравенстве преобладающим стало бедное население, вынужденное выживать. Финансирование социальной сферы в госбюджете при этом резко сократилось, так же как науки, технологии, инновации. Удельный вес инвестиций в ВВП в период трансформационного кризиса по сравнению с советским временем сократился в 2,5 раза и не достигал даже 20 % в ВВП. Еще больше снизилась сфера «экономики знаний» (НИОКР,

образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) – главная составная часть человеческого капитала. Ее доля в ВВП достигла минимума в 12%. А ведь инвестиции в основной капитал и вложения в сферу «экономика знаний» являются основными драйверами социально-экономического роста в рыночной экономике. Так что наша страна в переходный период к рынку не сформировала двигатель своего развития. И именно поэтому она вот уже 30 лет в социально-экономическом плане «топчется на месте».

Восстановительный социально-экономический подъем. 4-кратная девальвация рубля по отношению к доллару после объявления государственного дефолта в августе 1998 г. привела к соответствующему повышению цен на импортные товары. Сокращение реальных доходов населения и выручки предприятий и организаций заставило их отказаться от покупки подорожавших в 4 раза импортных товаров, они переключились на приобретение товаров отечественного производства, цены на которые увеличились намного меньше – на 84%. Объем импорта, в связи с этим, сократился вдвое. Соответственно, резко выросло импортозамещение. Черная металлургия, химическая промышленность, машиностроение, целлюлозно-бумажное производство, легкая и текстильная промышленность, производство пищевых продуктов в 1999 и в 2000 гг., в связи с этим увеличивали производство по 10-20% в год против снижения этого объема в кризис 1998 г. на 5-10%. Годовой рост промышленности в 1999 г. «скакнул» до 10%, а в 2000 г. составил даже до 12%, чему способствовало увеличение цены на нефть вдвое с 12 до 25 долл. за баррель.

Цена резко подорожавшего доллара стагнировала и даже немного снижалась в последующие годы, вплоть до 2008 г. включительно. А внутренние рублевые цены свой рост, напротив, продолжили. В 1999 г., например, розничные цены увеличились на 37%, в 2000 г. еще на 20%, а в 2001 г. на 19%. Всего таким образом они увеличились в 3,6 раза. Так что с учетом более высокого качества импортные товары вновь стали конкурентными и в 2001 и 2002 гг. стали вытеснять импортозамещающие отрасли. Вместо 10-20% ежегодного роста это внутреннее производство снизило темпы до 3-4%, а текстильная промышленность стала даже сокращать производство. Темпы роста промышленности и ВВП сократились в 2-3 раза в 2001-2002 гг.

А с 2003 г. ежегодные темпы роста опять стали нарастать в связи с начавшемся по инициативе Саудовской Аравии и стран ОПЕК взятых курсов по увеличению экспортных цен на нефть. Ежегодная цена на нефть с 25 долл. за баррель стала нарастать по 10-15 долл. в год, а в 2008 г. достигла 95 долл. за баррель против, напомним, 12 долл. в 1998 г. Рост – в 8 раз! А ведь экспорт нефти составляет более половины экспортной выручки России. Цена на нефть потянула вверх стоимость природного газа, стали увеличиваться экспортные цены на черные и цветные металлы, удобрения. Россия увеличила экспорт оборонной продукции. В результате экспорт страны с 75 млрд долл. возрос до 472 млрд долл. в 2008 г. – рост в 6 раз! Небывалый рост экспорта потянул вверх за собой всю экономику.

Суммарная стоимость экспортной выручки за 2000-2008 гг. в России составила более 2 трлн долл. Из 2 трлн экспортной выручки 1,2 трлн долларов – «дармовые» деньги, связанные с повышением цен на нефть и другие товары. Подавляющая часть этих денег государство изъясало через введение прогрессивной пошлины в зависимости от цены на нефть. Оно расплатилось с внешнеэкономическими долга-

ми, которые при Б. Ельцине достигли 158 млрд долларов, а в 2008 г. сократились до 38 млрд. Другую часть средств направили, с одной стороны, на формирование 597 млрд долларов золотовалютных резервов страны против минимальной их суммы в 10 млрд после кризиса 1998-1999 гг. и на увеличение госбюджета. Доля консолидированного бюджета с внебюджетными государственными фондами (пенсионный, страхование здравоохранения и социальный) увеличилась с 20% в 1998 г. в ВВП до 40% в 2009 г. Так что госрасходы стали расти вдвое быстрее, чем экономика в целом. Но это, к сожалению, мало затронуло сферу «экономика знаний», а в значительной мере пошло на содержание госаппарата, оборону, безопасность и национальную экономику, в первую очередь на транспортную инфраструктуру.

Приоритетный рост реальных доходов населения (в 2,3 раза за 1999-2008 гг.) в период восстановительного подъема также сыграл свою роль в увеличении ВВП. Инвестиции в основной капитал выросли значительно – в 2,8 раза за этот период, но они ведь сократились в первые 10 лет трансформационного кризиса почти в 5 раз. Так что их доля в ВВП осталась весьма низкой, как и доля сферы «экономика знаний». Поэтому они не могли заметно повлиять на переход России к устойчивому социально-экономическому росту.

Колоссальные валютные средства, заработанные на экспорте, были вложены в разрушенное в период трансформационного кризиса производство машин и оборудования в недостаточном объеме. А ведь именно от машиностроения зависит главным образом технологический прогресс и порождаемый им рост экономики. Материально-техническая база России несколько улучшилась, но осталась все же весьма отсталой, неспособной обеспечить России инновационный путь развития.

Как видно, социально-экономический подъем позволил России достичь и даже на несколько процентов превзойти уровень исходного 1990 г. Особенно это касается повышения благосостояния населения в 2008 г. Средний уровень реальных доходов в 2008 г. на 30% стал выше показателя 1990 г., но подавляющая часть дополнительных доходов пошла на увеличение благосостояния 20% самой зажиточной части населения, которая сконцентрировала у себя 47% всех доходов, в то время как 20% бедного населения получила 5,5% – в 8 раз меньше. А разница в среднем душевом доходе 10% самых зажиточных россиян в сравнении с доходами 10% самых бедных с 4,5 раз в 1990 г. и с 3 раз в 80-е годы увеличилась до 15-16 раз.

При относительно высоком среднем доходе 60% населения было относительно бедным – оно не могло позволить себе приобретать многие промышленные товары, автомашины, жилье, не ездили в отпуск, их дети не имели средств поступить в лучшие университеты из-за дороговизны транспорта и жизни в крупных городах, а тем более учебе за плату, удельный вес которой систематически увеличивается. Ведь платное обучение в лучших вузах ежегодно обходится от 300 тыс. и до 900 тыс. руб. в год.

Самое главное, чего не было сделано в период социально-экономического подъема, – не созданы условия и драйверы для последующего социально-экономического роста. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП достигла всего 20-22%. Это – главный драйвер по значимости, в то время как для того, чтобы толкать экономику и уровень жизни вверх в индустриальной стране, к которой относится Россия, эта доля должна быть не ниже 25% при эффективном использовании этих средств, чем мы не можем похвастаться. Вторым по значимости является сфера

«экономика знаний» – главная составная часть человеческого капитала, ее доля в ВВП – 14%, а для обеспечения устойчивого социально-экономического роста нужно иметь, как минимум, 20%.

В период восстановительного подъема в стране не был создан рынок капитала с необходимой конкурентной средой, который является главным двигателем социально-экономического развития в рыночном хозяйстве. Лишь 1-2% банковских активов, а это – главный «денежный» мешок страны, втрое превышающий все госрасходы, направляются на инвестиционный кредит в основной и человеческий капитал. Подавляющая часть банковских активов – «короткие» деньги. Не формирует по-настоящему «длинные» деньги и фондовая биржа России, к тому же небольшая по размеру (в десятки раз ниже, чем в США и Китае) и сформированная в основном тоже из «коротких» денег. Отсюда и ее полуспекулятивный, а не инвестиционный, характер. В других рыночных странах и развитых и передовых развивающихся странах удельный вес инвестиционных кредитов в составе банковских активов в 5-10 раз выше, чем в России, и они являются главным источником социально-экономического развития, в 2-3 раза превышая собственные средства предприятий и организаций. А в России они являются главными источниками инвестиций в основной капитал.

Серьезная преграда социально-экономическому развитию России – массовое огосударствление экономики в период социально-экономического подъема. Кампания по приватизации в России была завершена в 2003 г. При этом не до конца была доведена реформа по приватизации энергетики и прекращена начатая реформа железнодорожной деятельности. В дополнение к крупнейшей корпорации Газпром, где государство владеет основной частью собственности и определяет ее деятельность, были сформированы новые подобные крупнейшие холдинги – Роснефть, Ростехнологии и РЖД, формально являющиеся акционерными общества с контрольным пакетом у государства. Резко при этом увеличен объем Газпрома, созданы крупнейшие государственные объединения в энергетике, кроме атомных электростанций, появилось государственные объединения гидроэлектростанций страны и самое большое объединение электростанций – Интер РАО, контролируемое государством. Крупное энергетическое объединение отданы также Газпрому.

Наиболее активную деятельность по огосударствлению банковской системы проводил ЦБ, резко увеличив активы государственных Сбербанка, ВТБ и Россельхозбанка, приоритетно развивая Газпромбанк, подчиненный Газпрому, а значит находящийся тоже под контролем государства. При этом ЦБ начал систематическую кампанию по ликвидации частных банков, особенно региональных. В результате треть регионов России не имеют ни одного собственного банка. Все финансы там сконцентрированы в основном в филиалах московских, преимущественно государственных, банках.

В результате всех этих мер доля предприятий и организаций, принадлежащих или контролируемых государством в создании ВВП, удвоилась с 35% в 2003 г. до 71%, а частного сектора и иностранных компаний сократилось с 65 до 30%. Концентрируя огромные ресурсы, эти подчиненные государству структуры развиваются сниженными темпами, находясь в основном в стагнации.

В 2013-2015 гг. государственные инвестиции сократились на 31%, прежде всего по бюджетной линии федерации и регионов, и еще больше снизились инвести-

ции у крупнейших концернов, контролируемых государством. На 27% снизили инвестиционный кредит в основной капитал государственные банки, на которые они расходовали всего несколько процентов своих активов. Столь значительное сокращение инвестиций в основной капитал по всем государственным линиям, а это половина всего объема инвестиций в основной капитал в стране, привело к их общему сокращению более чем на 11% несмотря на то, что частные предприятия и организации увеличили инвестиции в этот период на 10%.

Сокращение и без того относительно небольших инвестиций в основной капитал снизило их долю в ВВП до 18% и явилось главной причиной перехода нашей страны к длительной стагнации в третий период социально-экономического развития России. Так что условия для возникновения негативных трендов третьего периода заложена, как это не странно, во время восстановительного подъема.

Период стагнации и кризисов. Недостаточная комплектность и эффективность преобразований, проведенных в течение 20 лет в новой России, привели к формированию незавершенной переходной системы социально-экономического развития России с рядом диспропорций, слабости и уязвимых мест. Поэтому при вовлеченности России в общемировой циклический кризис, начавшийся в США в 2007-2008 гг. ударил по России намного сильнее, чем по другим странам. ВВП России сократился на 7,8%, инвестиции в основной капитал – на 16%, внешнеэкономический оборот – на 40%, а капитализация фондового рынка упала почти в 5 раз. Кризис в России стал самым глубоким среди 20 ведущих стран, представленных на мировом саммите. Экономика стран Евросоюза снизилась вдвое меньше – на 4%, а США – на 3%. Что касается развивающихся стран во главе с Китаем, Индией и Бразилией, то у них ВВП не уменьшился, а понизился среднегодовой темп роста с 6 до 2%. На нуле прошли кризис Белоруссия и Казахстан. Более глубокий спад экономики в кризис произошел в Украине и Армении (на 15%), Греции, Португалии, Исландии и некоторых других небольших странах. Объем мировой торговли снизился вдвое меньше, чем в России, на 20%, а фондовый рынок ведущих стран мира, включая Китай, – в 2,5 раза меньше.

Но население России перенесло тяготы кризиса легче, чем ожидалось. Реальные доходы в кризис не снизились благодаря индексации заработной платы и пенсий. Для поддержки благосостояния и сохранения устойчивости банковской системы правительство, возглавляемое в то время В.В. Путиным, использовало 211 млрд долл. из накопленных золотовалютных резервов – около трети их суммы. Конечное потребление домашних хозяйств и розничный товарооборот сократились на 4-5% из-за того, что население значительную часть денежных доходов направило на сбережения, что характерно для кризисного времени. На 1,6 млн человек к тому же увеличилась безработица, доля которой в активном населении повысилась до 8%. Благодаря антикризисной программе правительства за 1,5-2 года удалось восстановить докризисный уровень занятости. Особые меры были приняты правительством для предотвращения банкротства отдельных банков. Здесь был использован беззалоговый кредит, а государственным банкам были предоставлены долговременные кредиты по низким процентным ставкам. Так что банковской трагедии 1998-1999 гг. не произошло. Государству удалось также предотвратить крупную девальвацию рубля по отношению к доллару – рубль ослабел не в 4 раза, как в кризис 1998-1999 гг., а всего на 30% – цена доллара

в рублях увеличилась с 24 до 32 рублей, который поддерживался с конца 2008 г. до середины 2014 г.

Правительство умело организовало и поддержало послекризисный «отскок» экономики вверх и по основным социально-экономическим показателям докризисный уровень был восстановлен в 2010-2011 гг. Кризис продолжался 5 кварталов – с 4 квартала 2008 г. до 4 квартала включительно 2009 г. ВВП в 2010 г. увеличился на 4,5%, а в 2011 г. еще на 4,3%. Промышленное производство, которое снизилось в годы кризиса на 10,8%, за один 2010 г. отыграло 8,2%. Также быстро за 1,5-2 года восстановился объем внешней торговли, прежде всего за счет повышения сниженной до 61 долл. цены на нефть в 2009 г. до 78 долл. в 2010 г. и 110 долл. за баррель в 2011 г. Объем внешней торговли с 472 млрд долл. в 2008 г. в связи с этим возрос до 529 млрд долл. в 2012 г. Инвестиции восстановились за 3 года и только фондовый рынок и объем строительно-монтажных работ в стране не достигли докризисного уровня, в то время как все другие экономические и социальные докризисные показатели были на 1-3% перекрыты за три года послекризисного «отскока».

Правительственные организации, судя по всему, не принимали во внимание слабости, уязвимость, неспособность сложившейся системы народного хозяйства к последовательному социально-экономическому росту. Поэтому, когда кризис всюду уже бушевал в США и Европе в 2008 г., руководители правительства, Минфина и Минэкономразвития «соствязались» в нахваливании нашей экономики, провозглашая ее «незыблемым островом в бушующем океане, заливающим другие острова». А во время кратковременного послекризисного «отскока» с ежегодным темпом, они с уверенностью говорили о начале нового периода подъема экономики с ежегодным темпом ВВП и реальных доходов по 4-5%, а инвестиций в основной капитал – даже по 10-12%. При этом они опирались на разработку перспектив социально-экономического развития России на период до 2020 г., подготовленную Академией народного хозяйства при Правительстве РФ и Высшей школой экономики совместно с правительственными организациями. Эти разработки легли в основу серии Указов повторно избранного Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2012 г., где отдельный Указ касался перспектив развития экономики, предусматривающий повышение доли инвестиций в основной капитал в ВВП с 21% в 2011 г. до 25% в 2015 г. и 27% в 2018 г., что предполагало рост инвестиций за этот период на 40%. Выдвигались идеи крупного технологического прорыва, перехода на инновационный путь развития, опережения Германии по объему ВВП, от которой мы немного отставали, и многое другое.

На позитивный лад настраивал успешный послекризисный подъем 2010-2012 гг. Между тем, этот подъем во многом был связан с двумя причинами: во-первых, с повышением цены на нефть и увеличением экспорта. И более существенно – крупные заемные средства, которые наши предприятия и организации, прежде всего концерны и объединения, заимствовали с открытого в то время для нас финансового рынка. Они там заняли (чистый прирост долга) – 80 млрд долл. в 2010 г., еще 100 – в 2012 г. и 90 млрд долл. – в 2013 г., а всего – 270 млрд долл. В связи с этим внешнеэкономический долг России за этот период вырос до 732 млрд долл.

В начале 2014 г. Россия присоединила Крым. Западные страны, в связи с этим, ввели санкции против России, в том числе во второй половине 2014 г. – системные санкции, ограничив допуск российских организаций на мировой финансовый

рынок, запрещения импорта в Россию товаров двойного назначения (для гражданских и оборонных целей) и прекращения поставки в Россию оборудования для добычи нефти и газа, особенно на сложных месторождениях. По оценке экспертов, это негативно повлияло на динамику ВВП России, ежегодно сокращая возможный рост ВВП на 1-1,5%.

Одновременно Саудовская Аравия и страны ОПЕК стали увеличивать добычу и сбыт нефти в мире с тем, чтобы снизить цену нефти и не допустить начавшееся увеличение нефтяной промышленности США за счет освоения сланцевых месторождений, где себестоимость, естественно, выше. В результате цены на нефть сократились почти вдвое – до 60 долл. за баррель в конце 2014 – в начале 2015 гг. Но США провели ряд мер, повысили эффективность добычи сланцевой нефти и продолжали ее добывать при существенно сократившейся прибыли. В ответ Саудовская Аравия и страны ОПЕК стали сбывать нефть по более низким ценам, которые сократились до 30-40 долл. за баррель. США стало невыгодно при столь низкой цене добывать относительно дорогую сланцевую нефть, и они стали сокращать добычу. Но для Саудовской Аравии и стран ОПЕК цена на нефть 30-40 долл. тоже стала невыгодной. В 2015 г., например, Саудовская Аравия из-за этого увеличила дефицит бюджета на 97,5 млрд долл. Пришлось сократить добычу нефти для повышения цены хотя бы до 60 долл., что дало возможность США постепенно увеличивать добычу сланцевой нефти, которой было добыто 170 млн т. в 2015 г., а в 2022 г. – 440 млн тонн. В связи с этим импорт в США ближневосточной нефти серьезно сократился и этим странам пришлось больше переориентироваться на нефтяной рынок Европы и Китая.

Снижение цен на нефть и нефтепродукты – главный экспортный товар России – значительно сократило получаемые государством налоги и взносы с нефтяной сферы, обеспечивающей 45-50% всех доходов федерального бюджета России. Это дополнительно снижало, по оценке экспертов, ВВП России еще на 1-1,5% в год.

Эти новые условия хозяйствования не дали возможность форсированно нарастить инвестиции в основной капитал – главный драйвер нашего развития, напротив, объем этих инвестиций по государственной линии, как было показано выше, сократился на 25-30% и экономика нашей страны погрузилась в стагнацию, а 2015 г. стал годом рецессии, когда ВВП снизился на 2,8%. В 2014 и в 2016 гг. ВВП практически не вырос.

«Беда не приходит одна» – дело усугублялось начавшемся с 2008 г. ежегодным оттоком капитала из России в другие страны. Этот отток увеличился в связи с необходимостью платить проценты и выплачивать тело заемных внешнеэкономических долгов без возможности серьезно перекредитоваться из-за наложенных на Россию санкций. Одновременно в России ухудшились внутренние условия инвестирования, в том числе из-за вмешательства госорганов, в том числе силовых, в бизнес-процессы, а также в связи с застоем и снижением реальных располагаемых доходов населения с 2014 г., со стагнацией инвестиций в основной и человеческий капитал («экономика знаний»).

После стагнации 2020-2021 гг. были кризисными в связи с коронавирусной пандемией, где главный убыток был от рекордного повышения смертности на 645 тыс. человек (до 2446 чел. с 1801 в 2019 г.) и снижением естественного прироста населения из-за значительного сокращения рождаемости более чем на 0,5 млн че-

ловек в 2017-2021гг. Депопуляция (превышение смертности над рождаемостью) в 2021 г. достигла рекордных размеров – 1043 тыс. человек в истории России в мирные годы. Да и в других странах мира в мирные годы столь высокой депопуляции не наблюдалось.

2022 и 2023 гг. также являются кризисными из-за специальной военной операции России в Украине и последовавшими жесткими санкциями со стороны примерно 50 «недружественных» стран мира. Четыре квартала (со второго квартала 2022 г. и до первого квартала 2023 г. включительно) ВВП сокращался от 2 до 4% за квартал (в процентах к предыдущему году). СВО продолжается, и санкции ужесточаются. Но России удастся им противостоять и не допустить обвала экономики и социальной сферы, которая сократилась намного меньше, чем предсказывали эксперты. Перспективы неопределенны из-за откладывающихся сроков перемирия и введения все новых пакетов санкций, число которых превысило 7 тысяч.

Самым крупным достижением России в 2021-2023 гг. было значительное сокращение возросшей в период коронавирусной пандемии смертности и фактическое возвращение ее уровня к докризисным значениям 2019 г.

Лучшим годом России по объемам экономики (размер ВВП) и уровня экономического развития (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) были показатели 2021 г., которые немного превзошли докризисный 2019 г.

Подведем итоги 30-летнего пути новой России как суверенного государства. Экономика России в целом за это время выросла примерно на 20% – меньше, чем другие страны мира. Страны Евросоюза увеличили экономику за это время в 1,5 раза, в том числе новые члены Евросоюза – постсоциалистические государства Европы подняли ее в 2-2,5 раза, а развивающиеся страны, лидерами которых является Китай и Индия, – от 3 до 5 раз. Поэтому объем экономики России (размер ВВП по паритету покупательной способности) со второго места в мире после США в 80-е годы и третьего места (Япония стала второй) с 1990 г. стала шестой страной. Ее дополнительно опередили Китай, Индия и Германия. Вплотную приблизились к России Индонезия и Бразилия с намного большей численностью населения, которые продолжают свой социально-экономический рост.

Что касается места России по размеру номинального ВВП, измеренному по рыночному валютному курсу, то сегодня Россия на 11 месте, уступая, кроме пяти названных стран, также Великобритании, Франции, Италии, Канаде и Южной Корее.

По уровню экономического развития (ВВП на душу населения) Россия занимает 50-е места среди стран мира по ППС и 60-е – по валютному курсу. Недавно по этому показателю Россию обошла Турция, среднегодовой рост экономики которой составляет около 6%. Еще на 10 мест Россия уступает странам мира по уровню реальных доходов населения.

Господствующей социально-экономической системой России является государственно-олигархический капитализм. Показатели самого высокого в мире огосударствления экономики крупной страны, какой является Россия, представлены в таблице № 1.

Важно отметить, что 75% активов банковской системы России находятся под контролем государства. Это не значит, что такое количество банков являются государственными. Эти банки либо являются государственными, либо эти банки подчиняются организациям, чья деятельность регулируется государством: пример –

Газпромбанк. Самым большим банком России является Сбербанк, активы которого составляют 37 трлн руб., то есть равны объему консолидированного бюджета – сумме федерального, региональных и муниципальных бюджетов. Активы ВТБ – 19 трлн руб., и ЦБ продал ему за относительно небольшую цену Банк Открытие, так что активы ВТБ вырастут до 24 трлн руб.

Таблица 1

Огосударвление экономики в России – доля предприятий и организаций, принадлежащих или контролируемых государством в создании ВВП (в процентах)

Показатели	Конец массовой приватизации 2003 г.	2021 г.
Расширенный консолидированный бюджет, включая внебюджетные госфонды (пенсионный, страхование здравоохранения и социальный)	20 (1998 г.)	37 (2009 г. – 40)
Крупные концерны и объединения, контролируемые государством (Газпром, Роснефть, РЖД, Ростех, Росатом, Ростелеком, электрообъединения, оборонные холдинги и др.)	10	25
Активы банковской системы	40	75
Предприятия и организации, контролируемые федеральными, региональными и муниципальными органами управления	5	11
ВСЕГО:	35	71
ИТОГОВЫЙ ПРОЦЕНТ: 35% в 2003 г. и 71% в последние годы (по оценке Всемирного банка).		

Источник: Составлено автором.

Россия лидирует в мире по числу олигархов и размеру их капитала по отношению к ВВП и к численности населения страны. В России активы олигархов составляют 35% ВВП, а у США – 19. Более подробные данные по небывалой концентрации богатства в России у небольшой группы лиц представлено в таблице № 2.

Таблица 2

Характеристика олигархического капитала в России

Численность олигархов, владеющих капиталом более 1 млрд долл.		2000 г. – 108 2021 г. – 120 2022 г. – 88
Активы, принадлежащие олигархам, млрд долл.		2000 г. - 392,3 2021 г. - 606,2 2022 г. - 510
Доля активов олигархов в ВВП, % (2021 г.)	Россия Индия США Франция Тайвань	35 20 19 17 15
Владеют национальным богатством России, %	1% населения 10% населения	47 70

Продолжение таблицы 2

Владеют финансовыми ресурсами России, % 3% населения	90
Доля олигархов, занятых добычей сырья и недвижимостью, % В других странах доля таких олигархов всего несколько процентов. Основные олигархи создают богатство в инновационных отраслях	60

Источник: Составлено автором.

Крайне неудовлетворительно, по данным международных рейтингов, выглядит Россия по финансовым показателям. Одни из худших в мире показателей инвестиций в основной капитал (по доле ВВП) и по «экономике знаний». Эти цифры настолько низки – 18% по инвестициям в основной капитал и 14% по сфере «экономика знаний» в ВВП, что они еле-еле обеспечивают простое, а не расширенное, воспроизводство нашей экономики. И мы закономерно поэтому находимся в стагнации. К тому же крайне высока волатильность инфляции, валютного курса рубля, ключевой процентной ставки Центробанка. Все эти цифры блокируют меры по социально-экономическому росту, попросту являются тормозом нашего развития. Как может развиваться страна, у которой из 134,8 трлн рублей банковских активов (2022 г.) на инвестиционный кредит в основной капитал выделяется менее 1,3 трлн руб. У большинства предприятий отсутствуют средства для социально-экономического роста. Более подробные данные об отставании нашей финансовой системы приводятся в таблице № 3.

Таблица 3
Отставание финансовой системы России

Показатели	Россия 2020-2021	Примечание
Объемные показатели финансовой системы в % к ВВП:		
Монетизация (объем денежной массы M2)	51	В развитых странах и в Китае коэффициент монетизации составляет от 100 до 300% ВВП: Япония – 291%, Китай – 224, Великобритания – 142%, Германия – 110%, Бразилия – 111%, ЮАР – 79%.
Активы банковской системы	70	В развитых странах и в Китае эти активы превышают объем ВВП: Китай – 218%, Япония – 171%, Великобритания – 146%, Бразилия – 132%, Германия – 98%, Турция – 93%.
Внебанковские фонды «длинных» денег	20	В большинстве развитых и развивающихся стран они близки к объему ВВП, в том числе: США – 200%, Евро-союз – 120%.
Капитализация фондового рынка (к ВВП по ППС)	15	В развитых странах этот показатель близок к ВВП, в США в 1,6 раза больше ВВП, в Китае – 40% ВВП.
Финансирование двух главных драйверов социально-экономического роста, % к ВВП	около 1/3	Регулярный экономический рост, как правило, начинается с 45%: в Китае этот показатель в последнее десятилетие составляет 67%. В США – 64%, Страны ЕС – 52%.

Продолжение таблицы 3

Показатели	Россия 2020-2021	Примечание
В том числе:		
Инвестиции в основной капитал	18	Китай – 45%, развивающиеся страны – 30-35, развитые страны – около 20%.
Вложения в человеческий капитал (в сферу «экономика знаний»)	14	Китай – 22%, США – 40, страны ЕС – 30, развивающиеся страны – около 20%.
Среднегодовая инфляция потребительских цен	В 2010-2021 гг. в среднем 6,5 (от 2,9 до 15,5)	В ведущих развитых странах мира от 0,3% в Японии до 2,2% в Великобритании (от 0,1 до 4,7%). Китай – 3,2 (от 0,9 до 5,4%). Саудовская Аравия и ОАЭ – до 2 (от минус 2 до 4,1%). Чили – 2,8 (от 1,4 до 4,5%); Польша – 1,5% (от 0,5 до 5,1%).
Ключевая ставка Централных банков (2022 г.)	7,5	Развитые страны – от 0 в Японии до 4,5% в США и Германии, Китае – 3,65%.
Рыночный курс национальной валюты в % к паритету покупательной способности, долл.	0,4	Развитые страны – 0,8-1%, Китай – 0,7. Передовые развивающиеся страны – от 0,5 до 0,7%.
Волатильность национальной валюты по отношению к доллару	В последние 15 лет до 3 раз – от 25 до 75 руб. за доллар	В развитых странах до 20%, в Китае – до 40%.
Отток капитала	Значительный: за 2008-2022 гг. – более 1 трлн долл., Максимум 2022 г. – 217 млрд долл., в 2014 г. – 151,5, в 2008 – 133 млрд долл.	Развитые страны – относительно небольшой либо приток, либо – отток. Развивающиеся страны – менее значителен по сравнению с Россией.
Удельный вес финансовых средств, которыми в значительной мере распоряжается государство, контролирует соответствующие предприятия и организации	Свыше 70% поскольку доля огосударствления производства ВВП 71% (оценка Всемирного банка), в т.ч. около 75% – банковских активов	Развитые страны – от 30 до 50% ВВП в основном через госбюджеты. Китай и другие продвинутые развивающиеся страны имеют близкие показатели к развитым странам.
Финансовая и налоговая нагрузка со стороны государства в % к ВВП:		
Доходы общего правительства	45-50% – высшая группа с Францией и Италией	Германия и Великобритания – 40-45%, Китай, Япония, Польша – 35-40, США – 30-35, Чили, Аргентина, Египет – 25-30%.

Источник: Составлено автором.

Катастрофическое отставание, хуже, чем по финансам, у России только по показателям инновационного развития. Из 1302 инновационных фирм-единорогов с капитализацией более 1 млрд долларов в России нет ни одной (данные 2022 г.). В 2014-2019 гг. была одна фирма Avito. На 10 тыс. промышленных работников в

России приходится 6 роботов, а в Южной Корее – 920. В ведущих развитых странах от 200 до 600. Из 2500 крупнейших инновационных компаний 43 стран мира, где затраты на НИОКР составляют около 35 млн евро, в России только три, в то время как в ведущих странах больше, чем по сотне таких фирм. На долю России приходится 0,3% мирового экспорта высокотехнологических товаров и услуг, в то время как у Китая 6%, у Германии – 15, у США – 39%. Более подробные данные сравнительного анализа инновационной деятельности в России представлены в приводимой таблице № 4.

Таблица 4
Катастрофическое отставание России по инновациям

Показатели	Россия 2020-2021	Примечание
Доля страны в производстве высокотехнологических товаров и услуг в мире	1,3%	США – 20,5%, Китай – 16,4, Япония – 10,7, Германия – 8,7, Бразилия – 1,5, Тайвань и Турция – 1,3%. К высокотехнологическим отраслям относятся отрасли, где доля НИР в расходах на производство составляет свыше 7,5% (в среднем – около 9%).
Доля экспорта страны по высокотехнологическим товарам и услугам в мире в 2021 г.	0,3	США – 39%, Япония – 20, Германия – 15, Китай – 6%.
Место страны в международном рейтинге (132 страны) по глобальному инвестиционному индексу	47 место	1 место – Швейцария, 2 – США, 4 – Великобритания, 8 – Германия, 11 – Китай, 12 – Франция, 37 – Турция, 38 – Польша, 48 – Вьетнам, 54 место – Бразилия. Индекс составлен Всемирной ассоциацией интеллектуальной собственности и рассчитывается на основе 81 показателя – институты, человеческий капитал, исследования, инфраструктура, развитость рынка или бизнеса и др.
Число инновационных фирм-единорогов (оценка фирмы в 1 млрд долл. или выше) по странам в мае 2022 г.	В 2014 -2019 гг. – 1 фирма (AVITO), в 2020-2023 гг. – 0	Всего в мире 1302 фирм-единорогов – пророст 340 за год: США – 616, Китай – 275, ЕС – 105, Индия – 74, Великобритания – 121, Израиль – 23.
Уровень инновационной активности предприятий и организаций страны (по данным обследования 2014-2017 гг.), %	9,1%	США – 64,7%, Германия – 63,7, Великобритания – 58,7%.
Число крупных инновационных предприятий R&D (расходы не менее 34,7 млн евро по предприятиям в 2019 г.) при общем их числе в мире 2500, зарегистрированных в 43 странах. Они охватывают 90% всех частных затрат на R&D	3 фирмы	В США – 775 фирм, ЕС – 421, Китай – 536, Япония – 309, Великобритания – 121, Швейцария – 58, Тайвань – 88. Общая выручка этих фирм – 23,5 трлн долл. (29% мирового ВВП в 2019 г.). Суммарные расходы на R&D – более 1 трлн долл., из них: США – 389, ЕС – 211, Китай – 133, Япония – 128 трлн долл. Средняя наукоемкость – 4,3%, в том числе: США – 7,1, ЕС – 3,9, Китай – 3,3%.

Продолжение таблицы 4

Показатели	Россия 2020-2021	Примечание
Крупнейшие инновационные зоны мира	Зона средних размеров по мировым меркам находится в Сколково и фрагментарно в научных городках Подмосковья и прилегающих областей – Дубна, Черноголовка, Пущино, Королев, Зеленоград, Троицк, Обнинск, Протвино и др.	Три самых крупных зоны в мире – Кремниевая долина (США), инновационная зона в Израиле, охватывающая часть Тель-Авива и прилегающих населенных пунктов, и Пекинская инновационная зона в Китае, включая районы Пекина и прилегающих городков. Наибольшее число инновационных зон – в Китае, где выделяется на юге зона Шэньчжэнь (8,7 млн жителей) и Шанхайская зона. Крупная инновационная зона – город Бангалор (Индия) – 8,5 млн чел.
Венчурный капитал для финансирования инноваций	Объем венчурного капитала в 2022 г. - 2,4 млрд долл.	Объем венчурного капитала в мире приближается к 1 трлн долл., в т.ч.: США – 390 млрд долл., а в Китае – 130 млрд долл. Венчурный фонд Б. Мильнера (физика из России) в Кремниевой долине – 19 млрд долл.

Источник: Составлено автором.

Хуже всего обстоит дело из социальных показателей – по уровню смертности, ожидаемой продолжительности жизни, здоровью нации. Здесь Россия не входит в первую сотню стран по международным рейтингам. Сказанное относится и к финансированию образования и здравоохранения в процентах к ВВП (120-140 место в мире из 189 стран, по данным международного рейтинга ПРООН).

Россия – страна с высоким социальным неравенством. 10% самого зажиточного населения России имеет доход на душу, превышающих 130 тыс. руб. в месяц, а 10% самого бедного населения – менее 10 тыс., разница сегодня – 13 раз, в Евросоюзе – 10, в Германии – 6,9, в социал-демократических странах Северной Европы – 6, в Японии – 4,5. В СССР эта разница составляла 3 раза.

В России один из самых низких в мире размер минимальной зарплаты. Она в 4 раза ниже средней, а если учесть полную зарплату (с конвертами и неформальными выплатами, которые занимают, по данным Росстата, 25%), то эта разница составит 5 раз. В других странах эта разница составляет 2-2,5 раза. Поэтому минимальная зарплата, например, в Турции, социально-экономический уровень развития которой близок к России, в 2,5 раза выше.

Еще хуже – с пособием по безработице. Россия одна из немногих стран, где средний размер этого пособия ниже прожиточного минимума.

И если по уровню средних реальных доходов населения Россия по международному рейтингу занимает 50 место, то по уровню жизни пенсионеров, согласно международному рейтингу, Россия на 80-90 месте. Это самый обездоленный слой населения страны.

Второй массовый обездоленный слой населения страны – жители села и малых городов, где проживает около 50 млн человек. Их душевой доход – около 25 тыс. руб. в месяц, в то время как по стране этот показатель – 46 тыс. руб., а в крупных городах – 50-60 тыс. руб.

В то же время развитие нашей страны в целом во многом зависит от частного сектора, поскольку 60% всех инвестиций формируется частным сектором. А пред-

приятия и организации, которые являются государственными, определяют деятельность 40% инвестиций, формируемых из этих активов. Так что экономический рост в большей мере определяется частным сектором. Тем более, что он более зависим от результатов деятельности и подвержен большему риску банкротства или ухудшению результатов.

Понятно также, что коррупция в частных организациях является более редким явлением, чем в государственных. Ибо частные собственники придают этому ключевое значение. Они лишаются своих денег в случае коррупции.

2. О возобновлении роста экономики и уровня жизни с 2025-2026 гг.

Чтобы коренным образом преобразовать систему государственно-олигархического капитализма с тем, чтобы обеспечить устойчивый социально-экономический рост, нужны крупные структурные реформы в области собственности, финансов, научно-технологического перевооружения народного хозяйства, приоритетного развития всей сферы «экономики знаний» как главной движущей силы в перспективе.

Такие коренные преобразования в России, на наш взгляд, можно проводить только после того, как будет налажен заметный социально-экономический рост с обязательным повышением благосостояния людей, которое те должны реально почувствовать. Это связано с нашей непростой историей становления новой России, где ряд проводимых реформ ущемлял интересы населения, и они негативно воспринимаются. Последняя из таких крупнейших реформ – пенсионная. Да и недавно проведенная реформа о введении пошлины на зерно значительно сократила доходность российского крестьянства и негативно была воспринята фермерскими хозяйствами.

Поэтому действия государства по возобновлению значимого социально-экономического роста целесообразно начать с мер по усилению драйверов этого роста, с одной стороны, при стимулировании повышения доходов населения. Это можно сделать только за счет мобилизации крупных дополнительных ресурсов, направляемых преимущественно на эти цели. А через 3-4 года, когда население воочию убедится в эффективности этих мер и ощутит повышение реальной зарплаты и других доходов, улучшения жилищных условий, тогда можно начать заблаговременно подготовленные преобразования в виде крупных реформ. При этом особое внимание должно быть обращено на преемственность этих реформ в интересах населения, которые никак не должны ущемлять интересы подавляющей части населения.

О последовательности этих действий я написал работу «Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов»². Один из этих вызовов – восстановление сохранности народа России, подорванной коронавирусной пандемией, в последний год успешно осуществляется. Самое главное, что из плохого уже устранено – восстановлена докризисная смертность 2019 г., которая, как упоминалось, была превышена на 645 тыс. человек. Не удалось пока повысить суммарный коэффициент рождаемости, а депопуляцию населения (превышение смертности над рождаемостью) удалось сократить пока меньше, чем наполовину. Но пути этого видны, это постепенно тоже можно сделать. Поэтому на

² См. статью: Аганбегян А.Г. Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономические стратегии. 2022. Т. 24. № 6(186). С. 6-15.

первое место выдвинулись два вызова: восстановление социально-экономического роста, с одной стороны, и преобразование социально-экономической системы России, с другой стороны. Учитывая наличие опубликованных работ на эту тему, в том числе и автора этой статьи, постараемся быть более краткими, акцентируя внимание на самых важных действиях с учетом новой обстановки жестких санкций против России, которые ограничивают, естественно, наши возможности.

Чтобы восстановить хотя бы минимальный, но значимый экономический рост ежегодно по 3-4% ВВП, нам нужно серьезно поднять долю финансирования драйверов развития в составе ВВП. Долю инвестиций в основной капитал, от которого сегодня на 60-70% зависит наш экономический рост, предстоит, по мнению экспертов, увеличить с 18% до 25%, если рассматривать «видимые» инвестиции в основной капитал, прямо рассчитанных нашей статистикой. В то же время есть невидимые теневые вложения, которые ориентировочно рассчитываются Росстатом раз в квартал, а не раз в месяц, как инвестиции в основной капитал, на основе национальных счетов в виде показателя валового накопления основного капитала. Доля валового накопления в ВВП около 21%. Но эффективно воздействовать государство может только на часть этих накоплений в виде инвестиций в основной капитал. Поэтому мы сосредоточимся на них.

В 2022 г. инвестиции в основной капитал составили около 28 трлн руб. из 153 трлн руб. ВВП. Чтобы поднять их до 25% ВВП, нужно еще добавить 11 трлн. руб. Это можно осуществить за 3 года, если ежегодно вкладывать по 4 трлн руб. дополнительных средств.

До 20% в ВВП следует также нарастить дополнительные вложения в сферу «экономика знаний». В 2022 г. вложения в эту сферу составили 21 трлн руб. Чтобы довести их до 20%, нужно дополнительно изыскать 9 трлн руб. или по 3 трлн в год.

А всего ежегодно нам нужно мобилизовать 7 трлн руб. при финансировании инвестиций в основной капитал и в «экономику знаний» в ближайшие три года.

Где ежегодно изыскать по 7 трлн руб.? Прежде всего за счет увеличения инвестиционного кредита российских банков. Значительную часть таких средств из 135 трлн руб. банковских активов изыскать можно. Для этого надо заменить безвозвратное финансирование окупаемых проектов из консолидированного государственного бюджета по статьям национальная экономика и жилищно-коммунальное хозяйство низкопроцентными кредитами, возмещая часть процентной ставки для банков из небольшой части этих средств. По нашей оценке, в бюджете можно найти окупаемых проектов, ориентируясь на опыт Китая, в размере не менее 7 трлн руб. Кстати, в Китае и в ряде других стран даже длительные транспортно-инфраструктурные проекты кредитуются с окупаемостью 20-25 лет. Изъятые из бюджета средства с окупаемых проектов могли бы быть заменены бесплатными или малопроцентными кредитами самих банков.

Другой возможный источник средств на ближайшие три года – заимствования валютных средств, например, из 1 трлн нефтедолларов, которые есть у Саудовской Аравии и стран ОПЕК, а также из 3,5 трлн долларов золотовалютных резервов, которыми владеет Китай. В дальнейшем такой заем могут предоставлять международные банки и финансовые организации, а также крупные инвесторы из отдельных стран.

Естественно, что эти инвестиционные кредиты, а также кредиты для получения профессионального образования, которое можно предоставлять гражданам для развития сферы «экономика знаний», следует выдавать по низким процентным ставкам от 1 до максимум 5%. Инвестиции и вложения, для того чтобы вызвать социально-экономический рост, прежде всего должны предоставляться на технологическое перевооружение действующих производств и их расширение. Здесь окупаемость 5-7 лет и кредиты могут предоставлять под 4-5% годовых.

Другое направление – создание новых мощностей средне- и высокотехнологического уровня, предназначенных, прежде всего для производства машин и оборудования. Здесь окупаемость 10-12 лет, и кредиты могли бы выдаваться под 3% годовых.

Третье направление – создание современной транспортной инфраструктуры и прежде всего строительство платных двухсторонних автострад и скоростных железных дорог, где окупаемость 20-25 лет, и кредиты могли бы предоставляться от 1 до 3% годовых.

Четвертое направление средств – жилищное строительство и производство легковых автомашин. Это высоко окупаемые проекты, и кредиты могли бы предоставляться под 5% годовых. Средствами для этих кредитов могут быть также займы населения в виде государственных облигаций. Когда та или иная семья накопит облигаций на приобретения жилья или автомобиля, скажем в половинном размере, то им будет предоставлено необходимое жилье или выбранный автомобиль на льготных условиях – со скидкой в цене, с предоставлением недостающего кредита по низкой процентной ставке. Так что населению будет выгоден этот облигационный заем с небольшими платежами со стороны государства. Стройорганизациям по жилью и автопредприятиям тоже будет выгодно продать жилье или автомобиль со скидкой в цене, так как средства облигационного займа в основном будут поступать непосредственно им по низкопроцентному кредиту заблаговременно, за 1-3 года до предоставления жилья. Часть облигационных средств получит и государство на выгодных условиях, которые дадут ему возможность предоставить выгодный ипотечный кредит и автокредит на недостающую сумму. Такой порядок исправит допущенную ошибку по отмене скидок на жилье, когда его покупатели заблаговременно финансировали из своих средств стройорганизации, а взамен получали жилье до 15-20% ниже его конечной стоимости. В результате при отмене этого порядка население было «наказано», поскольку цены на жилье значительно возросли, и лишь малая часть дополнительной выручки пошла на возмещение потерь для семей, оплативших жилье, но вовремя его не получивших, а то и вовсе его лишившихся.

Еще одним источником средств может быть стимулирование предприятий и организаций больше мобилизовать инвестиционные ресурсы из своей прибыли. Для этого можно освободить ту часть прибыли, из которой черпаются инвестиции в основной капитал, от налогообложения на прибыль, как это было до 2003 года. По оценке, это может мобилизовать 1-2 трлн в год.

Для технологического перевооружения целесообразно также сократить амортизационные сроки, которые в России крайне длительны, как это в свое время сделал президент Р. Рейган. Тогда амортизационный фонд вырастет, и из него тоже можно дополнительно получить еще 1-2 трлн руб. К тому же это серьезный

стимул для ускоренного обновления основных фондов, о чем свидетельствуют результаты «рейганомии».

Так что источников, как видно, более чем достаточно. Конечно, потребуется огромная предварительная работа, потому что предоставление кредита, его окупаемость должна быть тщательно проработана в отличие от безвозвратного финансирования, где нет такой необходимости. Для этого нужно мобилизовать прикладную науку, проектные организации, возможно, даже привлечь экспертов из зарубежных стран. То есть это огромный объем организационной работы. Потому что придется технологически реконструировать тысячи и десятки тысяч предприятий и организаций.

В 4-5 раз следовало бы увеличить ввод новых мощностей по производству передовой техники. Я называю эти цифры из расчета, чтобы к 2035 г. мы смогли бы по технологическому уровню и по производству высокотехнологичных товаров и услуг достичь показателей крупных развитых стран, например, Италии и Испании. Такую задачу надо поставить, подробно проработав ее выполнение по дорожной карте.

Остановимся особо на финансировании сферы «экономика знаний» и прежде всего ее сердцевины – научно-образовательного комплекса.

Учитывая все возрастающую роль сферы «экономика знаний» в социально-экономическом развитии страны, нельзя мириться с крайне низким финансированием этой сферы, особенно научно-образовательного комплекса. Предлагается увеличить долю финансирования НИОКР в ВВП за счет всех источников с 1% до 2% в 2026 г. и 3% (как это было в СССР) в 2030 г. В США уже сегодня объем финансирования НИОКР превышает 3%, а в Японии составляет даже 3,5%. В Китае ежегодно усиливается финансирование этой сферы, на которую приходится 2,3% их огромного ВВП. При увеличении расходов государства в развитие научного комплекса страны более значительным должен быть вклад частнокапиталистического сектора и прежде всего крупных корпораций и объединений. Для этого следовало было поощрить дополнительные расходы на НИОКР и образование со стороны предприятий и организаций специальными льготами, например, снижением налогообложения из прибыли и др. Во многом следует возродить прикладную науку, конструкторское и проектное дело на новой научно-информационной базе с все более широким использованием искусственного интеллекта.

Еще важнее в 1,5-2 раза усилить финансирование всей сферы образования, начиная с дошкольных образовательных организаций, школы, но особенно значительный вклад нужно внести в среднее специальное, высшее и поствысшее образование. С 4% ВВП расходы на образование следовало бы увеличить до 6% в 2026 г. и 9% в 2030 г. выйдя здесь на показатели, которых могут достичь развитые страны. При этом должна быть проведена коренная реформа образования – обучение не только знаниям, но и умению применить эти знания, что предполагает наличие обязательных стажировок, а в необходимых случаях определенного опыта работы, прежде чем занять ту или иную важную должность, например, врача, юриста, инженера, финансиста и др. В отдельных случаях, как это принято в передовых странах, следовало бы вводить для занятия ответственной должности лицензирование, предъявляя требования не только к знанию, но и к умению и опыту.

Чтобы допустить человека занять значимую профессиональную должность, в ряде случаев нужно потребовать дополнительного обучения со стажировкой и

опытом работы, для чего надо получить управленческую степень, например, степени CPA (Certified Public Accountant) для занятия должности, например, финансово-го директора или главного бухгалтера в относительно крупных компаниях, как это принято в Великобритании, в США и ряде других стран.

Крайне важно предоставить свободным людям, независимо от их материального положения, возможность более высокого, лучшего образования, если они этого достойны. Социальное неравенство в образовании, как и в здравоохранении, недопустимо. Чтобы покончить с социальным неравенством, надо предоставлять абитуриентам, которые удовлетворяют требованиям соответствующих университетов, в том числе лучших университетов, получать доступный долговременный кредит для переезда, проживания и обучения на срок до 15-20 лет под низкий процент – скажем, 3%. Выпускник с высшим образованием в значимом университете после его окончания будет иметь повышенную зарплату и сможет расплатиться за этот кредит. Специалисты отмечают, что в последнее время социальное неравенство в получении образования значительно возросло, и многие семьи даже со средним достатком не имеют средств, чтобы дать своим детям образование, которого они по своим способностям достойны. Нужно выделить несколько триллионов рублей, для того чтобы сделать массовым подобное кредитование не только для высшего образования, но и для специального среднего образования, если в этом будет необходимость. Многие страны используют такие кредиты, и нам есть у кого поучиться.

Приведя в действие основные драйверы социально-экономического развития, мы сможем с 2025-2026 гг. наладить устойчивый 3-4-процентный рост ВВП. Это даст дополнительные источники финансирования от прироста ВВП. Ведь 3-4-процентный рост ВВП дает в копилку страны 5-6 трлн руб. Это поможет решить не менее, а, может быть, даже более важную задачу – наряду с ростом экономики организовать заметное повышение всех основных сторон уровня жизни. В первую очередь речь идет о реальных доходах, которые, как известно, в настоящее время на 5-10% ниже уровня 2012-2013 гг. А у половины населения реальные располагаемые доходы с того времени сократились на 10-15% при работе на той же должности даже с более высокой производительностью.

Нам нужно не только восстановить, но и сдвинуть вверх реальную зарплату, реальные доходы, пенсии и пособия. Речь идет прежде всего о приоритетном повышении доходов у бедных слоев и заметном улучшении у среднего класса. Для этого надо использовать имеющиеся государственные рычаги.

Предстоит прежде всего повысить минимальную заработную плату до 30 тыс. руб. в месяц, что будет соответствовать рекомендациям МОТ и практике передовых стран. В России минимальная зарплата реально, как было показано выше, в 5 раз ниже средней зарплаты. В передовых странах мира, в том числе развивающихся, минимальная зарплата в 2-2,5 раза ниже средней, а не в 4-5 раз. Даже в Турции установленный минимум зарплаты в 2,5 раза выше, чем в России. Я не говорю о постсоциалистических странах, ныне новых странах Евросоюза. Это повышение минимума зарплаты не потребует от государства крупных вложений, поскольку его можно провести на каждом предприятии и организации за счет их собственных средств. Ведь финансовый результат у них составляет около 30 трлн руб. в год. А эта мера потребует всего несколько триллионов. От государства здесь

потребуется средства на повышение минимума зарплаты в госорганизациях, где почти повсеместно наблюдается излишняя численность, если провести сравнения с зарубежными показателями.

Сложнее удвоить размер пенсий. Для этого целесообразно, как это принято в других странах, хотя бы наполовину финансировать пенсии за счет обязательных отчислений с зарплаты и доходов населения (до 10% от уровня зарплаты). Чтобы реальная зарплата и реальные доходы не снизились, одновременно с изменением пенсионного финансирования нужно провести соответствующую индексацию заработной платы.

Хуже всего в России обстоит дело с крайне низким пособием по безработице. Нормативы здесь настолько низки, что средние выплаты безработным оказываются ниже прожиточного минимума, а тем более минимальной зарплаты. А ведь во многих случаях безработными становятся кормильцы семей. Причем семей низко- или среднеобеспеченных, у которых, как известно, отсутствуют весомые сбережения. Такого низкого пособия по безработице я не нашел у других стран. В зарубежных странах обычно первые полгода это пособие составляет 65% от средней зарплаты, то есть втрое выше, чем в России. До такого уровня нам нужно поднять это пособие. Здесь не потребуется много средств, так как численность полностью безработных в России находится на минимуме – около 3 млн человек.

Заслуживает всякого одобрения принятый Президентом РФ курс по увеличению материнского капитала и пособий на детей, прежде всего в малообеспеченных семьях. На это направляется уже 1,5% ВВП. Эту линию целесообразно, естественно, продолжить и усилить с креном в пользу рождения вторых и третьих детей, чтобы поднять не только благосостояние бедных семей, но и поощрить рождаемость, которая в России сокращается. Предстоит не только сдержать тренд по сокращению рождаемости, но и увеличить суммарный коэффициент рождаемости (число детей на одну женщину в фертильном возрасте) с 1,45 в настоящее время до 1,6 в 2026 г. и 1,8 в 2030 г. (максимум был достигнут в 2015 г. – 1,777). Развитые страны, поднявшие рождаемость с 1,5 до 1,8-1,9 (Великобритания, Франция, Швеция) финансируют пособия на детей в размере 3,5-4,5% от ВВП, к чему и нам надо стремиться к 2030 г.

Самое сложное – поднять реальные доходы на душу населения в сельской местности и малых городах, где их уровень составляет около 25 тыс. руб. в месяц в сравнении с 46 тыс. руб. в среднем по России. Проживающие там около 50 млн человек, треть населения страны, и у государства нет средств, чтобы хотя бы на 10 тыс. руб. в месяц поднять эти доходы. Это можно сделать, только создав благоприятные условия, для того чтобы жители села и малых городов смогли заработать дополнительные деньги и повысить свое материальное благосостояние. Исходя из предложения ассоциации «Федеральный Сельсовет», следовало бы отобрать из многих миллионов подсобных крестьянских хозяйств несколько сот тысяч относительно эффективных в семьях, где есть трудоспособные члены семьи, и предоставить льготы для создания на этой базе фермерских крестьянских хозяйств с предоставлением, если нужно, дополнительных участков земли.

При этом мог бы быть создан крупный финансовый фермерский фонд по линии государства для оказания льгот и привилегий этим хозяйствам. Им следовало бы выделять беспроцентный кредит и оказывать помощь в сооружении необхо-

димых построек, на льготных условиях в аренду предоставлять технику, в кредит они могли бы снабжаться урожайными семенами. На льготных условиях им могут давать для выращивания племенных телят и другой скот. Со скидкой в цене целесообразно их снабжать удобрениями, пестицидами и т.д. Следовало бы создать специальную сеть компаний, которая будет помогать этим фермерским хозяйствам в снабжении и сбыте.

Фермерские крестьянские хозяйства должны быть объединены в промышленные областные кооперативы, при которых в малых городах и больших селах следовало бы создать тысячи небольших предприятий, перерабатывающих созданную ими сельхозпродукцию. А при общероссийской промышленной кооперации предстоит сформировать новую крупнейшую в стране сеть продовольственных магазинов КООП, как это принято в Венгрии, Швейцарии и ряде других стран по продаже собственной продукции. Тем самым будет подорвана монополия крупных перерабатывающих предприятий пищевой промышленности и больших универсальных торговых сетей, которые диктуют свои монополично заниженные цены розрозненным фермерским и другим сельским хозяйствам, перераспределяя часть их прибавочного продукта в свою пользу. Именно поэтому, несмотря на тяжелый труд, сельские получают самую низкую зарплату и имеют столь низкие душевые доходы. Названная ассоциация изучает опыт лучших фермерских хозяйств и предлагает вначале провести в ряде губерний развернутый эксперимент и по формированию новых фермерских хозяйств, и по развитию промышленной кооперации со всеми ее атрибутами.

Настало время решительных действий по сокращению в России чрезмерного социального неравенства. О социальном неравенстве в области душевых доходов уже было сказано. Чтобы его радикально сократить, кроме названных мер по повышению минимума зарплаты, пенсий, доходов на селе и др., следовало бы, на наш взгляд, ввести нормальный прогрессивный подоходный налог, существующий во всех зарубежных странах, общепринятый в мировой практике. Этот налог должен плавно увеличиваться и для этого его повышенные ставки целесообразно устанавливать не с первого рубля доходов, а со сверхвысокого его уровня. Например, при доходе на душу до 100 тыс. руб., а это вдвое выше их среднего уровня, можно брать существующий низкий налог – 13%. Повышенный 20-процентный налог можно брать с суммы от 100 до 200 тыс. руб. на душу, 25-процентный с 200 до 300 тыс. руб., 30-процентный налог с 300 до 500 тыс. руб. и 35-процентный с доходов на душу свыше 500 тыс. руб. в месяц. При этом, если эти доходы вкладываются в производство, в отечественные облигации, в паевые фонды, на благотворительность, обучение, здравоохранение, страхование жизни, то налог может отменяться или сокращаться.

Часть средств от этого прогрессивного налога нужно направить на то, чтобы отменить подоходный налог с душевых доходов до 30 тыс. руб., как это принято во многих странах.

Самое сильное социальное неравенство имеет место по жилищной обеспеченности. В новой России строится больше жилья, чем в советское время. И средняя обеспеченность жильем на душу населения в России с 18 кв. метров в 1990 г. возросла до 26 кв. метров в 2022 г. Однако комфортными условиями, благоустройством обладает только 60% жилья в России. 21% жилья не имеет холодной воды, 23% – канализации, 38% ни душа, ни ванны, 40% горячей воды, нормального отопления. При этом в сельской местности неблагоустроенного жилья 70-80%. Поэто-

му комфортного жилья приходится 17 кв. метров на душу, вдвое меньше, чем по странам Евросоюза и почти вчетверо ниже, чем в США. И нам надо не просто строить больше жилья и повышать обеспеченность, но коренным образом улучшить благоустройство жилья.

Кстати, Россия из всех инвестиций только 12-14% тратит на жилищное строительство, в то время как многие развитые страны в своей инвестиционной программе довели долю жилья до 25-35%. Огромный Китай с его долей инвестиций в ВВП 44% инвестируют в жилье 18%. И города Китая в среднем достигли нормы жилищной обеспеченности России.

России необходимо резко увеличить объем жилищного строительства. Можно было бы в 2025-2026 гг. вводить в год 120 млн кв. метров (2022 г. – 102 млн), а к 2030 г. следовало бы удвоить ввод жилья, доведя его до 200 млн кв. метров.

Одновременно целесообразно ввести повышенные налоги на товары и услуги, предназначенные для богатых людей, имеющих душевой доход свыше 100 тыс. руб. в месяц – на дорогое жилье, рестораны, 5-звездочные отели, дорогие торговые сети, дорогие автомобили и др. И, напротив, снизить налоги за счет этих дополнительных сборов на товары и услуги, которые при надлежащем качестве имеют цены, доступные не только среднеобеспеченным, но и малообеспеченным гражданам. Такая система, в частности, создана в Италии и, на мой взгляд, доказала свою эффективность.

Следовало бы по примеру других стран ввести нормальный налог на недвижимость граждан, взимая 1-2% от рыночной стоимости этой недвижимости, и освободив или установив низкие ставки на него для бедных. Дополнительные затраты низко- и среднеобеспеченных граждан в связи с введением налога на недвижимость также должны быть индексированы, чтобы люди не потеряли в своих реальных доходах.

Все коммунальное хозяйство нужно приватизировать и перевести на рыночные цены, как во всех других рыночных странах. И если это приведет к росту цен, то для среднеобеспеченных и бедных слоев заработная плата должна быть индексирована.

Целесообразно также часть страхования по здоровью тоже взимать из зарплаток и доходов населения. И здесь потребуется их индексация.

В результате суммарная индексация зарплаты может составить 1,5 раза, и средний заработок в России возрастет до 100 тыс. с нынешних 65 тыс. руб. в месяц. Такое увеличение средней зарплаты, а с ней и других доходов повысит заинтересованность граждан в результатах своего труда, ибо дополнительный заработок весомо увеличивает чистый доход семьи. К тому же каждый человек получит большие возможности выбирать свой образ жизни. Например, иметь более дешевую страховку по здравоохранению. Или он может быть экономен в выборе жилья, чтобы не платить излишний налог на недвижимость.

При этом никто не ограничивает богатство человека, ибо он может копить деньги, вкладывая их в облигации, в паевые фонды, а если он собственник – в свою фирму, не платя с этих сумм повышенный налог.

Все высказанные в этом параграфе меры, на наш взгляд, позволят не только возобновить 3-4-процентный ежегодный рост экономики и уровня жизни с 2025-2026 гг., но и продолжить этот рост устойчивым образом.

Повышение удельного веса инвестиций в основной капитал в ВВП до 25% и сферы «экономика знаний» до 20% позволят, как отмечалось, перейти к минимальному социально-экономическому росту в размере 3-4% ежегодно в период до 2030 г. При этом после возобновления этого роста темпы увеличения инвестиций в основной и человеческий капитал могут быть сокращены с 10-15% до 8-10% ежегодно. Но и при этих темпах их доля в ВВП будет расти, правда, медленнее. Так что удельный вес инвестиций в ВВП постепенно будет повышаться и достигнет примерно 30% и по инвестициям в основной капитал, и по сфере «экономика знаний» к 2030 г. Это, конечно, создаст условия при эффективном использовании инвестиций и вложений нарастить ежегодные темпы роста экономики и социальной сферы с 3-4 до 4-6%, то есть до показателей развивающихся стран. Так что социально-экономическое развитие России в 2030 гг. может заметно ускориться. И мы уже к 2035 г. по уровню экономического и социального развития достигнем средних показателей развитых стран. Ориентирами здесь для нас могут служить показатели Испании и Италии. А к 2040 г., если этот ускоренный рост продолжится, мы сможем достичь уровня Германии и Японии. При этом по объему ВВП к 2030 г. мы превысим показатели Германии, а затем в период до 2035 г. превзойдем и Японию, заняв достойное для нас здесь 4 место после Китая, США и Индии.

Когда люди почувствуют экономический рост, повышение доходов, улучшение жилищных условий, можно будет начать коренные преобразования нашей отсталой государственно-олигархической системы.

3. О преобразовании социально-экономической системы России в систему социального государства с преобладанием частнокапиталистического рынка и стратегическим пятилетним планированием, обеспечивающим рост на основе научно-технологических инноваций

Чтобы перейти к развитой частнокапиталистической рыночной системе, в первую очередь нужно провести коренную *реформу собственности*, проведя всеобщую приватизацию государственной собственности и сократив ее долю в производстве ВВП с 71%, как минимум, до 45%, чтобы преобладающей в стране стала бы частнокапиталистическая собственность. При этом доля государственного бюджета и внебюджетных государственных фондов с 35% в 2025-2026 гг. следовало бы снизить до 25-30%. И за счет замены безвозвратного бюджетного финансирования окупаемых проектов, включаемых в настоящее время в госбюджет низкопроцентным кредитованием, и за счет сокращения в 1,5 раза обязательных страховых взносов на пенсионное обеспечение, здравоохранение и социальные выплаты, заменив его отчислениями из зарплаты и доходов граждан, о чем было сказано выше.

Кроме бюджета, в собственности государства должна оставаться атомная и в значительной мере оборонная индустрия и общероссийская транспортная инфраструктура (сеть железных дорог, взлетно-посадочных полос, единая система нефте- и газопроводов, общероссийской значимости автомагистрали и, возможно, наиболее крупные портовые сооружения). Также государственной собственностью должна остаться единая энергосистема страны – высоковольтные линии электропередач. Социальные объекты федерального значения также во многом могут

быть объектами госсобственности. Все основные концерны, кроме Росатома и оборонных объединений, должны быть приватизированы. И государственная монополизация рынка должна быть сведена к минимуму.

Следовало бы приватизировать также те банки, которые не осуществляют государственных функций, включая Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк и др. В то же время нужно создать крупнейший государственный банк типа американского Экспортно-Импортного банка, который по сверхнизким ставкам дает кредиты, прежде всего, иностранным компаниям и государствам, которые приобретают в крупных размерах американское оборудование (например, при строительстве гидроэлектростанций). Соответственно, государственными могут быть страховые компании, также содействующие развитию собственного экспорта при предоставлении на развитие этого экспорта крупных зарубежных займов, как это имеет место в ряде передовых зарубежных стран.

Процесс приватизации может растянуться до 2030 г., принося государству ежегодный дополнительный доход до 2-3 трлн руб. У России есть позитивный опыт. Например, в Москве при выборах нового мэра был приватизирован аэропорт Внуково, Банк Москвы и другие крупные объекты, за что столица получила большой денежный выигрыш.

Перестройка государственной собственности и государственного управления должна осуществляться с наращиванием усилий по повышению *показателей эффективности* (производительности, материалоемкости, энергоемкости, фондоотдачи, качества продукции и услуг и др.) в 1,5-2 раза до 2030 г. и в 2-2,5 раза до 2035 г., достигнув к концу этого периода уровня развитых стран.

Для этого России нужно перейти на инновационный путь развития. Шаг за шагом надо поставить задачу сформировать не менее 50 инновационных фирм-единорогов, а среди 2500 крупных инновационных фирм в странах мира российских фирм хорошо бы иметь не менее 100. Удельный вес инновационных товаров и услуг России в мире с 1,3% предстоит поднять, как минимум, до 6%. Венчурное финансирование инновационных разработок увеличить до 100 млрд долларов в год. Инновации должны стать решающим источником экономического подъема России. Названные выше «астрономические» для России показатели могли бы быть достигнуты к 2035 г.

Государственная деятельность должна концентрироваться на создании условий по развитию рынка капитала и совершенной конкуренции. Для этого должна быть коренным образом перестроена деятельность Центрального банка, важнейшей задачей которого будет воспроизводство «длинных» денег и развитие биржевой торговли, нацеленной на формирование инвестиций в основной капитал.

Так что второй по значимости коренной реформой будет *реформа финансовой системы* страны. Она включает преобразование нашего налогообложения, предложения по которому были изложены выше, кардинальную перестройку работы Центрального банка, о чем говорилось выше. Предстоит создать по опыту передовых стран развитую систему внебанковских фондов «длинных» денег, в разы увеличив паевые фонды, развить современную страховую систему и прежде всего сделав массовой страхование жизни. Так что страховые фонды станут важнейшим источником «длинных» денег для долговременных инвестиций. Нужна коренная реформа пенсионного обеспечения с перехода к распространенной в мире нако-

питательной пенсионной системе, что сформирует самые эффективные и долговременные фонды «длинных» денег в виде пенсионных накоплений.

Реформы собственности и финансовой системы позволят резко ограничить и установить жесткие рамки и для развития *олигархического капитализма*. Предложения по этому вопросу также частично были высказаны.

Важнейшую структурную *реформу* целесообразно провести по *преобразованию региональной системы управления* в России. Суть ее в переводе экономики регионов на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление с передачей в регионы части налогов, поступающих сегодня в федеральный бюджет. Нынешние трансферы средств на пополнение региональных бюджетов должны быть сведены к минимуму. В то же время это не исключает, а предполагает всемерное развитие федеральных и региональных программ по приоритетному развитию тех или иных территорий, территориально-отраслевых кластеров, общероссийских мер по повышению благосостоянию народа, как это имеет место в передовых странах. Доля государственных расходов должна быть значительно повышена, прежде всего в сфере «экономика знаний» и для мероприятий по снижению социального неравенства и восстановлению справедливости в распределении дохода и других жизненных благ.

Целесообразно рассмотреть переход на новую более обоснованную и укрупненную систему административно-территориального деления страны на губернии и автономные республики, число которых могло бы быть 20-25.

Примером федерального устройства для России могут стать Германия, Канада, США и ряд других рыночных стран.

Самым трудным, но крайне важным, является *серия реформ в социальной сфере*. Нацеленность социальных реформ – формирование в России социального государства.

Самые трудные вопросы, которые надо решить:

- сокращение социального неравенства в доходах примерно вдвое;
- резкое улучшение жилищной обеспеченности и благоустройства с достижением европейского уровня к 2035 г., особенно в сельской местности и малых городах;
- исключение социального неравенства в сфере образования, прежде всего с помощью упоминаемых выше долговременных низкопроцентных займов лицам, получающим дополнительное образование, а также с развитием стажировок для приобретения умения и опыта.

Предстоит установить конкретные ориентиры для достижения *ожидаемой продолжительности жизни* в России в размере 80 лет – в начале 2030 г. и 85 лет – к 2035 г. Уровень смертности при этом с 1,8 млн человек в 2023 г. предстоит снизить до 1,5 млн к 2030 г. и до 1,2 млн к 2035 г. А суммарный коэффициент рождаемости повысить с нынешних 1,45 до 1,6 в 2026 г., до 1,8 – к 2023 г. и до 1,9 – к 2035 г. Это позволит в начале 2030-х гг. восстановить население России, превзойдя ранее достигнутый уровень, и выйти на плато 150 млн человек к 2035 г. Предстоит преодолеть депопуляцию населения России и обеспечить его естественный прирост с 2030 г. По уровню здоровья нации Россия с 100-х мест должна подняться до 50 места к 2030 г. и на 30 место к 2035 г. среди стран мира.

Чтобы осуществить столь разнообразные и коренные преобразования, на наш взгляд, обязательно необходимо введение *стратегического пятилетнего пла-*

нирования, которое взяли на свое перевооружение, когда надо было ускорить социально-экономическое развитие, около 40 рыночных стран. Соответствующие данные представлены в прилагаемой таблице № 5.

Таблица 5
Страны мира, использовавшие пятилетние планы

Социалистические страны	Другие страны	
СССР (1928-1991 гг.)	Аргентина (1947-1955 гг.)	Сомали (1963-1967 гг.)
Албания (с 1951 г.)	Афганистан (с 1957 г.)	Того (с 1965 г.)
Болгария (с 1948 г.)	Бурунди (с 1968 г.)	Турция (с 1962 г.)
Венгрия (с 1950 г.)	Габон (с 1966 г.)	Эфиопия
Польша (с 1950 г.)	Египет (с 1960 г.)	Южная Корея (1962-1996 г.)
Румыния (1951-1989 гг.)	Индонезия (с 1956 г.)	Бутан (с 1961 г.)
Чехословакия (с 1949 г.)	Ирак (с 1970 г.)	Малайзия (с 1966 г.)
Монголия (с 1945 г.)	Иран (с 1948 г.)	Индия (1951-2017 гг.)
Куба (с 1976 г.)	Камбоджа (1960-1964 гг.)	Франция (1946-1995 гг.)
Китай (с 1953 г.)	Камерун (с 1960 г.)	Португалия (с 1953 г.)
Белоруссия (с 1996 г.)	Лесото (с 1971 г.)	Италия (с 1955 г.)
Вьетнам (с 1958 г.)	Мали (1961-1968 гг.)	Бельгия (с 1959 г.)
	Марокко (с 1968 г.)	Греция (с 1960 г.)
	Непал (с 1950 г.)	Ирландия (с 1960 г.)
	Пакистан	Испания (с 1964 г.)
	Сирия (с 1961 г.)	Япония (1956-1996 гг.)

Источник: Составлено автором.

Первый пятилетний план России следовало бы составить на 2026-2030 гг. с основными показателями до 2035 г. Напомним, что Индия в 2017 г. завершила 12-ю пятилетку, позволившую ей выйти на третье место в мире по объему экономики по ППС, опередив Японию и Германию. В свою очередь Япония в течение шести пятилеток осуществила огромный скачок в индустриализации страны и переходе к постиндустриальной стадии развития – несколько пятилеток среднегодовые ее темпы развития здесь достигали 10%. В результате Япония стала второй после США развитой страной мира по объему экономики.

Не менее впечатляющими являются результаты шести пятилеток в коренном преобразовании Южной Кореи, которая из отсталого государства превратилась в одного из мировых лидеров. Достаточно сказать, что по уровню полупроводниковой промышленности эта страна опередила США и идет вровень с Тайванем, а также ежегодно выпускает около 4 млн автомобилей. Первое место в мире с большим отрывом от других стран Южная Корея занимает по уровню роботизации производства. 11-ю пятилетку успешно выполняет Турция, развиваясь последние 10 лет в среднем по 5-6% ежегодно при всех трудностях с высокой инфляцией, девальвацией национальной валюты и др. Наконец, Китай осуществил самый грандиозный рывок в развитии среди крупных стран мира, опередив США по размеру ВВП

при оценке по паритету покупательной способности и преодолев 800-миллионную крайнюю бедность населения. Китай, как известно, выполняет на сегодня 14-й пятилетний план.

А новая Россия, став суверенным государством, с «водой выплеснула и ребенка» – выдающиеся достижения социализма – стратегические пятилетние планы. И не случайно поэтому среди крупных стран мира она уже 30 лет практически «топчется на месте», спускаясь по всем показателям по своему рейтингу все ниже и ниже.

Пора признать глубокую ошибочность развития России без установленных стратегических ориентиров. Особенно плохо здесь обстоит дело с 2012 г., когда ни один из показателей в указах президента от 7 мая 2012 г. и от 7 мая 2018 г. практически не был выполнен. Вместо социально-экономического роста – стагнация, рецессия, кризисы. Вместо повышения уровня жизни – сокращение реального располагаемого дохода на душу населения. При наличии стратегического пятилетнего плана такое развитие было бы невозможным.

При всем негативе Россия остается богатой страной и не только из-за своих топливно-энергетических ресурсов, составляющих по масштабам более 10% мировых показателей, и наличие других крупных природных ресурсов, а также обладающей самой большой территорией в мире. Главным богатством России является высокий уровень знаний трудоспособного населения, где Россия занимает 29 место в мире, опережая даже ряд развитых стран. Перед нами стоит трудная, но реальная задача, – превратить наши возможности в реальные социально-экономические достижения.

Информация об авторе

Абел Гезевич Аганбегян – академик РАН, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия.

(E-mail: aganbegyan@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-9689-7005) (elibrary AuthorID: 249770)

Information about the author

Abel G. Aganbegyan – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Head of the Department of Economic Theory and Policy of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

(E-mail: aganbegyan@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-9689-7005) (elibrary AuthorID: 249770)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2023; одобрена после рецензирования: 10.07.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

УДК: 338.2

DOI: 10.5281/zenodo.8319984 <https://zenodo.org/record/8319984>

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Александр Владимирович Бузгалин¹

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (buzgalin@mail.ru), (ORCID: 0000-0003-3923-8385)

Ключевые слова: *российская экономическая система, политическая экономия, социально-экономическое развитие, суверенитет, человеческий потенциал*

Благодарности: Автор выражает благодарность за помощь в работе над текстом Т.Д. Степановой. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00508, <https://rscf.ru/project/23-18-00508/>

Для цитирования: Бузгалин А.В. Российская экономическая система: противоречия и потенциал развития // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 59-68.

THE RUSSIAN ECONOMIC SYSTEM: CONTRADICTIONS AND POTENTIAL FOR DEVELOPMENT

Aleksandr V. Buzgalin

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (buzgalin@mail.ru), (ORCID: 0000-0003-3923-8385)

Keywords: *Russian economic system, political economy, socio-economic development, sovereignty, human potential*

Acknowledgments: The author expresses gratitude for the help in working on the text of T.D. Stepanova. Funding: This research was funded by the Russian Science Foundation, grant number 23-18-00508, <https://rscf.ru/project/23-18-00508/>

For citation: Buzgalin A.V. The Russian economic system: contradictions and potential for development. Problems in Political Economy. 2023;3(35):59-68.

JEL codes: O1, O33, O40.

Постсоветская эволюция российской экономической системы, с одной стороны, исследуется уже не первое десятилетие широким кругом авторов и в нашей стране, и за рубежом, однако большинство авторов выбирает те или иные част-

¹ © Бузгалин А.В., 2023.

ные проблемы для своих работ. Концептуальных исследований, претендующих на определение специфического для постсоветской России содержания ее экономики немного. К числу наиболее известных можно отнести, с одной стороны, работы адептов, проводившихся в 1990-х годах радикальных рыночных «реформ», носивших характер качественной [контр]революционной ломки, с другой стороны – их критиков. Для нас как политэкономов наибольший интерес представляют исследования, в которых дается попытка определения содержания этой системы, ее противоречий, проблем и перспектив развития. Это исследования М.И. Воейкова, В.М. Кулькова, А.А. Пороховского, В.Т. Рязанова, С.А. Толкачева, К.А. Хубиева, Г.Н. Цаголова, Д.Б. Эпштейна (Воейков, 2016; Кульков, 2015; Пороховский, 2016; Рязанов, 2015; Сорокин, Толкачев, 2015; Хубиев, 2015; Цаголов, 2015; Эпштейн, 2015), ряда зарубежных политэкономов (Kotz, 2017; Lane, 2015). На протяжении последних лет журнал «Вопросы политической экономии» опубликовал немало статей по данной проблеме (Воейков, 2018; Букреев, 2018; Гриценко, Дзарасов 2018; Павленко, 2018; Широ, 2019), в том числе концептуальную статью И.М. Тенякова и К.А. Хубиева (Теняков, Хубиев, 2022). А.И. Колганов и автор этой статьи так же подготовили целый ряд работ, раскрывающих анатомию российского капитализма (Бузгалин, 2000, 2019; Колганов, 2015, 2016, 2019; Бузгалин, Колганов, 2016а, 2016б).

Обобщение этих публикаций позволяет дать системную характеристику российской экономической системы 21 века (о новейших изменениях, разворачивающихся после 2022 года – в заключении статьи). Российскую экономическую систему мы определяем как особый вид позднего капитализма, т.е. такой стадии капиталистического способа производства, на которой его развитие предполагает включение в его экономическую ткань пострыночных и посткапиталистических отношений. Специфика экономики РФ в данном случае заключается в том, что она базируется на качественно различных по уровню развития производительных силах (от 3-го до 5-го и элементов 6-го технологических укладов), активным использованием методов «ручного управления», диффузией отношений и прав собственности, высоким уровнем социального и межрегионального неравенства при одновременном сохранении ряда достижений плановой экономики и сохранением традиции социально-ориентированного развития среди трудящихся.

Раскроем эту характеристику, начав характеристики отечественной системы последних десятилетий как полупериферийной. Выделение экономических систем, относящихся к центру (ядру), периферии и полупериферии было предложено в работах авторов, принадлежащих к школе мир-системного анализа (Аmin, 1987), (Wallerstein, 1974–1989). Полупериферийными в данном случае являются экономики, противоречиво сочетающие черты «центра» и «периферии». Применительно к российской экономике это означает, в частности следующее.

Во-первых, неравномерное развитие (в отраслевом и региональном разрезе) производительных сил. Так, для РФ 21 века характерны противоречия между рядом высокотехнологичных сфер экономики (космос, атомная промышленность, часть фундаментальной науки и образования, некоторые отрасли военно-промышленного комплекса), с одной стороны, и общим технологическим отставанием от наиболее развитых стран, доминированием (во всяком случае, до недавнего времени) сырьевых отраслей – с другой (подробнее о технологических дисбалансах см. (Степанова, 2022)).

Во-вторых, основные макроэкономические индикаторы РФ, прежде всего, ВВП на душу населения, так же находятся в пространстве между наиболее развитыми и бедными странами (подробнее см.: (Бузгалин и др., 2021)).

В-третьих, социальные параметры экономики РФ ниже, чем в странах «центра»: средние доходы – примерно в 2 раза, продолжительность жизни – на 10 лет и т.п. В стране высок уровень неравенства между различными социальными группами, а также между регионами (Барашкова, 2020). В то же время большинство населения ориентировано на стандарты социального бытия, характерные для социальных моделей развитых капиталистических стран – часть в силу сохранения традиций СССР, частью в силу принадлежности к т.н. «креативному классу».

В итоге социально-экономическая система РФ 21 века характеризуется даже на уровне явления двойственностью основных параметров социально-экономической жизни.

Сущность же этих противоречий – система многопланового отчуждения большинства граждан (в первую очередь – большинства трудящихся, но многочисленные пенсионеры, с одной стороны, и неработающая молодежь, с другой, так же важно принимать во внимание) от труда и других форм жизнедеятельности, собственности, власти и т.п. В конечном счете – самоотчуждения. Эти пространства отчуждения включают в себя господствующие в настоящее время в РФ капиталистические производственные отношения, генерирующие (1) господство (как и в большинстве экономик 21 века) специфического для 21 века рынка, на котором, с одной стороны, большинство акторов (потребителей и т.п.) подчиненно манипулятивному воздействию корпоративного капитала, а с другой осуществляется различного рода государственное регулирование; (2) формальное и (в индустриальном секторе) реальное подчинение труда капиталу, причем преимущественно высоко центрированному корпоративному); (3) элементы добуржуазного угнетения (Николаева, 2021); (4) многообразные формы бюрократизма (к тому же глубоко интегрированного с отношениями коррупции (Лемешонок, 2015)).

Рассмотрим эти пространства отчуждения подробнее.

Тотальный рынок, на котором господствующее положение занимают крупные корпорации, манипулирующие остальными акторами рынка (прежде всего – потребителями), в РФ имеет некоторые особенности, и они состоят не только в наличии различного рода государственного регулирования, включая «ручное управление». Это и особенности «манипуляторов: корпоративный капитал, господствовавший на российском рынке, был (и это типично для стран полупериферии и периферии) преимущественно иностранным. Изменения, начавшиеся в 2022 году, пока остаются не кардинальными, да и замена зарубежных ТНК на их отечественные дубликаты мало что изменяет, в сущности, отношений. В то же время ряд граждан России сохраняет со времен СССР некоторый «иммунитет» к корпоративному манипулированию (в частности, рекламе), присутствует и ряд других культурных и социально-политических феноменов, тормозящих и ограничивающих власть рынка.

Подчинение труда капиталу и эксплуатация в РФ 21 века носит крайне разнородный характер. Наиболее типичной является модель, аналогичная монополистическому капитализму конца 19 – начала 20 века, т.к. в стране мера реальной социализации трудовых отношений низка, социальное партнерство носит зачаточный характер, профсоюзы в большинстве крайне ограничены в возможностях серьез-

ного отношения на трудовые отношения. Эти отношения характерны для большей части индустрии, торговли и др. Наряду с этими отношениями, присутствуют современные формы эксплуатации креативных работников, а также элементы отношений добуржуазного подчинения работников (о них ниже).

Кроме того, и рынок, и капитал в РФ бытийствуют в условиях слабости формальных институтов, результатом чего стала экспансия «бизнеса по понятиям» (это понятие раскрыто А. Олейником: см. (Олейник, 2001)). Это наследие 1990-х в настоящее время трансформируется в новый институциональный порядок, очертания которого только формируются (о нем ниже).

Бюрократизм как особые отношения отчуждения (подчеркну: бюрократия не тождественна менеджменту; это такие отношения управления, при которых форма, канцелярия, «бюро» господствует над содержанием, самодавляет как субъект власти – «кратоса») в России имеет глубокие исторические корни, которые не смогли «выполоть» ни советские, ни постсоветские преобразования. Но в сочетании с полупериферийными формами рынка и капитала бюрократизм принял особые формы, связанные со слабостью формальных институтов. В результате власть бюрократии интегрируется с неформальным управлением, сращенным с коррупцией.

Так же для российской экономики, как и для всякой периферийной (в большей мере) и полупериферийной (в меньшей мере) системы (Prebisch, 1976) характерно наличие элементов добуржуазных отношений, основанных на насилии и личной зависимости. В частности, эти отношения распространены в пространстве использования труда мигрантов, а также в сфере неформального контроля за бизнесом и управлением (аналог отношений вассалитета). Кроме того, в России до сих пор сохраняются пространства натурального хозяйства (на т.н. приусадебных участках производится от 30 до 70% ряда корнеплодов, овощей и др.)

В то же время экономика России – это особый вид *позднего* капитализма, к тому же возникшего на основе распада советской экономики. Как всякий поздний капитализм, российская система включает переходные к пострыночным и посткапиталистическим отношениям.

Так, отношения аллокации ресурсов в РФ не сводятся к рынку и включают различные формы государственного регулирования, которые так же имеют свою специфику, в частности, широкое распространение методов «ручного управления».

В социокультурной сфере, в частности, в образовании и здравоохранении, сохраняется формально бесплатное для потребителей пространство, причем в масштабах больших, чем традиционно в странах полупериферии (это следствие не до конца разрушенного наследия СССР). Но в силу указанных выше особенностей это пространство так же является не в полной мере бесплатными и общедоступными, будучи подчинены отношениям коммерциализации, бюрократизации и коррупции (о специфике этих процессов на примере образования раскрыта в работах Н.Г. Яковлевой (Яковлева, 2017, 2019)).

Причины указанной специфики экономической системы РФ нами были раскрыты ранее. Главными детерминантами является:

- частичное сохранение прогрессивных (развития ряда высокотехнологичных производств, науки, образования и культуры; высокий уровень социальной защищенности и др.) и реакционных (неравномерность экономического развития, бюрократизм и др.) черт экономики СССР, неразрешенность его противоречий;

- контрпродуктивный способ трансформации советской экономической системы в постсоветскую, начатый в 1990-е (подробнее см. (Бузгалин и др., 2021));
- формирование в результате этих исторических причин системы производственных отношений, воспроизводящих российскую модель позднего капитализма.

В свою очередь, эта модель стала основой господствовавшего до настоящего времени экстенсивного типа воспроизводства, ведущего к консервации данной экономической и социально мало эффективной модели.

Резкое обострение внешнеэкономических и внешнеполитических условий в 2022 году стало триггером некоторых изменений в российской экономике. Их содержание состоит не только в переориентации внешнеэкономических связей и стремлении к интенсификации импортозамещения. Начались некоторые коррекции форм экономических отношений и институтов. В частности, активизировались методы косвенного государственного регулирования (главным образом кредитного), выросли государственные закупки и инвестиции (прежде всего в ОПК), проводятся разного рода разовые и иные социальные выплаты. Однако основы системы пока сохраняются прежние.

Между тем, для нашей страны необходимы как минимум глубокие социально-ориентированные реформы, корректирующие не только экономическую политику, но и производственные отношения и институты что создаст должный импульс прогрессу технологий и другим сферам развития. Главным их ориентиром может и должен быть человек, его потенциал, личностное развитие, а также решение социальных, экологических и культурных проблем.

Основные реперные точки таких реформ нами многократно обозначались в различного рода докладах и публикациях (Бузгалин, Колганов, 2011). Ниже предельно коротко обозначим основные направления такого реформирования, опираясь на статью, написанную автором совместно с коллегами для журнала «Альтернативы» в 2023 г.

Поскольку цели этой стратегии мы обозначили выше, остановимся только на средствах ее реализации.

Это, во-первых, *трансформация сложившейся к настоящему времени системы отношений рынка*. Эта трансформация предполагает, с одной стороны, очищение экономической системы от феодально-бюрократических пережитков, в частности, внеэкономического давления на работника и бизнес, теневого государственного регулирования и др. С другой стороны, усиление общественного, социально-ориентированного регулирования экономики, проведение активной промышленной политики, формирования новых отношений стратегического планирования (Бузгалин и др., 2023, с. 54).

Во-вторых, предлагаемая стратегия предполагает осуществление глубокого реформирования отношений и прав собственности. Слагаемые этих реформ хорошо известны. Это существенное повышение социальной ответственности частного бизнеса, усиление прав реальных профсоюзов, включение трудящихся в управление. Еще более важно развитие демократического содержания государственной и иных форм общественной собственности и расширение пространства последней. Подчеркнем: речь идет не просто о национализации, а о реальном присвоении общественных благ (к коим относятся природные ресурсы, образование, здравоохра-

нение, культура) гражданами страны; не только о защите, но и о сужении пространства частной интеллектуальной собственности (по крайней мере, в общественном секторе) и т.д. (Бузгалин и др., 2023, с. 55).

В-третьих, слагаемым этой стратегии является *продвижение по пути социализации трудовых отношений и снижения социального неравенства в распределении ресурсов развития и, в частности, дохода*, включая прогрессивный налог на доходы и наследство, а также ряд других мер по снижению социального неравенства.

В заключение подчеркнем, что единство обозначенных целей и средств станет основой решения проблем достижения национального технологического и экономического суверенитета, главной характеристикой которого должна стать не изоляция от мирового технологического, экономического и культурного развития, а включение в международные отношения на основе достижения лидирующих позиций в основных сферах развития. Предпосылки для этого, как мы показали выше, у России сохраняются.

ЛИТЕРАТУРА

Барашкова О.В. «Центр» и «периферия» России: технологический прогресс как ключ к росту сбалансированности национальной экономики // Экономическое возрождение России. 2020. № 2(64). С. 171-179.

Бузгалин А.В. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма // Вопросы экономики. 2000. № 6. С. 102-113.

Бузгалин А.В. Государство в экономике XXI в.: политико-экономическая интерпретация // Экономическая наука современной России. 2019. № 3(86). С. 7-18.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. В поисках будущего России: «экономика для Человека», или Десять тезисов к разработке «Стратегии опережающего развития III» (неюбилейное приглашение Ю.М. Осипова к новому раунду дискуссии) // Философия хозяйства. 2011. № 4(76). С. 60-65.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. 2016а. № 1. С. 63-80. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-63-80

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия и экономическая политика. Рынок. Капитал. Общество // Terra Economicus. 2016б. Т. 14. № 1. С. 27-47. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-1-27-47

Бузгалин А.В., Хубиев К.А., Теняков И.М., Заздравных А.В. Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели // Общество и экономика. 2021. № 12. С. 16-44.

Бузгалин А.В., Хубиев К.А., Эпштейн Д.Б. Альтернативы стагнации российской экономики: новый контекст // Альтернативы. 2023. № 2(119). С. 37-66.

Букреев В.В. Является ли цифровизация панацеей для Российской экономики // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 48-56.

Воейков М.И. Базовые предпосылки экономической теории реиндустриализации // Экономическое возрождение России. 2016. № 1(47). С. 31-40.

Воейков М.И. Государство как предмет политэкономического изучения // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 35-54.

Гриценко В.С., Дзарасов Р.С. Потребности в информационных ресурсах в условиях полупериферийного капитализма // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 57-77.

Колганов А.И. Экономика России 2000-х: проблемы воспроизводства в экономической системе периферийного капитализма // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 99-115.

Колганов А.И. Императивы реиндустриализации России // Экономическое возрождение России. 2016. № 4(50). С. 20-23.

Колганов А.И. Будущее государства в экономике: российские дискуссии и их международный контекст // Экономическая наука современной России. 2019. № 3(86). С. 18-29. DOI: 10.33293/1609-1442-2019-3(86)-18-29.

Кульков В.М. Новая индустриализация в контексте экономического развития России // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 2. С. 81-85.

Лемешонок О.Б. Коррупция как сдерживающий фактор на пути реиндустриализации экономики России // Экономическое возрождение России. 2015. № 1(43). С. 140-145.

Николаева У.Г. Дорыночные (докапиталистические) экономические отношения: новая жизнь в эпоху глобализации и потенциал марксистской методологии исследования // Вопросы политической экономии. 2021. № 4. С. 65-87.

Олейник А.Н. Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 4-25.

Павленко Ю.Г. Государство и проблема интересов целостности в формировании нового социально-экономического уклада // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 151-158.

Пороховский А.А. За и против «рыночной колеи» России в XXI веке // Экономическое возрождение России. 2016. № 2(48). С. 98-103.

Рязанов В.Т. Неиндустриализация России и возможности преодоления экономической стагнации // Экономическое возрождение России. 2015. № 4(46). С. 24-33.

Сорокин Д.Е., Толкачев С.А. Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России // Экономическое возрождение России. 2015. № 4(46). С. 87-99.

Степанова Т.Д. Технологический суверенитет России как элемент экономической безопасности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Том 12. № 9А. С. 362-372. DOI: 10.34670/AR.2022.19.76.044

Тяняков И.М., Хубиев К.А. Надломленный вектор развития российской экономики // Вопросы политической экономии. 2022. № 2. С. 22-39. DOI: 10.5281/zenodo.6881149.

Хубиев К.А. Системный подход к потенциалу развития и факторам торможения российской экономики // Экономическое возрождение России. 2015. № 1(43). С. 23-29.

Цаголов Г.Н. Российский императив: от бюрократическо-олигархического капитализма к новому интегральному обществу // Экономика и управление собственностью. 2015. № 4. С. 20-26.

Широв А.А. Проблемы воспроизводства в современной российской экономике // Вопросы политической экономии. 2019. № 2. С. 37-46.

Эпштейн Д.Б. Изменения в экономической политике - минимально необходимые шаги // Экономическое возрождение России. 2015. № 2(44). С. 43-48.

Яковлева Н.Г. Коммерциализация российского высшего образования: историко-логические контрапункты // Экономическое возрождение России. 2017. № 4(54). С. 49-58.

Яковлева Н.Г. Социальные последствия финансиализации образования // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 104-114. DOI 10.31857/S013216250007744-1.

Amin S. Democracy and national strategy in the periphery // Third World Quarterly. 1987. Vol. 9. № 4. Pp. 1129-1156.

Kotz D.M. One Hundred Years after the Russian Revolution: Looking Back and Looking Forward // International Critical Thought. 2017. Vol. 7. № 3. Pp. 289-296. DOI: 10.1080/21598282.2017.1355745

Lane D. Eurasian integration as a response to neoliberal globalization. In The Eurasian Project and Europe: Regional Discontinuities and Geopolitics. London: Palgrave Macmillan UK. 2015. Pp. 3-22.

Prebisch R. A critique of peripheral capitalism. Cepal Review, 1976.

Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. I-III. Binghamton, 1974-1989.

Информация об авторе

Александр Владимирович Бузгалин – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: buzgalin@mail.ru) ORCID: 0000-0003-3923-8385) (elibrary AuthorID: 73101)

REFERENCES

Amin S. Democracy and national strategy in the periphery. Third World Quarterly. 1987;9(4):1129-1156.

Barashkova O.V. «Center» and «periphery» of Russia: technological progress as a key to increasing the balance of the national economy. Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia. 2020;2(64):171-179. (In Russ.)

Buzgalin A.V. Mutant capitalism as a product of the half-life of mutant socialism. Voprosy ekonomiki=Voprosy Ekonomiki. 2000;(6):102-113. (In Russ.)

Buzgalin A.V. The State in the Economy of the 21st Century: Political and Economic Interpretation. Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia. 2019;3(86):7-18. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. In Search of Russia's Future: «Economy for Man», or Ten Theses for the Development of the «Advanced Development Strategy III» (Yu.M. Osipov's non-anniversary invitation to a new round of discussion). Filosofiya khozyaystva=Philosophy of Economy. 2011;4(76):60-65. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Planning: potential and role in the market economy of the 21st century. Voprosy ekonomiki=Voprosy Ekonomiki. 2016a;(1):63-80. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-63-80 (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Political economy and economic policy. Market. Capital. Society. Terra Economicus. 2016b;14(1):27-47. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-1-27-47 (In Russ.)

Buzgalin A.V., Khubiyev K.A., Tenyakov I.M., Zazdravnykh A.V. Growth and/or development: the specifics of the Russian economic model. Obshchestvo i ekonomika=Society and economy. 2021;(12):16-44. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Khubiyev K.A., Epshteyn D.B. Alternatives to the Stagnation of the Russian Economy: A New Context. Al'ternativy=Alternatives. 2023;2(119):37-66. (In Russ.)

Bukreyev V.V. Is digitalization a panacea for the Russian economy. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2018;(4):48-56. (In Russ.)

Epshteyn D.B. Changes in economic policy - minimum necessary steps. Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia. 2015;2(44):43-48. (In Russ.)

Gritsenko V.S., Dzarasov R.S. Needs for Information Resources in Conditions of Semi-Peripheral Capitalism. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2018;(4):57-77. (In Russ.)

Khubiyev K.A. A systematic approach to the development potential and factors of deceleration of the Russian economy. Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia. 2015;1(43):23-29. (In Russ.)

Kolganov A.I. Russian Economy in the 2000s: Problems of Reproduction in the Economic System of Peripheral Capitalism. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2015;(1):99-115. (In Russ.)

Kolganov A.I. Imperatives of reindustrialization of Russia. Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia. 2016;4(50):20-23. (In Russ.)

Kolganov A.I. The future of the state in the economy: Russian discussions and their international context. Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii=Economic Science of Modern Russia. 2019;3(86):18-29. DOI: 10.33293/1609-1442-2019-3(86)-18-29 (In Russ.)

Kotz D.M. One Hundred Years after the Russian Revolution: Looking Back and Looking Forward. International Critical Thought. 2017;7(3):289-296. DOI: 10.1080/21598282.2017.1355745

Kul'kov V.M. New industrialization in the context of Russia's economic development. Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2015;(2):81-85. (In Russ.)

Lane D. Eurasian integration as a response to neoliberal globalization. In The Eurasian Project and Europe: Regional Discontinuities and Geopolitics. London: Palgrave Macmillan UK. 2015. Pp. 3-22.

Lemeshonok O.B. Corruption as a deterrent to the reindustrialization of the Russian economy. Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia. 2015;1(43):140-145. (In Russ.)

Nikolayeva U.G. Pre-market (pre-capitalist) economic relations: new life in the era of globalization and the potential of the Marxist research methodology. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2021;(4):65-87. (In Russ.)

Oleynik A.N. Business by Concepts: On the Institutional Model of Russian Capitalism. Voprosy ekonomiki=Voprosy Ekonomiki. 2001;(5):4-25. (In Russ.)

Pavlenko YU.G. The state and the problem of the interests of integrity in the formation of a new socio-economic order. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2018;(4):151-158. (In Russ.)

Porokhovskiy A.A. Pros and cons of Russia's «market track» in the 21st century. *Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia*. 2016;2(48):98-103. (In Russ.)

Prebisch R. A critique of peripheral capitalism. *Cepal Review*, 1976.

Ryazanov V.T. Neo-industrialization of Russia and opportunities to overcome economic stagnation. *Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia*. 2015;4(46):24-33. (In Russ.)

Shirov A.A. Problems of reproduction in the modern Russian economy. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2019;(2):37-46. (In Russ.)

Sorokin D.YE., Tolkachev S.A. Conditions and factors of effective reindustrialization and industrial policy of Russia. *Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia*. 2015;4(46):87-99. (In Russ.)

Stepanova T.D. Technological sovereignty of Russia as an element of economic security. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 2022;12(9A):362-372. DOI: 10.34670/AR.2022.19.76.044 (In Russ.)

Tenyakov I.M., Khubiyeu K.A. Broken vector of development of the Russian economy. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2022;(2):22-39. DOI: 10.5281/zenodo.6881149. (In Russ.)

Tsagolov G.N. Russian imperative: from bureaucratic-oligarchal capitalism to new aggregated society. *Ekonomika i upravleniye sobstvennost'yu*. 2015;(4):20-26. (In Russ.)

Voyeykov M.I. Basic premises of the economic theory of reindustrialization. *Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia*. 2016;1(47):31-40. (In Russ.)

Voyeykov M.I. The state as a subject of political economy study. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2018;(1):35-54. (In Russ.)

Wallerstein I. *The Modern World-System*. Vol. I–III. Binghamton, 1974-1989.

Yakovleva N.G. Commercialization of Russian Higher Education: Historical and Logical Counterpoints. *Ekonomicheskoye vrozozhdeniye Rossii=Economic Revival of Russia*. 2017;4(54):49-58. (In Russ.)

Yakovleva N.G. Social consequences of the financialization of education. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*. 2019;(12):104-114. DOI 10.31857/S013216250007744-1. (In Russ.)

Information about the author

Alexander V. Buzgalin – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(E-mail: buzgalin@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3923-8385) (elibrary AuthorID: 73101)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 20.07.2023; одобрена после рецензирования: 03.08.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

УДК: 330.101

DOI: 10.5281/zenodo.8319992 <https://zenodo.org/record/8319992>

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Михаил Илларионович Воейков¹

Доктор экономических наук, заведующий сектором политической экономики Института экономики РАН, Москва, Россия, (mvok1943@mail.ru), (ORCID 0000-0002-3873-8276).

Ключевые слова: *социально-экономическая система, государственный патернализм, буржуазные отношения, марксистская теория, сталинизм*

Для цитирования: Воейков М.И. Государственный патернализм в социально-экономической системе России // Вопросы политической экономики. 2023. № 3 (35). С. 69-76.

STATE PATERNALISM WITHIN THE RUSSIAN SOCIO-ECONOMIC SYSTEM

Mikhail I. Voeykov

Doctor of Economics, Head of the Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (mvok1943@mail.ru), (ORCID 0000-0002-3873-8276)

Keywords: *socio-economic system, state paternalism, bourgeois relations, Marxist theory, Stalinism*

For citation: Voeykov M.I. State paternalism within the Russian socio-economic system. Problems in Political Economy. 2023;3(35):69-76.

JEL codes: A10.

Согласно общей теории, все страны в своем развитии проходят примерно одинаковые этапы исторического развития. Но у некоторых стран есть свои особенности, которые не отменяют общего правила, но привносят свою специфику. Так, например, современный Китай, имея очень большую свою специфику, проходит сегодня известную стадию государственного капитализма.

Итак, обратимся к классической теории. Известно, что К. Маркс ставил этот вопрос следующим образом: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их осуществления в недрах самого старого общества» (Маркс, 1959, с. 7). И в другом месте: «Страна, промыш-

¹ © Воейков М.И., 2023.

ленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». «Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» (Маркс, 1960, с. 9-10). И еще добавим сюда слова Ф. Энгельса из его «Послесловия к работе «О социальном вопросе в России»: «Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешать задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития» (Энгельс, 1962, с. 445). Таково мнение основоположников обществоведческой теории, которая наиболее адекватным образом объясняет этапы общественного развития. Согласно этой теории степень развития производительных сил предопределяет и социальную форму общества.

Итак, получается, что капитализм не в состоянии ни появиться, ни развиваться на основе производительных сил и экономических отношений феодального общества. Для развития капитализма и соответствующих буржуазных отношений нужны принципиально иная производственная база, которой уже тесно в рамках старого феодального общества. В случае социализма исторический процесс тот же самый. Никакие социалистические отношения никак не могут возникнуть на основе производственной базы только что зарождающегося капитализма. А в России после 1917 года только началось разложение феодализма. Но, к сожалению, элементы феодальных отношений в большей или меньшей мере присутствовали в российском обществе все советские годы. И сегодня феодальные элементы в российском обществе очень даже заметны. Но по марксистской теории, а она наиболее убедительная, страна не может перескакивать объективно необходимые этапы развития. Россия же за весь XX век хотя и достигла высоких результатов в своем экономическом развитии, встав почти вровень с самыми экономически развитыми странами мира, но их не опередила. У России та же судьба и этапы исторического развития как у многих стран мира. Такой вывод можно сделать из классической марксистской теории.

Однако в отечественной литературе порой присутствует и другая теория, согласно которой в России можно на базе крестьянской общины прямо и непосредственно перейти к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Это как известно народническая теория, основу чего в свое время заложил А.И. Герцен. В свое время А.И. Герцен писал: «Естественно возникает вопрос должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений» (Герцен, 1957, с. 186). В этом теоретическом положении представлено основное содержание теории А.И. Герцена об особом пути развития России. Возможно, А.И. Герцен был одним из первых и наиболее талантливых людей, кто пытались как-то научнообразно обрисовать не только уникальное место России, но и ее ведущую роль в мировой цивилизации. По мнению этих людей, Россия должна нащупать особый путь и способ развития к хорошему обществу, перескакивая через некоторые этапы исторического пути Европы. Эту теорию в полной мере развили российские народники, положив в ее основу русскую общину. Так, Н.К. Михайловский писал в 1880 г., что народники верили в «возможность непосредственного

перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства» (Михайловский, 1995, с. 190). Эти мысли и теоретические положения А.И. Герцена и последующих народников получили в российском интеллектуальном социуме весьма большое распространение, что можно найти и в современной литературе. Так, например, идеологически сталинизм, а не практически, базировался именно на этой идеологии народников.

И эта вера в то, что период буржуазности в России можно сильно сократить или вообще избежать почему-то мирно уживалась с марксистской теорией в душах и литературных трудах многих советских обществоведов. Таким образом, многие советские обществоведы, хотя и называли себя марксистами, по сути дела являлись или превращались в своеобразных учеников и последователей российских народников. Основы марксистской теории в советское время не замалчивались, но они как-то мирно уживались с совершенно противоположной теорией уникального исторического пути России, и особенно с теорией строительства социализма в отдельно взятой отсталой стране, теорией которая в сталинский период имела достаточную популярность. Правда, некоторые советские обществоведы считали, что теория строительства социализма в отсталой стране не отменяет марксизм, а развивает. Иными словами считалось, что социально-экономическая система СССР была противоположна буржуазно-экономической системы европейских стран. Сегодня это положение следует поставить под сомнение.

В силу сказанного сегодня вполне можно утверждать, что российская социально-экономическая система лишь к началу XX века стала выбираться из феодального состояния. А в целом социально-экономическая система России оставалась феодальной. Развитие промышленности требовало перехода к иному этапу общественного развития, переходу к буржуазности. И российская революция 1917 г. это осуществила и ее действительно можно назвать Великой, ибо был переход к иному этапу общественного развития. Хотя некоторые публицисты считают эту революцию социалистической и даже пролетарской (хотя пролетариат тогда составлял 3-5% населения страны и 40% из них имели землю в деревне, т.е., по сути, были крестьянами), но это мнение не соответствует реальным фактам. Русская революция 1917 года в целом носила буржуазно-демократический характер².

Но, конечно, историческое развитие России имеет ряд принципиальных особенностей, которые отличают ее от европейской истории. Это прежде всего очень большая территория с очень различным климатом, что делает сельскохозяйственное производство в разных частях страны очень неоднородным и даже кое-где рискованным. Следующая особенность России состоит в наличии многих разных народов и разных языков. Поэтому нужен кто-то, который гармонизировал бы все эти особенности и обеспечивал развитие России как единого государства. Эту роль в стране исторически выполняло государство. Поэтому государство в России имело особое значение, выступая главным координатором согласования различных интересов и условий существования. Наверно, начиная с времен Ивана Грозного, а точнее с периода Петра I развитие производства и промышленности шло под воздействием государства, а не частного интереса.

Особенно роль государства в социально-экономической системе России сказались в конце XIX века, во время С.Ю. Витте. Последний дал толчок развитию про-

² Подробнее о характере русской революции 1917 года см: (Воейков, 2017).

мышленности благодаря государству. В этой связи С.Д. Бодрунов пишет: «Таким образом, речь шла о крупных государственных капиталовложениях в инфраструктурные проекты, обеспечивающих прогрессивные структурные сдвиги во всем народном хозяйстве» (Бодрунов, с. 65).

После 1917 г. так или иначе в стране развивалась буржуазная социально-экономическая система с очень сильным государственным патернализмом. Даже официально все 1920-е года эта система называлась государственным капитализмом. Так, А.И. Рыков в 1923 г. писал: «Создание прибавочной ценности и присвоение этой прибавочной ценности государством именно на почве товарного хозяйства и есть тот характерный признак, который отличает нашу государственную систему от системы частного капитализма и от системы развернутого коммунистического хозяйства» (Рыков, 1990, с. 243). Таким образом, ведущие большевики вероятно до начала или середины 1930-х годов советскую хозяйственную систему определяли в качестве государственного капитализма. То есть, рыночные отношения, которые преобладали в Советской России все 1920-е годы (а в то время было 20 млн. крестьянских хозяйств, которые базировались на товарных и рыночных отношениях), не позволяли большевикам делать вывод о социалистичности экономических отношений Советской России того времени.

Практическая жизнь в деревне и в городах у подавляющего числа людей крутилась вокруг буржуазных или мещанских ценностей: сытой и благоустроенной жизни, достаточного дохода, добрых отношений с соседями и в целом благополучной жизни. Это предел мечтаний крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения в России. Как пишет один современный исследователь: «С момента отмены крепостного права и далее в XX веке между крестьянством и мещанством России возможно обнаружить самые разнообразные и тесные взаимосвязи не только в экономике, но и в культуре» (Никулин, 2020, с. 208). Такова была советская жизнь: по сути, господствовало мещанство (или буржуазность), но прикрытое марксистско-ленинской идеологией и социалистической фразеологией.

И при этом была диктатура одной партии, затем переросшая в диктатуру одного лица, что никак не вяжется с социалистическими императивами. На этот аспект рассматриваемой темы в свое время обратил внимание В.М. Межуев: «В действительности Сталин воспроизвел под видом социализма традиционную для России систему самовластия и государственного патернализма, придав ей, правда, характер власти тоталитарной» (Межуев, 2009, с. 320). Но эта государственная диктатура помогла осуществить форсированную индустриализацию, что обеспечило победу СССР в Великой Отечественной войне. Однако, если соглашаться с мнением о преобладании буржуазного характера в экономических отношениях советского периода в России, все же трудно солидаризироваться с положением о том, что в СССР был государственный капитализм. Это мнение высказывают некоторые российские и зарубежные историки: Клифф (Клифф, 1991), Соловьев (Соловьев, 1995), Здоров (Здоров, 2006). Конечно, экономические отношения государственного социализма, который господствовал в СССР, можно отождествить с государственным капитализмом. Но здесь имеется одна деталь, которая принципиально разводит эти понятия. При государственном капитализме распределение благ происходит в основном по капиталу. В СССР этого не было. Распределение в советском обществе происходило в какой-то мере по труду, отчасти по месту в бюрократической иерархии. Но

последнее – это скорее характеристика феодальных отношений, а не капиталистических. А вот то, что с распределением происходит в современной России, вполне подходит под характеристики государственного капитализма. Но в целом, экономические отношения в СССР весьма напоминали отношения капитализма.

Так что социально-экономическую систему СССР можно с некоторыми оговорками трактовать в качестве государственного капитализма. Пожалуй, только с одной оговоркой. Это было господство, так сказать, социального государственного патернализма. Таким образом, советская социально-экономическая система была, по сути, своеобразной буржуазной системой без господства частной собственности и частного капитала, и прикрытая некоторыми элементами социального государства. Ныне в России распределение осуществляется, прежде всего, по капиталу, что характеризует страну в качестве примера классического капитализма.

Итак, можно сделать следующий вывод: в СССР сохранялись и преобладали объективные черты буржуазного общества, что наиболее ярко стало проявляться в брежневский период «застоя». Любопытно в этом смысле наблюдение немецкого социал-демократа Р. Крумма, который впервые попал в СССР в период горбачевской перестройки: «Я увидел неожиданно для себя в определенном смысле буржуазную жизнь, против которой всегда выступал» (Крумм, 2009. С. 14). И в этом обществе естественным был, как пишет Л.А. Булавка, путь советского человека «от героя к мещанину» (Булавка, 2010. С. 276). При этом надо полагать, что тут ничего удивительного или неожиданного нет и быть не может. Все стало просто и ясно в характерной буржуазности даже повседневной жизни простых людей. Энтузиазм, геройство появляются и доминируют в переломные эпохи. Когда же наступает спокойный и, скажем, нормальный период времени в обычном буржуазном обществе доминируют обывательские и даже мещанские ценности. И ничего тут страшного или вредного нет, это реальность, это нормально. Человеку ведь надо и в туалет ходить, желательно комфортабельный, где нет место подвигу. Другой вопрос, если человек свою жизнь сводит к пищеварению, то он волей-неволей превращается в животное.

В принципе коммунистическая идеология этот животный инстинкт не приемлет, а вот буржуазная идеология на этом примитивном инстинкте идеологически оправдывает превращение человеческой деятельности в процесс делания денег. В СССР с идеологией мещанства велась идейная борьба, но обычные люди в большинстве своем были мещане. Они стремились к обеспеченному образу жизни, к благосостоянию, к благоустроенному жилью и т.п. Большинство людей стремилось не к подвигам и бескорыстному служению отечеству, а к личному благополучию. И это нормально, это обычные буржуазные стандарты. Но было ли при этом советское общество буржуазным – вот в чем вопрос! Многие советские и постсоветские идеологи со всей определенностью говорят, что «советское общество не было буржуазным» (Славин, 2004. С. 378). Однако найти простой ответ на этот вопрос весьма трудно. С одной стороны, официальная советская пропаганда пропагандировала антимещанские ценности и призывала простых людей бескорыстно служить отечеству. С другой стороны, простые люди хотели спокойной обеспеченной жизни, что выливалось в мещанское благополучие. Такова была объективная реальность. И ведь в центре идеологии горбачевской «перестройки» конца 1980-х гг. находились именно мещанские или буржуазные ценности благополучной жизни.

Конечно, Советский Союз нельзя рассматривать в качестве классического капиталистического государства, в СССР не было капитализма. Но в то же время социально-экономическая система СССР не была по сути своей социалистической. Эта система скорее всего была переходной от феодальных отношений к социалистическим, но естественным образом формировала и развивала буржуазные отношения. Это была объективная необходимость. В экстремальные периоды развития (индустриализация, война, восстановление), в периоды мобилизационной экономики противоречия между буржуазной действительностью и социалистическими императивами затухали, мещанские ценности отступали на второй и третий фон и наполняли энтузиазмом патриотические и в то же время социалистические лозунги. А вот в нормальные периоды времени, когда мобилизационные цели развития отходили на задний план, и вызывать энтузиазм у людей было уже не нужно, расхождение между повседневной жизнью и социалистической фразой стало очевидным и вызывало недоумение. И экономическая практика советской жизни стала обрастать многими плохо совместимыми явлениями. Необходимостью материально стимулировать высокопроизводительный труд и моральными ценностями равенства, необходимостью выполнения плана любой ценой и стремлением предприятий к прибыльной работе, и, может быть, даже главное – расхождение между идеологическими призывами социализма и коммунизма и повседневной жизнью, переполненной мещанством.

Итак, в советский период было резкое расхождение между теоретическими представлениями об историческом пути развития России и практическими потребностями рационального хозяйствования. Сегодняшняя общественно-политическая и экономическая практика вообще отодвинула теоретические представления на задний план. Все большую популярность набирает представление России как уникального общества, принципиально отличающегося от многих стран, особенно европейских. У России как бы есть свой собственный путь развития. Естественно, что такие представления резко отличаются от марксистской теории исторического материализма, которая адекватней и глубже объясняет исторический ход развития многих стран. Но другой столь же глубокой обществоведческой теории просто не существует. И согласно этой теории, Россия вынуждена пройти этап капиталистического развития, который должен занять не одно-два десятилетия, а значительно большее количество десятилетий.

И, конечно, напрашивается вопрос – может быть все это к России не подходит и ее, как сказал поэт, «умом не понять». Тогда получается, что Россия вообще, как бы выпадает из сферы научного анализа и представители социальной науки ничего существенного не могут сказать о закономерностях исторического развития страны. Или же для России нужна принципиально иная социальная наука, чем принятая в основных странах мира. Но даже социальную науку для каждой страны невозможно создавать особой, это уже будет не наука, а некий сумбур представлений властвующей элиты.

Сегодня социально-экономическая система России почти полностью стала буржуазной, но заметно крепнут еще феодальные остатки. Таким образом, социально-экономическая система России представляет собой буржуазно-капиталистическую систему с феодальными остатками. Российская система еще молодая и все интересное у нее еще впереди.

ЛИТЕРАТУРА

Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с. EDN: YROARB

Булавка Л.А. Советский человек: от героя к мещанину // «Застой». Дисконтенты СССР. Под ред. Л. Булавки и Р. Крумма. М.: ТЭИС, Культурная революция. 2010. С. 276.

Воейков М.И. Великая российская революция: экономическое измерение. М.: Институт экономики РАН, 2017. – 57 с.

Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. XII. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 611 с.

Здоров А.А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза. М.: УРСС, 2006. – 160 с.

Клифф Т. Государственный капитализм в России. М., 1991. – 286 с.

Крумм Р. Белые пятна брежневской эпохи // СССР. «Застой». Материалы конференции 5-6 ноября 2008 г. Под ред. Р. Крумма и Л. Булавки. М.: Культурная революция, 2009. – 471 с.

Маркс К. К критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы. 1959. С. 1-167.

Маркс К. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы. 1960. С. 5-907.

Межуев В.М. От «застоя» к «застою» // СССР. «Застой». Материалы конференции 5-6 ноября 2008 г. / Под общей ред. Р. Крумма и Л. Булавки. М.: Культурная революция, 2009. С. 317-324.

Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. – 456 с.

Никулин А.М. Школа Чайнова: утопия и сельское развитие. М.: Изд-кий дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 360 с.

Рыков А.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. – 495 с.

Славин Б.Ф. Социализм и Россия. М.: УРСС, 2004. – 432 с.

Соловьев А.В. Этюды о капитализме в России XX века. Кострома, 1995. – 108 с.

Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России». Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. М.: Государственное издательство политической литературы. 1962. С. 438-453.

Информация об авторе

Михаил Илларионович Воейков – доктор экономических наук, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН, Москва, Россия.

(E-mail: mvok1943@mail.ru) (ORCID 0000-0002-3873-8276) (elibrary AuthorID: 75679)

REFERENCES

Bodrunov S.D. Coming. New industrial society: reboot. Izd. 2nd. SPb.: MIN them. S.Y. Witte, 2016. – 328 p. EDN: YROARB (In Russ.)

Bulavka L.A. Soviet Man: from hero to philistine. «Stagnation». Discounts of the USSR. Under Ed. L. Pins and R. Krumma. M.: TEIS, Cultural Revolution. 2010:276-312. (In Russ.)

- Cliff T.* State capitalism in Russia. М., 1991. – 286 p. (In Russ.)
- Engels F.* After the work «About the social question in Russia». In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 22. М.: State Publishing House of Political Literature. 1962:438-453. (In Russ.)
- Healthy A.A.* State capitalism and modernization of the Soviet Union. М.: URSS, 2006. – 160 p. (In Russ.)
- Herzen A.I.* Collection of works in thirty volumes. T. XII. М.: Izd-v Academy of Sciences of the USSR, 1957. – 611 p. (In Russ.)
- Krumm R.* White spots of the Brezhnev era. USSR. Stagnation. Conference materials November 5-6, 2008. Under Ed. R. Krumma and L. Pins. – М.: Cultural Revolution, 2009. – 471 p. (In Russ.)
- Marx K.* Criticizing the political economy. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 13. М.: State Publishing of Political Literature. 1959:1-167. (In Russ.)
- Marx K.* Capital. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 23. М.: State Publishing of Political Literature. 1960:5-907. (In Russ.)
- Mezhuyev V.M.* From «stagnation» to «stagnation». USSR. «Stagnation». Proceedings of the conference on November 5-6, 2008. Under general Ed by R. Krumma and L. Pins. М.: Cultural Revolution. 2009:317-324. (In Russ.)
- Mikhailovsky N.K.* Literary criticism and memories. М.: Art, 1995. – 456 p. (In Russ.)
- Nikulin A.M.* Chayanov School: utopia and rural development. М.: Izd-ky house «Business» RANHyGS, 2020. – 360 p. (In Russ.)
- Rykov A.I.* Selected works. М.: Economy, 1990. – 495 p. (In Russ.)
- Slavin B.F.* Socialism and Russia. М.: URSS, 2004. – 432 p. (In Russ.)
- Solov'ev A.V.* Etudes about capitalism in Russia of XX century. Kostroma, 1995. – 108 p. (In Russ.)
- Voeykov M.I.* Great Russian Revolution: economic dimension. М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2017. – 57 p. (In Russ.)

Information about the author

Mikhail I. Voeykov – Doctor of Economics, Head of the Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

(E-mail: mvok1943@mail.ru) (ORCID 0000-0002-3873-8276) (elibrary AuthorID: 75679)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.06.2023; одобрена после рецензирования: 10.07.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

УДК: 330.1

DOI: 10.5281/zenodo.8319999 <https://zenodo.org/record/8319999>

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Виктор Михайлович Кульков¹

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (profvmk@mail.ru), (ORCID: 0000-0002-35546869)

Ключевые слова: национальная экономика, национально ориентированный подход, национальная экономическая система, экономика России

Для цитирования: Кульков В.М. Об актуализации национально ориентированного подхода в экономической теории // Вопросы политической экономики. 2023. № 3 (35). С. 77-86.

ON THE ACTUALISATION OF A NATIONALLY ORIENTED APPROACH IN ECONOMIC THEORY

Viktor M. Kulkov

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (profvmk@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3554-6869)

Keywords: national economy, nationally oriented approach, national economic system, Russian economy

For citation: Kulkov V.M. On the actualisation of a nationally oriented approach in economic theory. Problems in Political Economy. 2023;3(35):77-86.

JEL codes: B25, B41, P51.

Введение

В самом общем виде *национально ориентированный подход* (далее – НОП) в экономической теории отражает учет роли национальной специфики в экономических явлениях и процессах, научно фиксирует особенности национальной экономики как экономики определенной страны.

В структурном отношении национальная экономика может быть сопоставлена с мировой и региональной экономиками, указывая в данном случае на различия структурных уровней и масштабов экономических совокупностей и взаимодействий. Наличие учебников и публикаций по каждому из указанных уровней подтверждает эту данность.

¹ © Кульков В.М., 2023.

Развернувшиеся с конца XX века процессы глобализации сформировали особую плоскость позиционирования национальной экономики, связанную с проблемой сохранения роли национального государства в современном мире. К этому можно присовокупить и сопоставление хозяйственной жизни страны с деятельностью международных экономических организаций, транснациональных корпораций, крупных так называемых «социально ответственных компаний», «глобальных городов», экосистем и т.п., формирующих своего рода микроуровень глобальных процессов, также противостоящих национальному государству (только с другой стороны). И, конечно, не обойтись без соотнесения национальной экономики с такими глобальными трендами, как цифровизация, переход к новым технологическим укладам, устойчивое развитие, социальные и экологические векторы и т.д.

В теоретическом отношении национальная экономика воплощается в национальной экономической системе, сопоставляемой с универсальными системами или, более узко, находит свое отражение в национальных спецификациях, соотносимых с универсальными характеристиками. Именно этот аспект станет важным пунктом данного исследования. Именно он позволяет не оторвать анализ от экономической теории, что является довольно распространенным явлением как в мировой, так и в отечественной литературе.

В учебном и учебно-методическом отношении важно определиться с тем, каким будет направление изучения национальной экономики: в форме отдельной дисциплины или в форме растворения отечественной специфики в совокупности преподаваемых учебных курсов, а при реализации первого направления – в виде (условно) «Теории национальной экономики» или в виде сводного конкретного курса «Национальная экономика». Эта дилемма остается актуальной на протяжении всего постсоветского периода, включая и нынешний период, и, строго говоря, реализуемые в высшем экономическом образовании решения до сих пор не являются убедительными и дальновидными.

В конкретно-прикладном аспекте «Национальная экономика» нашла свое отражение в виде одноименного отдельного раздела структуры расходов государственного бюджета, в который включаются расходы на экономическую деятельность в целом (в частности, по управлению, руководству и т.п.), на финансовую поддержку базовых отраслей, государственных структур и т.п. При всей важности указанных статей бюджета они не могут вместить более широкий круг параметров, относящихся к функционированию и развитию экономики страны, а, следовательно, не могут адекватно отразить богатое содержание национальной экономики.

Таким образом, национальная экономика может позиционироваться и в теоретическом, и в учебном, и в прикладном аспектах, и, как мне хотелось показать, в каждом из них по-прежнему есть недосказанность и неполнота. Преодоление этого требует системного взгляда на существующую проблему, углубления поиска ее решения, подлинной реализации национально ориентированного подхода. В этом направлении и ведется последующий анализ.

Национальная экономическая система

Предметообразующим началом НОП является *национальная экономическая система* (НЭС), представляющая собой такую целостную совокупность экономических отношений, которая берется в единстве с национальными неэкономическими

ми факторами, а также национальными целями и интересами. К первым из них применительно к России можно отнести такие факторы, как природно-ресурсный, пространственный, геополитический, исторический, социокультурный (цивилизационный) и другие, ко вторым – поддержание жизнестойкости страны, ее статуса, безопасности, территориальной целостности, технологического и финансового суверенитета, рост экономического и социального потенциала и др. Многие из них, как известно, являются уникальными и должны находить свое адекватное отражение в экономических отношениях, приобретающих в этом случае (по выражению основоположника НОП Ф. Листа) характер «национально-экономических отношений». Система отношений такого рода выступает как функция от экономических факторов (производительных сил), неэкономических факторов, национальных целей и интересов, присущих стране, выступая в таком виде как расширение известной политэкономической связи между производительными силами и экономическими (производственными) отношениями.

Связь между национальным компонентом (факторы, цели, интересы) и экономическими отношениями можно представить как особую связь между переменными: среди них и эндогенные, и экзогенные, и смешанные (эндогенно-экзогенные) переменные. Так, социокультурный фактор, обычно относимый к неэкономическим факторам, проникает во внутренние характеристики рабочей силы и трудовых отношений, проявляет себя в координационном механизме (в том числе – личностном и институциональном доверии, социальной солидарности и т.п.), в выборе и в функционировании институтов, в детерминации поведения хозяйственных субъектов, в их большей или меньшей предрасположенности к тем или иным формам присвоения и хозяйствования, может формировать важные для страны конкурентные преимущества и т.п. При этом указанные последствия, а также процессы глобализации, расширения институциональной однородности и коммуникаций между людьми могут оказывать и обратное влияние на действие указанного фактора, что характерно для эндогенных переменных. В более конкретном воплощении характеристики указанного выше национального компонента могут выступать и как свойства экономических процессов и явлений, и как ограничения, и как «посредствующие звенья» (пользуясь известным термином К. Маркса из «Капитала», которым он выразил роль предпосылок, в частности – юридических, для перехода от простого товарного к специфически капиталистическому производству). Возвращаясь к видам переменных, можно было бы говорить и о необходимости эндогенизации в широком смысле, имея в виду включение национального компонента в структуру национальной экономической системы и отход от весьма распространенного в экономической теории пренебрежения к этому компоненту как внешнему.

Национальная экономическая система соотносится определенным образом со стандартными системами. Она не замыкается на каком-то одном «стандарте» (тип координации, способ присвоения, техноэкономические ступени и др.), а берет их в качестве структурных элементов целого, обогащенного реальной смешанностью экономики и национальной спецификацией последней. В итоге национальная экономика предстает как совокупность определенных уровней, изначально представленных «чистыми» системами.

В другом разрезе НЭС выступает как совокупность уровней структурно-логического порядка (социально-экономический строй в единстве с технологическими

укладами, институциональная среда, макроэкономика, мезоэкономика, микроэкономика, экономическая политика или механизм управления и хозяйствования), каждый из которых должен содержать прилагательное «национальный(-ая)», отражающее страновую спецификацию. Им соответствуют разные части экономической теории (политическая экономия, институциональная теория, теория макро-, мезо-, микроэкономики), а также (уже на более поверхностном с точки зрения теории) конкретно-экономические науки. На каждом из отмеченных уровней теории экономические отношения выступают в разных облачениях, а именно как социально-экономические, институциональные, функционально-экономические отношения. Тем самым в рамках НЭС формируются предпосылки национального экономического синтеза, интегрирующего разные направления экономической теории и представленные ими типы экономических отношений.

Особое место в системе занимают национально-экономические отношения: как видится, это проявляется в трех аспектах. Во-первых, в базовых характеристиках национальной экономики (общие очертания, совокупность факторов, целей и интересов, особенности локальной (в данном случае – российской) цивилизации, национальное экономическое мышление, наличие уникальных признаков и т.п.). Во-вторых, в национальных спецификациях представленных выше типов экономических отношений и соответствующих им направлений экономической теории. В-третьих, как связующее звено между двумя отмеченными аспектами, формирующими собственно теорию национальной экономики, с одной стороны, и конкретно-экономическим уровнем – с другой. Итак: база + национальная спецификация + выход на практику. Такая конфигурация позволяет не «рассыпать» национальное своеобразие страны и ее экономики, а дифференцировать и интегрировать его в рамках теории национальной экономики (теории НЭС). В этом, на наш взгляд, отражается реализация НОП в экономической теории.

Следует проводить различие между НЭС и *национальной экономической моделью*. Если первая отражает системное качество национальной экономики, то вторая – страновую спецификацию универсального «стандарта» (в том числе в форме подражания так называемым развитым странам, демонстрирующим модельные «образцы»). Первая включает не просто национальные спецификации, но и межсистемные стыки и даже эксклюзивы (см. ниже) и в этом отношении обладает по сравнению с моделью большей полнотой и системной самодостаточностью. Россия в постсоветский период «металась» между разными моделями и сейчас не может удовлетвориться какой-то одной, а нуждается в формировании системного качества своего бытия – иначе говоря, в НЭС.

Предметное поле теории национальной экономики

Теория национальной экономики (или в целом национально ориентированное направление) выступает как *относительно самостоятельная часть экономической теории*. Как уже было указано, ее предметом является система национально-экономических отношений, которая позиционируется особым образом, входя в общее предметообразующее поле экономической теории.

Важно определить, к какому классу теорий она относится: к *ортодоксальному* или *гетеродоксальному*? Уточним для начала, что к первому из них обычно относят направление, получившее статус мейнстрима и сводимое преимущественно к

неоклассическому направлению при том, что последнее в ходе научной эволюции в той или иной степени интегрировалось с другими течениями (от кейнсианства до экспериментальной и поведенческой экономики), первоначально формировавшись в качестве автономных направлений. При этом в более широких координатах к экономической ортодоксии можно отнести все смитианское наследие, а в таком случае – и марксистскую политэкономю. Однако так произошло, что возникший впоследствии жесткий водораздел перевел марксизм из ортодоксального направления в гетеродоксию, что, видимо, даже с формальной стороны неадекватно его научному потенциалу и амбициям.

Современная гетеродоксия в экономической теории представлена рядом направлений, к наиболее значимым из которых чаще всего относят «современное прочтение «старого» институционализма, посткейнсианство, новую австрийскую школу и радикальную политэкономю» (Мальцев, 2018, с. 153). Стоит выделить подход видного российского теоретика В. Рязанова, сделавшего акцент на следующих неортодоксальных направлениях: «марксистская экономическая теория + кейнсианство (посткейнсианство) + институционализм (теория особенного) + мир-системный анализ + ...» (Рязанов, 2019, с. 258) с признанием также роли исторической школы, философии хозяйства, радикальной политэкономии. Здесь есть место и национально ориентированному направлению, которое развивается в России в таких более конкретных течениях, как Теория особенного (В. Рязанов), Теория институциональных матриц (С. Кирдина), Евразийская политэкономия (Д. Миропольский и др.), Экономика русской цивилизации (О. Платонов) и ряде других, менее выпукло оформленных. Любопытной выглядит на этом фоне попытка реанимировать одно давно известное в истории экономических учений направление: «В начале XXI века стала зарождаться третья волна меркантилизма, которая получила название новый меркантилизм»: делая акцент на протекционизме, она выступила «как вызов для глобализированной экономики» (Иванченко, 2021, с. 132, 141). Оказывается, что такого рода трансформация представлений возможна, и это свидетельствует о большем потенциале НОП, чем это может показаться. Исходя из всего этого, можно сказать, что в современной России формируются научные предпосылки целостного национально ориентированного направления, нуждающегося в укреплении и интеграции его разных течений.

Указанное направление с самого начала (Ф. Лист с его «Национальной экономической системой», историческая школа) формировалось де-факто как гетеродоксальное, противостоя господствующей в то время классической школе. С тех пор такое позиционирование по большому счету сохранилось. Однако в целом положение является более сложным. Зафиксируем вначале общее соотношение двух подходов с акцентом на отражение национального компонента.

Если для ортодоксального подхода характерны универалистские выводы, то гетеродоксия (в рамках обозначенного акцента) особо выделяет национальное своеобразие, цивилизационные устои. Далее, если первому из них присуща тяга к равновесным узкоэкономическим состояниям, то для гетеродоксии характерной может быть ориентация либо на национальную устойчивость и цивилизационные «скрепы», либо (в другом измерении) – на развитие национальной экономики, выходящее за пределы требования равновесия, но соответствующее жизненно необходимым потребностям страны. Для позитивистского неоклассического стержня ортодоксаль-

ного подхода адекватен принцип методологического индивидуализма, в то время как для национально ориентированной гетеродоксии характерен методологический холизм, придающий особое значение «нации» по сравнению с индивидом и «человечеством». Интересной в этой связи выглядит попытка сопоставления «методологического национализма» (параметр «внутри – вне») с принципами «методологического универсализма» (параметр «выше – ниже») и «нового методологического космополитизма», предполагающего сохранение идентичности внутри более широкого «общего» (Beck, 2008, p. 18-19). Гетеродоксия способна выразить национальное своеобразие также в таких философско-методологических формах, как многомерная диалектика (включая получившую в свое время широкое распространение в России «диалектику троичности») и постструктурализм, содержащие потенциал отражения неэкономических элементов в экономической системе.

Наконец, можно сопоставить ортодоксальный и гетеродоксальный акценты в аспекте соотношения теоретического и эмпирического начал, попутно вспомнив два известных канона экономической мысли: абстрактно-теоретический К. Менгера и эмпирический Г. Шмоллера. Национально ориентированное направление (в лице исторической школы) с самого начала испытывало упреки в эмпиризме со стороны классики, марксизма, маржинализма и неоклассики. Эти упреки сохраняются и ныне при том, что использование математических, эконометрических инструментов, совмещенных с абстрактно-теоретическим анализом, продолжало оставаться характерной чертой и даже укрепляться в экономической теории мейнстрима. Но проявилось и другое: усиление внимания к реальности, во многом представленной именно национальной экономикой. В этом смысле тяга к реальности – это и выражение интереса к страновой специфике страны во всем многообразии форм ее проявления и последствий. Конечно, не стоит при этом уходить в крайность и бояться, что в рамках экономической теории «крен в сторону атеоретичности будет только усиливаться» (Капелюшников, 2018, с. 110). Но в содержательном отношении указанный тренд весьма симптоматичен и стоит согласиться с тем, что «этот разворот к реальности, который можно было бы назвать «новым эмпиризмом», кажется, еще недостаточно рассмотрен в методологической литературе» (Автономов, 2013, с. 20). В нашем понимании указанный разворот связан с усилением роли НОП в экономической теории (другие версии данного сочетания здесь не рассматриваются).

В более широких параметрах указанные виды мышления могут выступать как взаимодополняющие. Можно предложить следующую версию реализации их такого соотношения. Выделяются *два уровня НОП*: ортодоксальный и гетеродоксальный. Первый выстраивает отношения национальной экономической системы по принципу «всеобщее – особенное». Особенным выступают национальные спецификации универсальных или всеобщих отношений (законов, функций, постулатов). Это касается всех сфер (разделов) экономики и экономической теории: политэкономии, макроэкономики и др. Другой уровень обладает гетеродоксальными свойствами: он отразит действие многих уникальных факторов, присущих России, включая ее цивилизационное своеобразие, наличие особых жизненно необходимых целей и интересов и, наконец, образование «уникальных экономических законов», концентрирующих внимание на отличительных взаимодействиях в особых условиях России (в частности, речь идет о роли государства в экономике страны, ко-

торая во многом продуцируется комплексом эксклюзивных характеристик). В итоге формируются два уровня национального присутствия в экономической теории: национально-особенный и национально-уникальный. Первый входит в основном в сферу ортодоксии, второй – в гетеродоксию. Их сложение позволит более емко и комплексно представить своеобразие российского хозяйства, вывести национальный аспект экономики в системное русло, создать предпосылки возможного теоретико-экономического синтеза на российской основе.

Усиление внимания к национально ориентированному подходу

НОП востребован сегодня (особенно в России). Потребность его интерпретации и применения в экономической теории выросла. Это касается и экономического образования. *Причины этого* (не всегда однозначные) многообразны.

Во-первых, противоречивость процесса глобализации, особенно проявившая себя в последнее десятилетие. Она выразилась в неравномерности развития различных стран или (по мнению Р. Десаи, активно разрабатывающей «геополитическую экономию») - в «смешанном неравномерном развитии» (Десаи, 2020, с. XXIV). Это привело к росту протекционизма, к большей заботе о национальной экономической безопасности и национальных интересах, к попыткам укрепить экономический и политический суверенитет, придать большее значение региональной (а не всемирной, глобальной) интеграции и т.п. По крайней мере, можно говорить о подрыве глобализации или о кризисе ее сложившейся модели и необходимости перехода к новой модели, включающей больший учет страновой самобытности и национальных интересов. Национальный мотив выступает в качестве сильного оппонента относительно «катка» глобализации, диктата глобального капитала и мировых глобалистских элит.

Потребность в национальном государстве возрастает и с другой (микро- и мезоэкономической) стороны глобализации в связи с автономизацией и «разрыхлением» национальных пространств, исходящим от таких особых структур, как «глобальные города» (С. Сассен), крупные «социально ответственные компании» (К. Шваб), экосистемы (включая в том числе и банковские, и финансово-технологические) и подобные им. Так, применительно к идее «глобальных городов» (или «городов без государства, непосредственно обслуживающих глобальные компании и рынки), которая активно разрабатывается С. Сассен, в ее концепции «на первый план выходят процессы взаимовлияния глобальных и локальных структур, формирующих денационализированное пространство внутри государств» (Хомякова, 2020, с. 217), что фактически означает подрыв национального государства с помощью «троянского коня» глобальных городов. Опасностью для национальной экономики выступают в данном случае разрыв единого экономического пространства, рост неравенства, игнорирование стратегических задач развития страны и других негативных последствий, связанных с «денационализацией» снизу.

Во-вторых, национальный мотив способен снимать и те негативные последствия, которые связаны с обратной стороной действия новых технологических трендов (постиндустриализм, цифровая экономика, искусственный интеллект и пр.). Среди возможных угроз: обезличивание человека, его превращение в «придаток цифры», формирование цифрового тоталитаризма, игнорирование «социальных изгоев», подчинение интересам «Большого брата», увеличение возможностей терроризма и

т.п. Национальная ориентация (при всем использовании потенциала международного сотрудничества – это, конечно, надо отметить, хотя и с оговорками) позволяет более адекватно задействовать страновые системы контроля, распознавать и предотвращать угрозы, формировать более «теплые общества» в противовес «холодным обществам», порождающим социальное отчуждение глобального масштаба. Таким образом, в определенном аспекте можно говорить о национальной экономике (национальном государстве, национальных интересах) как о социальном оппоненте технологического детерминизма, совмещенного с глобализацией.

В-третьих, национальная ориентация особенно актуальна для России. Это наиболее выпукло проявилось в текущий период, имея в виду произошедшее обострение геополитической обстановки, вызванное попыткой «коллективного Запада» изменить мировой статус России и ее цивилизационные основы. Но еще раньше это проявилось (пусть и во многом противоречивым образом) в дискуссиях о необходимости проведения модернизации отечественной экономики, способной обеспечить суверенное и эффективное развитие страны. А в целом это можно отнести и ко всей истории России, которая в условиях геополитической уязвимости и давления должна была вести упорную борьбу за выживание и развитие, при этом порождая стремление к формированию экономической системы, адекватной историческим вызовам и всему набору национальных характеристик (хотя часто противоречиво, односторонне, без должного учета всех параметров). В результате «экономика из способа воспроизводства жизни превращается в фактор национального выживания в пространстве всей цивилизационной оболочки нации» (Хубиев, Теняков, 2022, с. 104). Современная экономическая система России должна характеризоваться, прежде всего, такими фундаментальными чертами, как крупномасштабность, суверенность, единое экономическое пространство, смешанность, стратегическое целеполагание, социальная ориентация, инновационность, сочетание новых технологических укладов с неоиндустриализацией и духовно-креативными ценностями. Автор не раз выражал свое более детальное мнение об основополагающих чертах российской системы (Кульков и др., 2019, с. 34-37).

Экономическая теория и экономическое образование должны нацеливаться на обоснование научных и учебно-методических основ содержания и структуры национальной экономической системы в рамках НОП. Как уже отмечалось выше, было бы неадекватной мерой лишь размещение (и даже расширение) национальных разновидностей в пространстве господствующих универсальных знаний: необходим подход, ориентированный на обоснование национальной экономической системы как целостного и самоценного организма, обеспечивающего жизнестойкость страны. В научном смысле – это (условно) «Теория национальной экономики», притягивающая к себе как разные части экономической теории, так и частные экономические дисциплины во главе с «Национальной экономикой» как обобщающей характеристикой конкретного уровня. Как представляется, такая конструкция порождает широкие возможности научного синтеза, который будет иметь прямой российский выход, но может оказывать влияние и на формирование общенаучных конструкций.

Предложенная логика научных структурных взаимосвязей должна отражаться и в *экономическом образовании*. Изменения необходимы, прежде всего, применительно к курсу «Теория национальной экономики» (или в более очерченных названиях – «Национальная экономическая система», «Экономическая система

России»), но и в отношении других экономических дисциплин в части углубления и расширения национальных спецификаций. Эти изменения должны носить стратегический, долгосрочный характер, а не сводиться к поверхностному и конъюнктурному отклику на возникшую новую «новую реальность».

Ведь здесь есть и еще одна важная составляющая. Она состоит в формировании национально ориентированных экономистов, совмещающих глубокие профессиональные знания и богатое представление о мировой экономической науке и практике с бережным отношением к отечественным традициям, заботой о национальных интересах страны, о создании, функционировании и развитии конкурентоспособной национальной экономической системы. Именно такую задачу должно реализовывать российское экономическое образование.

Именно таким образом формируется целостный круг НОП: от НЭС как реальности к ее научному образу и, наконец, к экономическому образованию как сфере подготовки национально ориентированных кадров.

ЛИТЕРАТУРА

Автономов В.С. Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической практики) // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 4-23.

Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2020. – 328 с.

Иванченко И.С. Новый меркантилизм как вызов для глобализированной экономики // Вопросы экономики. 2021. № 9. С. 132-148.

Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110-128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128

Кульков В.М., Теняков И.М., Чирков М.А. Экономическая система России. М.: МАКС Пресс, 2019. – 240 с.

Мальцев А.А. Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 2. С. 148-169. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-08

Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб: Алетейя, 2019. – 436 с.

Хомякова К.Л. Функционирование городов в условиях глобализации: теория Саскии Сассен // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4. С. 213-223.

Хубиев К.А., Теняков И.М. Российская экономика в системе ограничений и перспектив // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 103-132.

Beck U. Die jahrfünfzigte Unbekannte. Europa ist nicht ein Staat, nicht eine Nation, nicht eine Organisation // Internationale Politik. 2008. № 4. P. 14-25.

Информация об авторе

Кульков Виктор Михайлович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: profvmk@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-35546869) (elibrary AuthorID: 630449)

REFERENCES

Avtonomov V.S. Abstraction as a Mother of Order? (Historical-Methodological Reflections on the Relation of Economic Science and Economic Policy). *Voprosy ekonomiki*. 2013;(4):4-23. (In Russ.)

Beck U. Die jahrfünfigte Unbekannte. Europa ist nicht ein Staat, nicht eine Nation, nicht eine Organisation. *Internationale Politik*. 2008;(4):4-25. (In Deutsch)

Desai R. Geopolitical Economy: Aft er US Hegemony, Glozalization and Empire. M.: INIR im. S.YU.Vitte: Centratalog, 2020. – 328 p. (In Russ.)

Ivanchenko I.S. New neomercantilism as a challenge fora globalized economy. *Voprosy ekonomiki*. 2021;(9):132-148. (In Russ.)

Kapeliushnikov R.I. On current state of economics: Subjective semi-sociological observations. *Voprosy ekonomiki*. 2018;(5):110-128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128 (In Russ.)

Khomyakova K.L. Functioning of cities in the context of globalization: the theory of Saskia Sassen. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2020;4(8):213-223. (In Russ.)

Khubiev K.A., Tenyakov I.M. The Russian Economy in the System of Constraints and Prospect. *Filosofiya hozyajstva*. 2022;(3):103-132. (In Russ.)

Kulkov V.M., Tenyakov I.M., Chirkov M.A. Economic system of Russia. M.: MAK Press, 2019. – 240 p. (In Russ.)

Maltsev A.A. Heterodox economic theory: current state and ways of further development. *Ekonomicheskaya politika*. 2018;13(2):148-169. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-2-08 (In Russ.)

Ryazanov V.T. Contemporary Political Economy: Prospects for a Neo-Marxist Synthesis. St. Petersburg: Aletheia, 2019. – 436 p. (In Russ.)

Information about the author

Viktor M. Kulkov – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (E-mail: profvkm@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3554-6869) (elibrary AuthorID: 630449)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 25.06.2023; одобрена после рецензирования: 10.07.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

УДК: 330.3

DOI: 10.5281/zenodo.8320013 <https://zenodo.org/record/8320013>

ВЫБОР БУДУЩЕГО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ: МЕЖДУ МАЛЬТУЗИАНСТВОМ, РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЕЙ И ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ

Михаил Юрьевич Павлов¹

Доктор экономических наук, доцент кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (1tm@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7416-0558)

Ключевые слова: *креативный труд, реиндустриализация, цифровизация, цифровая экономика, мальтузианство, Мальтус*

Для цитирования: Павлов М.Ю. Выбор будущего российской экономической модели: между мальтузианством, реиндустриализацией и цифровизацией // Вопросы политической экономики. 2023. № 3(35). С. 87-95.

THE CHOICE OF A FUTURE RUSSIAN ECONOMIC MODEL: BETWEEN MALTHUSIANISM, REINDUSTRIALISATION AND DIGITISATION

Mikhail Yu. Pavlov

Doctor of Economic Science, Associate Professor, Political Economy Chair, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia, (1tm@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-7416-0558)

Keywords: *creative work, reindustrialization, digitalization, digital economy, Malthusianism, Malthus*

For citation: Pavlov M.Yu. The choice of a future Russian economic model: between Malthusianism, reindustrialisation and digitisation. Problems in Political Economy. 2023;3(35):87-95.

JEL codes: O14, O38, B12.

«Неусыпный труд все препятствия преодолевает».

М.В. Ломоносов

«Без явного усиленного трудолюбия нет ни талантов, ни гениев».

Д.И. Менделеев

¹ © Павлов М.Ю., 2023.

«Кажется, все искали кратчайшей дороги к деньгам и при этом обходили самую прямую — ту, которая ведет через труд».

«Если мы не научимся лучше пользоваться машинами, у нас не станет времени для того, чтобы наслаждаться деревьями и птицами, цветами и лугами».

Г. Форд

Резко возросшие в последнее время риски непоставок множества товаров по причине санкций (а точнее – осознание их повсеместно в России) ставят на повестку дня вопросы как развития, но и создания, а также воссоздания собственного производства (Хубиев, Теняков, 2022). «Вдруг» оказалось, что то, что не представляло сложности для экономики СССР, сложно для экономики современной России, причем даже весьма простые технологические процедуры – производство гвоздей и даже замену шильдиков на автомобилях Lada X-Cross 5 (почему-то получившего в «наследство» эти шильдики от FAW Bestune T77). Во времена СССР хватало материальных, технических, организационных, административных ресурсов, чтобы заменить шильдики на автомобилях зарубежных конструкций, сборку которых налаживали в СССР – к примеру, FIAT 15 Ter, Ford A и Ford AA, Fiat-124. Более того, хватало ресурсов на их ресурсные испытания и весьма продвинутую доработку (в случае FIAT-124 было доработано свыше 800 элементов). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современной России (Осипов, 2022a; 2022b) ресурсы не то, что для развития, создания и воссоздания производств, а даже для копирования, крайне дефицитны. Их пока явно недостаточно для целей ускоренного расширенного воспроизводства. В такой ситуации необходима особенно тщательная продуманность возможной стратегии развития производства (Кульков, 2022).

Один из возможных, более того, – наиболее вероятный вектор развития России – это реиндустриализация (Бодрунов, 2017; 2019a; 2019b). Однако реиндустриализация, во-первых, подразумевает очень серьезные изменения в существующей российской экономической модели. Главное изменение – это коренной пересмотр отношения к труду и к человеку труда. На смену homo economicus должен прийти человек труда, в идеале – homo creator (Павлов, 2023; Бузгалин, Яковлева и др., 2023; Бузгалин, Хубиев и др., 2021). Однако сегодня человек труда в российской экономической политике рассматривается как существо низшего порядка. Как заявлял И.И. Шувалов, зарплата депутатов ГосДумы величиной в сотни тысяч рублей, безусловно, не зависящая от их реальной выработки, от их реальной эффективности, степени полезности для страны, не содержащая в себе изменяющей в разы общую сумму вознаграждения переменной части – «стимулирующих надбавок», настолько высока потому, что «депутаты должны получать достойную зарплату». Спортсмены, эстрадные звезды, чиновники, финансовые посредники и целый ряд других категорий, на самом деле обслуживающих реальное производство, достойны высоких зарплат и/или высокого уровня вознаграждения, а люди труда – те самые, кто реально производит, в нынешней экономической модели de facto считаются ресурсом, по ироничным выражениям, для «налогодобывающей» и «штрафодобывающей» отраслей. Отношение к ученым, изобретателям, вообще творцам и создателям нового наиболее ярко демонстрирует игнорирование побед россий-

ских школьников, студентов даже на самых престижных олимпиадах. Очевидно, что надо либо полностью менять всю систему мотивации, как, к примеру, было сделано после Великой отечественной войны для ученых, когда в 1949 году зарплаты в науке повысили сразу в 3 раза (Павлов, Залетный, 2012), превратив ее в одну из самых привлекательных и престижных областей в том числе и экономики. Иначе люди труда, творцы, создатели реальных благ будут уезжать из России. Также, конечно, можно опустить «железный занавес» (и таких попыток, к сожалению, все больше и больше в последнее время), однако, даже в случае полного успеха, у такой политики есть очень серьезный минус: она не увеличивает привлекательность России для ученых из других стран. Намного более эффективна политика повышения престижа науки, труда, творчества и созидания в целом. В этом случае если не весь мир, то его значительная часть будут работать на Россию.

Во-вторых, реиндустриализация подразумевает значительный рост ресурсно-го обеспечения России. А именно в этом плане Россия находится в принципиально иных условиях, в сравнении с 1925 годом, когда были приняты первые решения относительно индустриализации в СССР. На тот момент население мира насчитывало 2 млрд человек², а сейчас оно выросло уже до 8 млрд³. Хотя в 1990-е годы было немало насмешек над советской статистикой, любившей проводить сравнения советских достижений с 1913 годом, современные события показали, что, действительно, страна, поставившая своей целью модернизацию, способна в кратчайшие сроки увеличить на несколько порядков индустриальное производство. И, соответственно, на несколько порядков увеличить потребление ресурсов. Пример такой страны – Китай, который в сравнении 2010-х с 1980-ми годами настолько увеличил производство, что сумел обогнать даже своего рода «эталон» сверхпотребления – США (в которых, как принято считать во многих оценках, уже долгие десятилетия 5% населения мира используют 40% мировых ресурсов). Китай за каждые 2-3 года, начиная с 2010-х годов, производит цемента больше, чем США за весь XX век, причем производство (и потребление, соответственно тоже) в последние годы остаются примерно на одном уровне, показывая «плато» на графике, причем «плато» очень высокого уровня: «Согласно официальным данным Государственного Статистического Бюро Китайской Республики, за ... 2014 год, цементная индустрия Китая выпустила цемента в объеме 2 млрд 476 миллионов тонн. А за 2014-2015 гг. 4 млрд 890 млн тонн (4.9 гигатонн). США же по данным USGS Cement Statistic за период с 1901 по 2000 годы произвели только 4.5 гигатонн цемента. США в последние годы производят около 80 млн тонн цемента в год (в 30 раз меньше Китая)»⁴. В 2020 году Китай выпустил 2 млрд 400 миллионов тонн цемента (Коледенкова, 2022, с. 80).

Китай сумел показать очень впечатляющие результаты в дорожном строительстве уже 10 лет назад: «К концу 2013 года общая длина автомобильных дорог Китая превысила 4,1 млн км, включая 104,5 тыс. км скоростных магистралей. К концу

² История численности населения Земли по разным источникам. Указан единственный источник – Макведи и Джонс (1978), очевидно, что это (McEvedy, Jones, 1978). URL: <https://infotables.ru/strany-i-goroda/1208-istoriya-naseleniya-zemli> (дата обращения: 01.08.2023).

³ 15 ноября 2022 г., по версии ООН – «День 8 Миллиардов». URL: <https://www.un.org/ru/dayof8billion> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ Байкал (псевдоним автора). Бетонометры Китая. 01 июня 2016. URL: <https://smart-lab.ru/blog/331374.php> (дата обращения: 19.07.2023).

2014 года уже 111,9 тыс. км. Прирост в последнее время составляет около 10 тыс. км скоростных автомагистралей в год.

До 1987 года в Китае не было ни одного километра скоростных автомагистралей. По первоначальному плану Китай собирался построить сеть из национальных магистралей на 35000 км только к 2020 году. Но уже на 1 января 2005 года общая длина дорог приблизилась к этой цифре. А в 2011 году Китай превзошел Национальную систему межштатных автомагистралей (Eisenhower National System of Interstate and Defense Highways), строившуюся с 1956 года и казавшуюся недостижимой по своим масштабам. В последние годы американская сеть дорог практически остановилась в своем развитии. Для примера за 2012-2013 год она увеличилась с 76788 км до 77017, то есть на 229 километров».

То есть за очень короткий срок (менее, чем за все время существования современной России) Китай сумел нарастить производство на 2 порядка, причем увеличив потребление ресурсов также на 2 порядка.

В последние годы весьма впечатляющие темпы роста показывает и Индия, планирующая стать 3-й экономикой мира (по объему ВВП) уже к 2035 году. Индия в 1985 году выпустила 31,11 млн тонн цемента, а в 2016 году – 282,79 млн тонн, т.е. выпуск цемента вырос на порядок за 30 лет. Причем Индия вышла на 2-е место в мире по выпуску цемента⁵.

В 2022 г. выпуск цемента в Индии составил уже 356 млн тонн⁶. В 1956 году выпуск цемента был на уровне 5,02 млн тонн⁷. При этом Индия ожидает наращивания установленных мощностей на уровне 710-715 млн тонн в 2027 году (для сравнения: в 2016 году установленные мощности были на уровне 390 млн тонн в год, то есть ожидается почти удвоение; также для сравнения – в 1956 году установленные мощности насчитывали 5,99 млн тонн).

Резкий рост потребления ресурсов (на 2 порядка), происходящий одновременно с замедлением роста численности населения (тот же Китай в последние несколько лет продемонстрировал настолько значимое замедление темпов роста населения, что в текущем 2023 году его обогнала Индия – причем не только по темпам роста населения, но и по абсолютной численности населения) дает дополнительные аргументы для признания неактуальным в современной экономике «Закона народонаселения» Т. Мальтуса, согласно которому численность населения растет в геометрической прогрессии, а производство продуктов питания – в арифметической. Такое признание очень важно как для политической экономии, прежде всего, так и для экономической теории в целом, а также для практики, в том числе – для выработки экономических стратегий, в частности, для пересмотра концепции «Золотого миллиарда» (согласно которой планета Земля способна обеспечить ресурсами для «нормального» уровня жизни только 1 млрд человек).

⁵ Yadav J. Rapid growth of cement industry in India after liberalization // JETIR April 2018, Volume 5, Issue 4. URL: <https://www.jetir.org/papers/JETIR1804022.pdf> (дата обращения: 19.07.2023).

⁶ PR Newswire May 9, 2023 India Cement Industry Report 2022: Government Initiatives to Expand infrastructure Projects Bodes well for the Sector. URL: <https://finance.yahoo.com/news/india-cement-industry-report-2022-101500273.html> (дата обращения: 19.07.2023).

⁷ Bapat J.D., Sabnis S.S., Joshi S.V., Chetan V. Hazaree, 2007. HISTORY OF CEMENT AND CONCRETE IN INDIA – A PARADIGM SHIFT. URL: https://www.researchgate.net/publication/274953585_HISTORY_OF_CEMENT_AND_CONCRETE_IN_INDIA_-_A_PARADIGM_SHIFT (дата обращения: 19.07.2023).

В то же время столь быстрый рост потребления природных ресурсов на 1-2 порядка увеличивает риск их абсолютного исчерпания, а также, соответственно, риск разрушения природной среды. В связи с этим, реиндустриализация в России неизбежно столкнется с резким ростом рисков, а в условиях выражено неравномерного развития регионов с высокой вероятностью создаст для целого ряда регионов даже запредельные риски. Хотя Китай и вышел на «плато» на графике производства цемента, такая огромная страна, как Индия, пока не собирается останавливаться на достигнутом уровне производства цемента, да и многие другие менее развитые страны, прежде всего - вставшие на путь догоняющего развития, также стремятся повысить свои показатели на 1-2 порядка, а то и более. В то же время современные технологии ресурсо- и энергосбережения, как правило, не способны обеспечить экономию ресурсов на несколько порядков.

Можно ли найти альтернативу данной ситуации? Такая альтернатива на данный момент широко представлена в мире в форме цифровой экономики. Хотя даже компактные цифровые устройства (к примеру, различные гаджеты) для своего производства требуют больших объемов природных ресурсов – в силу наличия в гаджетах редкоземельных элементов, которые лучше всего описываются знаменитой формулой «В грамм добычи – в год труды», цифровые ресурсы, в сравнении с индустриальными и доиндустриальными ресурсами менее материалоемки, как правило, намного легче и быстрее перемещаются и обрабатываются, а в итоге потенциально способны обеспечить экономическую активность на несколько порядков более высокую, чем на базе индустриальных ресурсов. Такая экономическая активность позволяет создавать большие объемы новых рабочих мест, что, в свою очередь, позволяет решать проблемы технологической безработицы.

Также необходимо отметить, что подавляющее большинство пользователей используют обычно лишь несколько процентов, а то и доли процентов возможностей современных гаджетов, да и в массе своей очень низкая загруженность современных персональных компьютеров также оставляет огромные резервы для развития цифровой экономики.

Для примера можно привести некоторые возможности современного смартфона:

- «телефон с автоматическим набором и записной книжкой на 1000 номеров и более, а также видеофон;
- инженерный калькулятор;
- текстовый редактор – теперь уже и с автокоррекцией и даже с функцией распознавания голоса;
- возможность читать электронные книги и хранить огромную библиотеку в миллионы томов, а также иметь доступ к миллиардам текстов;
- электронный университет с возможностью дистанционного обучения, возможностью доступа к десяткам тысяч обучающих программ, включая лекции, семинары, тестовые и другие формы контроля знаний, участия в конференциях, конгрессах, форумах, причем даже в других странах, с синхронным переводом;
- диктофон, способный хранить тысячи часов высококачественных записей;
- магнитофон со стереозвук и возможностью носить с собой многие тысячи записей, а также с возможностью доступа к миллиардам записей;

- цветной телевизор, способный показывать миллионы каналов;
- видеокамеру высокой четкости;
- доступ к расписанию маршрутов городского транспорта и отображением движения транспортных средств в реальном времени;
- видеомэгафон с возможностью хранения тысяч часов записей и возможностью доступа к миллионам записей;
- пульт управления бытовой техникой;
- возможность управлять на расстоянии системами «умного дома», охранными системами, дистанционно запускать двигатель автомобиля;
- игровую приставку;
- «электронный кошелек», точнее, доступ к разнообразным платежным сервисам и возможности управления банковскими счетами;
- ежедневник;
- будильник;
- шагомер;
- фотоаппарат и мн. др. приложения» (Павлов, 2023, с. 130-131).

Производство и обработка цифрового контента потенциально может принести намного большую массу прибавочной стоимости, а также объема прибыли, что повлечет за собой переток капиталов из индустриального сектора экономики в цифровой. Поэтому для России будущего представляется целесообразным основной упор сделать на цифровизации экономики и лишь во вторую очередь – на реиндустриализации. Как уже подчеркивалось в начале статьи, при сохранении существующих тенденций России будет крайне тяжело и крайне малорезультативно осуществлять реиндустриализацию без глубоких, принципиальных преобразований существующей экономической системы России, но при этом развитие цифровой экономики может происходить намного легче и эффективнее. Есть и еще лучшая альтернатива – это опережающее развитие человеческих качеств, приоритет развития разума над развитием технологии, однако это тема отдельной статьи (Бузгалин, Колганов, 2016; Осипов, 2021; Хабибуллина, 2021; Шулевский, Зотова, 2021).

ЛИТЕРАТУРА

Бодрунов С.Д. Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 17-21.

Бодрунов С.Д. Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд // Экономическое возрождение России. 2019а. №3 (61). С. 11-14.

Бодрунов С.Д. Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее // Управленец. 2019b. Том 10. № 5. С. 2-8. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-5-1>

Бузгалин А.В., Колганов А.И. [Пост]классическая политическая экономия: потенциал решения проблем социально-экономической политики // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 10-35.

Бузгалин А.В., Хубиев К.А., Теняков И.М., Заздравных А.В. Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели // Общество и экономика. 2021. № 12. С. 16-44. <https://doi.org/10.31857/S020736760017821-2>

Бузгалин А.В., Яковлева Н.Г., Барашкова О.В. Человек, человеческий потенциал, человеческий капитал в зеркале политической экономии (статья 1-я) // Российский экономический журнал. 2023. № 1. С. 4–21. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_1_4

Коледенкова Н.Н. Промышленность КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2019-2021. М: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. 2022. С. 77-86.

Кульков В.М. Новая реальность России: узлы адаптации // Философия хозяйства. 2022. № 5. С. 61-72.

Павлов М.Ю., Залетный А.А. Экономические взгляды и достижения М.В. Ломоносова и их значение для современности // М.В. Ломоносов и современная экономическая наука: Сборник статей по материалам научной конференции Ломоносовские чтения / Под ред. В.П. Колесова, Л.А. Тутова. М: МАКС Пресс, 2012. С. 39-49.

Павлов М.Ю. Воспроизводство человеческого потенциала в условиях креативной экономики. Диссертация на соискание степени доктора экономических наук по специальности 5.2.1 – «Экономическая теория». М, 2023.

Осипов Ю.М. Разверзшаяся реальность и (не)возможность преобразования // Философия хозяйства. 2022а. № 5. С. 11-23.

Осипов Ю.М. Россия в текущем межвековье: от выворачивания к выворачиванию (из века XX-го в век XXI-й) // Философия хозяйства. 2022б. № 4. С. 11-44.

Осипов Ю.М. Экономика XXI века // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 13-28.

Хубиев К.А., Теняков И.М. Российская экономика в системе ограничений и перспектив // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 103-132.

Хабибуллина Э.Р. Противоречивая роль креативного работника в условиях господства корпоративного капитала // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 68-85.

Шулевский Н.Б., Зотова Е.С. Мир человека в тисках техногенеза // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 178-192.

McEvedy C., Jones R. Atlas of world population history. Harmondsworth / New York / Victoria, Penguin, 1978.

Информация об авторе

Павлов Михаил Юрьевич – доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
(E-mail: 1tm@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7416-0558) (elibrary AuthorID: 718261)

REFERENCES

Bodrunov S.D. Return of industrialization – return of Galbraith: from NIS.2 to no-spheric civilization. Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii=Economic Revival of Russia. 2017;2(52):17-21. (In Russ.)

Bodrunov S.D. The state and technological revolution: political economy perspective. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*=Economic Revival of Russia. 2019a;3(61):11-14. (In Russ.)

Bodrunov S.D. Reindustrialization in the conditions of new technological revolution: Road to the future. *Upravlenets*=The Manager. 2019b; Vol. 10(5):2-8. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-5-1> (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. [Post]classical political economy: potential for solving problems of social and economic policy. *Voprosy politicheskoi ehkonomii*=Problems in Political Economy. 2016;(2):10-35. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Khubiev K.A., Tenyakov I.M., Zazdravnykh A.V. Growth and/or development: Specificity of the Russian economic model. *Obshchestvo i ehkonomika*, 2021;(12):16-44. <https://doi.org/10.31857/S020736760017821-2> (In Russ.)

Buzgalin A.V., Yakovleva N.G., Barashkova O.V. Human being, human potential, "human capital" in the mirror of political economy (Article 1). *Rossiiskij jekonomicheskij zhurnal*=Russian Economic Journal. 2023;(1):4-21. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_1_4 (In Russ.)

Koledenkova N.N. Industry of China. People's Republic of China: Politics, Economics, Culture. 2019-2021: Monograph. M: Institute of Far Eastern Studies, 2022:77-86. (In Russ.)

Kulkov V.M. The New Reality of Russia: Nodes of Adaptation. *Filosofija hozjajstva*=Philosophy of Economy. 2022;(5):61-72. (In Russ.)

McEvedy C., Jones R. Atlas of world population history. Harmondsworth. New York. Victoria, Penguin, 1978.

Pavlov M.Yu., Zaletny A.A. Economic views and achievements of M.V. Lomonosov and their significance for modernity. *M.V. Lomonosov and modern economic science: Collection of articles based on the materials of the scientific conference Lomonosov readings*. Eds: Kolesov V.P., Tutov L.A. M: MAKS Press, 2012:39-49. (In Russ.)

Pavlov M.Yu. Reproduction of human potential in the creative economy. Dissertation for the degree of Doctor of Economic Science, specialty 5.2.1 – «Economic Theory». (In Russ.) M., 2023.

Osipov Yu.M. The Unfolded Reality and the Possibility of Transformation. *Filosofija hozjajstva*=Philosophy of Economy. 2022a;(5):11-23. (In Russ.)

Osipov Yu.M. Russia is Between Centuries: from Turning to Turning (from the 20-th Century to the 21-st Century). *Filosofija hozjajstva*=Philosophy of Economy. 2022b;(4):11-44. (In Russ.)

Osipov Yu.M. Economy of the 21-st Century. *Filosofija hozjajstva*=Philosophy of Economy. 2021;(5):13-28. (In Russ.)

Khubiev K.A., Tenyakov I.M. The Russian Economy in the System of Constraints and Prospects. *Filosofija hozjajstva*=Philosophy of Economy. 2022;(3):103-132. (In Russ.)

Khabibullina Z.R. Controversial Role of the Creative Worker in the Context of the Corporate Capital Dominance. *Filosofija hozjajstva*=Philosophy of Economy. 2021;(5):68-85. (In Russ.)

Shulevsky N.B., Zotova E.S. The Human World in the Grip of Technogenesis. *Filosofija hozjajstva*=Philosophy of Economy. 2021;(5):178-192. (In Russ.)

Information about the author

Mikhail Yu. Pavlov – Doctor of Economic Science, Associate Professor, Political Economy Chair, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russia
(E-mail: 1tm@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7416-0558) (elibrary AuthorID: 718261)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.07.2023; одобрена после рецензирования: 25.07.2023;
принята к публикации: 17.08.2023.

podpiska.pochta.ru

УДК: 338.012

DOI: 10.5281/zenodo.8320028 <https://zenodo.org/record/8320028>

НА ПУТИ К СУВЕРЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Анатолий Александрович Пороховский¹

Доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (porokhovskyya@my.msu.ru), (ORCID 0000-0001-5520-0550)

Ключевые слова: *экономический суверенитет, национальное экономическое пространство, частные интересы, национальные интересы, воспроизводство общественного капитала*

Для цитирования: Пороховский А.А. На пути к суверенной экономике России // Вопросы политической экономики. 2023. № 3 (35). С. 96-101.

ON THE PATH TOWARD A SOVEREIGN RUSSIAN ECONOMY

Anatoly A. Porokhovsky

Doctor of Science (Economics), Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Professor Department of Political Economy Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (porokhovskyya@my.msu.ru), (ORCID 0000-0001-5520-0550)

Keywords: *economic sovereignty, national economic space, private interests, national interests, reproduction of public capital*

For citation: Porokhovsky A.A. On the path toward a sovereign Russian economy. Problems of Political Economy. 2023,3(35):96-101.

JEL codes: P17, P52.

Постановка проблемы

Процесс становления экономического суверенитета России обнажил накопившуюся за 30 лет зависимость национальной экономики от внешних факторов развития. Для рыночной экономики быть частью рыночной мировой экономики является нормальным состоянием. Однако в случае с Россией оказалось, что страна лишилась многих технологических отраслей, а большинство оставшихся находились под контролем иностранного капитала, который был заинтересован в расширении собственного производства и вытеснении с внутреннего рынка отечественных товаров и услуг. Зарубежные партнеры и исследователи объясняли такое положение дел невысокой конкурентоспособностью российского бизнеса и бескомпромиссностью рыночного механизма.

¹ © Пороховский А.А., 2023.

На самом деле важно выяснить, почему избранная в России модель перехода к рыночному капитализму привела к таким результатам? Возможно ли добиться национального экономического суверенитета, опираясь на неоклассическую теорию? Почему идеальные рыночные законы, прежде всего конкуренция, в рамках мирового хозяйства, зависят от интересов страны-лидера, которая предопределяет и другие взаимосвязи между странами? Рассмотрим некоторые первоочередные задачи по обеспечению становления национального суверенитета российской экономики.

Единство национального экономического пространства

Территория России отличается своей уникальностью не только из-за своих самых больших в мире размеров. Страна обладает почти всеми природно-климатическими зонами, покрываемыми 11-часовыми поясами и омываемыми океанами и морями. Богатство фауны и флоры, земных и водных ресурсов не имеет равных на планете. В России проживают люди разных национальностей, исповедующих почти все массовые религии в мире. При этом большинство населения распределяется по территориальному признаку, образуя свои национальные республики, края, области, автономные округа. Все это создает благоприятные предпосылки для эффективного использования внутренних факторов и ресурсов для экономического и социального развития, для учета специфики каждого региона страны при решении местных и федеральных целей.

В СССР система планового хозяйства сформировала в стране единый народно-хозяйственный комплекс, в котором была обеспечена транспортная доступность любой точки советской территории разными видами транспорта, что позволило включить все внутренние ресурсы в экономический процесс. В эти же годы в развитых странах также сформировалось единое национальное рыночное пространство, благодаря активному участию государств в инвестировании развития инфраструктуры национальной экономики и освоения всей территории страны. Это оказалось выгодным и бизнесу, и гражданам, и обществу в целом. Во многом это определялось и относительно небольшим размером их территорий. Но во всех случаях первичное освоение особенно относительно удаленной территории зависело от государства, которое создавало бизнесу стимулы подключаться к этому процессу. Получалось, что на практике развития капитализма вширь национальные государственные интересы показывали частным интересам капитала направления экономической реализации. Затем вновь инициатива переходила к капиталу.

В 90-е годы прошлого века в России процесс приватизации разрушил не только государственную собственность, но и единство экономического пространства страны. Поскольку любой нарождающийся бизнес стремился к максимизации прибыли в краткосрочный период, постольку инфраструктурная деятельность, не приносящая немедленной прибыли, стала приходиться в упадок. Из-за этого стремительно сокращался внутренний рынок, из него выпадали как территориальные, так и деловые звенья. Внешне стало казаться, что в новых российских рыночных условиях территориальный фактор стал превращаться вместо преимущества в обузу, особенно для местного населения. Одновременно получил расцвет бизнес, имеющий спрос на внешнем рынке. Но государство стало терять свою экономическую мощь, так как капитал стремился любой ценой закрепиться за рубежом: регистрируя свою

российскую собственность в иностранных юрисдикциях и вкладываясь в зарубежные банки и проекты, недвижимость и личное благосостояние. Поскольку интересы капитала и многих государственных чиновников нередко совпадали, постольку почти никаких государственных юридических преград в этом движении не было (Пороховский, 2015). В результате абсолютизация свободы движения отечественного капитала и свободы иностранного капитала в России привела к падению экономического потенциала страны, ее отставанию по многим параметрам от других стран. Возник исторический российский парадокс – большой отечественный бизнес видел свое будущее не на родине, вывозя за рубеж не только прибыль и свои персональные доходы, но и минимизируя инвестиции в свои предприятия, новые технологии, подготовку кадров.

Как видно, прошедший период постсоветского рыночного развития России продемонстрировал, что происходит с национальной экономикой, если игнорируются общественные, национальные интересы и преобладают частные интересы на всех уровнях, если государственные институты ориентируются на некоторые зарубежные аналоги, забывая о том, что в других развитых рыночных экономиках считается вполне нормальным своеобразная гармонизация частных и общественных интересов, при которой бизнесу просто не выгодно строить и развивать свое дело вопреки интересам общества и государства. Поэтому рыночная российская модель только в последние годы задумалась об инфраструктуре национальной экономики, частично восстанавливая утраченное и пытаясь с помощью государства сформировать вновь единство национального экономического пространства. Особенно остро стоит вопрос о новых технологиях, цифровизации, искусственном интеллекте, которые играют не последнюю роль в обеспечении национального суверенитета в широком смысле².

Современная экономика – смешанная рыночная экономика

Очень важно не только вскрыть причины отставания экономического и социального развития, но и показать, каковы корни практических и теоретических заблуждений государственных мужей и академических исследователей при оценке современного состояния экономики России.

После мирового экономического кризиса 1929–1933 годов в неоклассической теории выделились макроэкономические исследования, а после Второй мировой войны сформировался синтез микроэкономического и макроэкономического анализа, который впервые зафиксировал профессор Гарвардского университета П. Самуэльсон в своем учебнике «Экономикс» в 1948 г. Наряду с неоклассическим синтезом автор предложил в своем учебнике квалифицировать рыночную экономику западных стран как смешанную рыночную экономику, раскрывая это понятие как взаимосвязь рыночного и государственного регулирования при базовом значении принципов рыночного ценообразования (Samuelson, 1948). Нельзя забывать, что к тому времени в США и ряде других стран экономически господствующими стали крупные корпорации, опирающиеся на акционерную собственность, которая по существу является частной коллективной собственностью. При этом экономический комплекс каждой такой корпорации строит свою деятельность на четком внутри-

² Artificial Intelligence Index Report 2023 – HAI Stanford University Human-Centered Artificial Intelligence Publishing, April – 386 P. (Available at: www.hai-ai-index-report2023) (дата обращения: 05.04.2023).

фирменном бизнес-планировании, которое прежде всего работает на достижение целей компании и лишь опосредовано связано с действиями рыночных сил. Поэтому внутрифирменное регулирование также вошло в определение смешанной экономики, так как значительная часть национального оборота товаров и услуг (порой до 50%) стала объектом внутрифирменного оборота и регулирования. Известный американский ученый Дж.К. Гэлбрейт уделил много внимания исследованию экономической природы корпораций и их роли в рыночном механизме. В своей книге «Новое индустриальное общество» в 1967 г. обосновал разделение национальной экономики на две неравные части – мир корпораций и миллионы остальных традиционных собственников, подчеркнув при этом: «Было бы целесообразно дать какое-то обозначение той части экономики, которая характеризуется наличием крупных корпораций. Такое обозначение напрашивается: я буду называть ее “индустриальная система”» (Гэлбрейт, 1969, с. 45). В российской экономике также ведущие компании, которые являются публичными акционерными обществами, захватили передовые позиции и производят определяющую часть валового внутреннего продукта страны.

Не будет преувеличением заявить, что и российская рыночная экономика соответствует определению *смешанная рыночная экономика* или просто *смешанная экономика*, поскольку мы говорим в целом только об экономике на рыночной основе, где конечным регулятором выступают рыночные цены.

Однако в стандартных учебных курсах по экономикс рассматриваются вопросы об открытой и закрытой моделях экономики, о конкуренции внутри страны и на мировых рынках, исходя из предпосылки об идеальном рыночном механизме, при котором рынок в конце концов удовлетворит частные интересы производителей и потребителей, всех собственников товаров, услуг, денег, капитала. При этом проблема национальных интересов и национального суверенитета остаются вне предмета анализа. Поэтому для теоретического обоснования и практического обеспечения национального экономического суверенитета необходимо использовать общую экономическую теорию, которая включает также политическую экономию, неоклассическую теорию и другие научные школы.

Системный подход и санкционный режим

Стремление России добиться экономического суверенитета происходит в чрезвычайных обстоятельствах. Внешние стандартные рыночные условия со стороны недружественных стран заменены санкциями во всех экономических сферах. Это вызвало дополнительное напряжение как в рыночном механизме, так и в механизме государственного регулирования. Учет частных интересов бизнеса происходит при обязательном приоритете национальных интересов, которые нацелены на оптимальное использование внутренних ресурсов на всей территории страны (Хубиев, Теняков, 2023). В ускоренном режиме происходит восстановление единства национального экономического пространства, что способствует включению регионов в общий воспроизводственный процесс.

В этих условиях традиционный рыночный анализ оказывается бессильным, ибо действуют не только рыночные принципы, да и в смешанной экономике нельзя не учитывать другие цели и мотивы, кроме максимизации прибыли. Сам факт системного подхода к национальной экономике означает прямое или индикативное

регулирование всех ключевых взаимосвязей на основе воспроизводственных пропорций в долгосрочном периоде. При этом бизнес нацеливается на использование всех собственных и заемных ресурсов, включая амортизационные отчисления. В равной мере это относится и к бизнесу, работающему на экспорт (Минакир, 2023). До сих пор нередко было так, что бизнес мог предпочитать только экспорт, если он давал больше доход и позволял поддерживать связь с зарубежными потребителями и банками. Теперь интересы отечественного потребителя, особенно как части создания стоимости готового продукта, становятся первостепенными.

Санкционный режим воочию подтвердил, как устроена мировая экономика, в которой рыночные принципы действуют условно, а эти условия во многом зависят от национальных интересов США, которые являются не просто мировым лидером с мировой валютой, но и главенствуют в большинстве международных экономических организаций. Поэтому переход от однополярного мирового хозяйства к многополярному миру может восстановить конкуренцию и реальный рыночный механизм на международном уровне. В развитии человеческой цивилизации большую роль играют и многочисленные неэкономические факторы. Выяснение их значения требует отдельного исследования. Мы остановились только на экономической составляющей обеспечения национального суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969.

Минакир П.А. Внешнеторговый фактор экономики форс-мажора: пространственный маневр // Пространственная экономика. 2023. Т. 19. № 1. С. 7-19. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019>

Пороховский А.А. Злоупотребление частными интересами // Мир перемен. Специальный выпуск. 2015. С. 86-90.

Хубиев К.А., Теняков И.М. Создание внутренних источников экономического развития // Экономическое возрождение России. 2023. № 1(75). С. 5-23. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-5-23

Samuelson P. Economics. An Introductory Analysis, New York. McGraw Hill, 1948.

Информация об авторе

Анатолий Александрович Пороховский – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: porokhovskyyaa@my.msu.ru) (ORCID 0000-0001-5520-0550) (elibrary AuthorID: 107834)

REFERENCES

Galbraith J.K. The New Industrial State. Translated from English. M.: Progress, 1969. (In Russ.)

Khubiev K.A., Tenyakov I.M. Creation of internal sources of economic development = Economic Revival of Russia. 2023;1(75):5-23. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-5-23 (In Russ.)

Minakir P.A. Foreign trade factor of force majeure economy: spatial maneuver = Spatial Economics. 2023;19(1):7-19. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2023.1.007-019> (In Russ.)

Porokhovsky A.A. Abuse of private interests = World of Change; Special Issue.2015:86-90. (In Russ.)

Samuelson P. Economics. An Introductory Analysis, New York. McGraw Hill, 1948.

Information about the author

Anatoly A. Porokhovsky – Doctor of Science (Economics), Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Professor Department of Political Economy Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

(E-mail: porokhovskyya@my.msu.ru) (ORCID 0000-0001-5520-0550) (elibrary AuthorID: 107834)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2023; одобрена после рецензирования: 15.05.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

УДК: 330

DOI: 10.5281/zenodo.8320040 <https://zenodo.org/record/8320040>

РОССИЯ В КООРДИНАТАХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ (НЕНОРМАЛЬНОСТИ)

Кайсын Азретович Хубиев¹

Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, (khubiev48@mail.ru), (ORCID 0000-0001-7285-1136)

Ключевые слова: *новая реальность-ненормальность, «бумажные законы» и институты, объективные законы, цивилизационный откат, проявление кризиса капиталистической системы*

Для цитирования: Хубиев К.А. Россия в координатах новой реальности (ненормальности) // Вопросы политической экономики. 2023. № 3 (35). С. 102-115.

RUSSIA IN THE COORDINATES OF A NEW REALITY (ABNORMALITY)

Kaysyn A. Khubiev

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, (khubiev48@mail.ru), (ORCID 0000-0001-7285-1136)

Keywords: *new reality-abnormality, "paper laws" and institutions, objective laws, civilizational rollback, manifestation of the crisis of the capitalist system*

For citation: Khubiev K.A. Russia in the coordinates of a new reality (abnormality). Problems in Political Economy. 2023;3(35):102-115.

JEL codes: P1, P14.

Введение

Экспертным сообществом общепризнано положение о наступлении в XXI веке новой реальности. Но ее содержание остается предметом очень широкого спектра толкований, что затрудняет доведение исследований в этой области до прогностического и прагматического уровня. Перечислим сперва мнения и суждения, которые встречаются в информационном пространстве. Содержательными признаками новой реальности называются некоторые очевидные события современности: санкции, торговые войны, инфляция, техногенные катастрофы и даже диверсии (подрыв труб «Северного потока»). Встречается мнение, что новую реальность образует геополитический альянс России и Китая. Все это отражает отдельные сто-

¹ © Хубиев К.А., 2023.

роны и уровни новой реальности. Но нет пока систематического и комплексного анализа данного явления исторического масштаба. Когда коллекционируются отрицательные характеристики, противоречия и их обострение, возникает соблазн объединить их под общим понятием «новая ненормальность». Она характеризует процесс с точки зрения кумулятивной негативной направленности событий, но не дает общей характеристики тектонических изменений цивилизационного уровня. Иногда, в качестве таковой, представляется разворот процессов глобализации в сторону фрагментации мирового экономического пространства.

Новую реальность образуют любые изменения в системе и в этом смысле новая реальность отличается от старой. За скобки может быть вынесено, пожалуй, только стагнирующее равновесие. Показательным вариантом таких изменений является циклическое движение экономики. Переход из одной фазы цикла в другую образует существенно новую реальность, характеризуемую изменением целого ряда макроэкономических параметров: ВВП, инфляция, занятость, процентная ставка, валютный курс. К новой реальности можно отнести новые феноменальные образования из переплетения противоречий и негативных процессов типа «ловушки отсталости» и т.п. Наконец, к новой реальности можно отнести появление существенно новых «продуктов» экономического развития типа криптовалюты, имеющей значение системного масштаба.

Для нас важно выделить особый тип новой реальности, имеющей неповторимые черты и глобальное значение. Она может иметь как позитивное, так и негативное качество. Нынешняя ситуация характеризуется преобладанием негативных тенденций, поэтому ее можно условно назвать новой реальностью – ненормальностью. Конкретно – это исторический откат в цивилизационном развитии. Дальнейшее изложение будет посвящено обоснованию данной гипотезы. Но предварительно следует дать ее самую общую характеристику. Этот тип новой реальности – ненормальности охватывает исторический откат не только в экономическом, но и в цивилизационном развитии. Конкретно это выражается в нисхождении по уровням технологий производства, ухудшении качества жизни. Откатные изменения происходят и на уровне структуры общественных отношений и форм общественного сознания. Глобальные противоречия откатываются от уровня ценностей, в том числе и идеологических, до уровня насущных потребностей, то есть на более низкий уровень. С точки зрения развития цивилизации на XXI век возлагались большие надежды: прекращение войн, экономический, социальный и вообще цивилизационный прогресс, большая открытость границ, расширение сотрудничества во всех областях. XXI век казался рубежным для продвижения в этом, развивающемся направлении. В реальности все произошло наоборот, события стали развиваться в прямо противоположном направлении. Поэтому мы посчитали возможным назвать современный порядок новой реальностью-ненормальностью.

Методология

В основе всей совокупности факторов цивилизационного отката лежит сознательное противодействие объективным законам развития, в том числе и экономического, противопоставлением им «бумажных законов», называемых инститами, когда политика выступает концентрированным угнетением экономики. Обращение к методологии предполагает выделение самых глубинных основ ис-

следуемого явления. В самой глубокой основе исторически-цивилизационного развития лежат изобретения и разделение труда. Два эти явления взаимосвязаны, но в данной статье нас интересует главным образом последнее. Оно, в свою очередь, базируется на абсолютных и сравнительных преимуществах и обуславливает обмен. Заметим, что это не только фундаментальный, но и абсолютный закон на все времена и для всех форм хозяйства, кроме натурального². Рукотворные преимущества, в отличие от естественных, перемещались континентально, географически, на отраслевом и страновом уровнях. Важно то, что, являясь объективным законом, оно (разделение труда) всегда лежало в основе экономического и даже цивилизационного развития. На основе его действия складывались свободные отношения экономических субъектов, которые, в свою очередь, мотивировались взаимной выгодой. В пространствах взаимовыгодных экономических сделок складывался совокупный общественный результат развития с синергетическим эффектом экономического и цивилизационного развития. А. Смит описал процесс, в котором отдельные экономические субъекты, преследуя личные, даже эгоистические интересы, способствуют общественному развитию. В общественном масштабе происходит сокращение совокупных издержек на производство и потребление благ и, соответственно, повышается совокупная эффективность использования ресурсов. Это есть вклад экономики в цивилизационное развитие³. В сфере технологического развития с законом разделения труда приплетается и изобретательство. На процесс развития влияют и другие законы. Но сейчас важно выделить закон, лежащий в фундаментальных основах развития и на его примере подчеркнуть важность объективных законов в процессе развития. Возникает методологической важности вопрос: а есть ли объективные законы, препятствующие развитию? Да есть. Циклическое движение экономики, охватывающее фазу спада, который происходит по объективным законам. Их не придумывают и не внедряют, хотя могут иметь место негативные экономические процессы, связанные с экономической политикой. Специально отметим, что объективные законы «антиразвития» не направлены против закона разделения труда, контрактных отношений, основанных на отмеченных преимуществах и свободных взаимовыгодных сделках, хотя влияют на них в общей понижательной тенденции. Именно поэтому, законы развития залегают глубже законов антиразвития и общий экономический тренд выдерживает повышательную тенденцию, несмотря на циклические колебания.

² Даже внутри экономической автаркии этот закон действует, например, на уровне половозрастного разделения труда.

³ Цивилизационный уровень значения закона, основанного на разделении труда, отмечал еще Рикардо. «При системе полной свободы торговли каждая страна, естественно, затрачивает свой капитал и труд на такие отрасли промышленности, которые доставляют ей наибольшие выгоды. Это преследование индивидуальной выгоды самым удивительным образом соответствует *общей выгоде всех*. Стимулируя развитие промышленности, вознаграждая изобретательность, утилизируя наиболее действительным образом все особенные силы, доставляемые природой, этот принцип приводит к *очень удобному и экономическому разделению труда между разными нациями*. И в то же время, увеличивая общее количество всех продуктов, он распространяет всеобщее благосостояние и с помощью тесных уз выгоды и сношений все сильнее связывает все *цивилизированные нации в одну всемирную общину*. Именно этот принцип объясняет нам, почему вино должно производиться во Франции и Португалии, почему хлеб должен возделываться в Америке и Польше, а различные металлические изделия и другие товары должны изготавливаться в Англии» (Рикардо, 1935, с. 75-76).

На базе глобализации экономики рычаги и силы «антиразвития» возникли на уровне «бумажных законов», получивших название санкции. Санкции явились рукотворным вмешательством в коренные основы экономического и цивилизационного развития. Они направлены на разрушение свободных сделок, основанных на абсолютных и сравнительных преимуществах и взаимовыгодном обмене. Действию объективных законов экономического развития противопоставлены «бумажные законы», придуманные политиками.

Совокупность названных процессов и явлений образует новую реальность особого типа – ненормальность. Именно этот исторический феномен цивилизационного масштаба и требует особого исследования, поскольку человечество с ним прежде не сталкивалось.

Рассмотрим еще один момент, который может быть отнесен к методологии. В XX веке основным противоречием эпохи считалось противостояние двух социально-экономических систем: капитализма и социализма. Победившая сторона именовалась «империей зла». Были основания полагать, что с крушением «империи зла» вся ответственность за направление и качество глобального развития ложится на победившую сторону. Мир стал однополярным и ничто уже не мешало развернуть весь потенциал движения к добру. Однако признаки культивации добра не обнаруживались. Добра в глобальных измерениях больше не стало, а злократно умножилось. Достаточно вспомнить целую серию военно-насильственных действий в адрес суверенных государств, разорение их экономики, разрушение государственности. Все это обрамлялось и сопровождалось благовидными лозунгами продвижения идей демократии в понимании победившей стороны⁴. В отмеченных фактах и тенденциях остается неизменной природа капитализма, не знающей преград и границ в движении к приумножению богатства. Подтверждается одно из точных замечаний Маркса о том, что капитал не остановится ни перед какими преступлениями ради высокой нормы прибыли.

Итак, однополярность мира явилась одной из важнейших особенностей XXI века. Важно обратить внимание на другую особенность. Прежнее противоречие между двумя системами было на уровне ценностей идеологии. Основное противоречие современности в глобальном мировом пространстве переместилось на более низкий уровень борьбы – за ресурсы и рынки сбыта. Это основной вектор борьбы в мировом экономическом пространстве. Произошел откат и на уровне социальных смыслов глобальной борьбы. Противостояние на уровне идеологии в цивилизационном измерении выше борьбы на уровне хлеба насущного (ресурсы и блага). Выше идеологии в цивилизационном измерении могло быть культурное противостояние. Это было бы восхождение противоречия по уровням общественных ценностей и общественного сознания. Но совершился исторический откат. Признание этого факта является очень важным для понимания основ формирования новой реальности. Также следует признать, что не сбылись мечты тех, кто считал социалистическую систему империей зла и надеялся на то, что теперь, в ничем не ограниченных масштабах восторжествует добро. Коль скоро мир добра не наступил, а скорее, наоборот, остается открытым вопрос об общем направле-

⁴ Заметим, что те же злодеяния в конце XIX – начале XX вв., сопровождалась идеей распространения ценностей христианства. При разных идеологических обертках сохранялась вероломная суть капиталистической системы.

нии движения, силовых линиях и факторах, прогнозируемых перспективах. Глобальный вопрос «куда движется человечество?» усилил свою актуальность. Новая реальность требует новой теории. Процессы эти не исследованы с позиций экономической теории вообще и политической экономии, в частности. Данная статья претендует на определение некоторых контуров в данном направлении в надежде на подключение новых исследований.

Теория

Теоретически мы исходим из базовой гипотезы борьбы противоположностей двух типов институтов: институтов объективных, вытекающих из общих экономических законов и институтов рукотворных, как правил и ограничений, вытекающих из «бумажных институтов», созданных волей и желанием лиц, наделенных политической властью на разных уровнях. Содержательно санкции вмещаются в собирательный образ «бумажных институтов». В качестве объективных институтов выступают экономические законы, возникающие и действующие независимо от воли политиков любого уровня (общие и всеобщие). Содержание современной ненормальности образует жестокая борьба этих двух типов институтов. Немного забега вперёд, отметим, что, принимая решения, исходя из «бумажных законов», можно получить неожиданные результаты, обусловленные действием незримых объективных законов (институтов).

Мы начнем с объективных институтов, поскольку в литературе, особенно связанной с институционализмом, они не были еще объектом исследования. Одним из всеобщих законов, как мы уже отмечали, является закон общественного разделения труда, основанный на сравнительных и абсолютных преимуществах. Закон этот ставит экономических субъектов в позиции взаимовыгодного взаимодействия на основе специализации и обмена⁵. Закон этот никого не принуждает, не имеет аппарата для наказаний за нарушение требований и предоставленных возможностей. Но экономическое наказание за его несоблюдение действует неотвратимо. За несоблюдение этих правил наступают санкции и наказания. Только для этого не требуется аппарат принуждения с соответствующими ресурсами. При этом принцип неотвратимости здесь соблюдается более последовательно, чем в «бумажных институтах». Здесь не бывает ошибок, связанных с человеческим фактором; не может быть коррупции, поскольку подкупать некого. Никто не простит предпринимателю потери из-за того, что он производит и реализует продукты с относительно более высокими издержками, чем доступный ему для сотрудничества партнер или конкурент. Здесь некого подкупать, чтобы избежать потерь или получить выгоду.

Всеобщность разделения труда имеет несколько параметров. Он действует во все исторические времена, невзирая на эпохи и политическую организацию общества. Он «абстрагируется» от национально-государственных образований и их границ, он «толерантен» ко всем временам и народам, возможности для взаимовыгодного отношения предоставляются всем.

Мы называем экономические законы институтом для понятийной симметрии, поскольку законы рукотворные (мы их называем «бумажными законами») утвер-

⁵ «Для счастья человечества одинаково важно, происходит ли увеличение наших житейских удобств вследствие лучшего распределения труда вследствие того, что каждая страна производит те товары, к производству которых она приспособлена в силу своего положения, климата и других своих естественных или искусственных преимуществ, и обменивает их на товары других стран...» (Рикардо, 1935, с. 74).

дилось в литературе терминологически как институт. До экономических законов институты почему-то не дотянулись, хотя содержательно экономические законы соответствовали всем требованиям институтов. Более того открывались новые возможности для развития институционального анализа, опираясь на более солидную методологическую базу⁶.

Признавая объективность названного закона, мы должны учитывать, что все же это не естественный закон. Он возникает в обществе и действует в его рамках. В этой связи он не может избежать попыток воздействия на него, в том числе и по причине неразумного поведения. Именно таковым и являются санкционная политика и практика, составление «бумажных» институтов, которые предписывают правила поведения и ограничения, санкции за их нарушение и меры наказания. Сразу следует отметить, что в данной работе мы отвлекаемся от санкций, которые направлены против государственных органов, физических лиц. Каждое из этих направлений заслуживает отдельного исследования, но нас более всего интересуют санкции против предпринимательства, поскольку именно оно (предпринимательство) действует в рамках названного выше фундаментального закона. Физические лица и государство могут относиться к исследуемому вопросу как функциональные носители бизнеса.

Санкции со стороны политической элиты ряда стран – есть борьба против действия экономических законов, а конкретным проявлением выступает обрушение взаимовыгодных контрактов и разного рода ограничения. Санкциям предшествовало заключение контрактов предпринимателей разных стран, основанных на принципах рыночной экономики: свободы, доброй воли и взаимной выгоды. На этих принципах соткана вся паутина экономических отношений. Санкции направлены на обрушение этих контрактов и причинение убытков обоим сторонам экономических отношений (Федорова, Барихина, 2015, с. 2-12). А при многосторонних контрактах убытки несут все участники.

Кроме обрушения уже действующих контрактов санкции направлены против заключения в будущем свободных и взаимовыгодных контрактов и на их ограничения. Любопытно обратить внимание на введение потолка цен на отдельные товары (нефть). Такие явления известны в рамках национальных экономик, описаны в учебниках как противоестественные меры в рыночной экономике, поскольку их следствием является дефицит, теневой рынок, рост трансакционных издержек и цен (Хайман, 1992, с. 30-31), (Тарануха и др., 2022, с. 379-380). Санкционная политика и практика перенесли эту антирыночную, точнее антиэкономическую меру на уровень международной экономики. Последствия, как мы покажем ниже, вполне ожидаемые.

Санкции образуют лишь видимый на поверхности действие политического фактора с экономическими последствиями. На деле формируется новый миропорядок под действием сил и механизмов, пока еще скрытых от прямого наблюдения. Каким будет это новое мироустройство, каково место и судьба России в нем? Для ответа на эти вопросы необходим тщательный анализ состояния российской экономики, эффективности ее сложившейся модели. Необходимость приложения

⁶ Вопрос о соотношении законов и институтов нами рассмотрен подробно в другой работе, куда вынуждены отправить читателя, чтобы не сильно отвлекать его разъяснительным материалом и не увести в сторону от рассматриваемой темы. См.: (Хубиев, 2023, с. 22-41).

творческих усилий к решению столь сложных вопросов приобретает дополнительную актуальность тем, что, находясь под жестоким грузом санкций, Россия проводит масштабную военную операцию, которая ложится дополнительным бременем на экономику в ее стагнационном состоянии. Вопрос о состоянии российской экономики, ее запаса прочности, факторах развития и торможения перемещается в область жизненно важных и неотложных практических проблем. Для подступа к столь сложной научной задаче необходим системный подход, придерживаясь которого, мы попытаемся ответить на некоторые из поставленных вопросов.

Проявления санкций как антицивилизационного фактора

Санкции проявляются, главным и очевидным образом в ухудшении качества жизни граждан. Более конкретно можно выделить следующие направления. *Технологические* ограничения приводят к использованию технологий предыдущих поколений, что приводит к ухудшению качества производимых благ, примитивизации содержания труда, ухудшению рабочих мест. Это проявляется в ряде отраслей российской экономики (электроника, автопром и др.). Для стран – санкционеров очевидный антицивилизационный откат обнаруживается по ряду направлений. Прежде всего это переход к использованию энергоносителей, отказ от которых имел значение цивилизационного прорыва. Поставив задачу перехода к новым источникам энергии как основе перехода к «зеленой экономике», европейские страны откатились на использование угля, мазута, даже дров⁷. Лишились сырья для производства удобрений экологичных продуктов сельского хозяйства. Сюда же можно добавить ограничения бытовых удобств. К антицивилизационному фактору следует отнести и образование международных теневых рынков в результате введения потолков цен. Рост цен, снижение покупательной способности и качества жизни тоже следует отнести к антицивилизационному урожаю санкционной деятельности. Подчеркнем еще раз, все перечисленное и многое другое подобное – результат действия «бумажных» законов против объективных законов.

Отметим еще один неявный и не очень ожидаемый результат санкций для родины их происхождения. Ориентируясь на «бумажные законы», санкционеры стремились обрушить чужую (российскую) экономику, «разорвать ее в клочья». Но

⁷ 19 июня 2022 г. министр энергетики Германии Роберт Хабек заявил о планах увеличить генерацию электроэнергии на базе угля, который считается более «грязным», чтобы избежать нехватки газа зимой в связи с уменьшением поставок из России. Правительство Австрии заявило о намерении расконсервировать угольную электростанцию. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/05/24/germaniya-sobral-as-pereyti-na-ugol-izza-nekhvatki-gaza.html> (дата обращения: 21.07.2023);

В 2021 году потребление угля для выработки электричества в Европе выросло более чем на 11% к 2020 году по данным Международного энергетического агентства (МЭА). В агентстве ожидают, что доля угля в генерации продолжит расти в 2022 году и останется на высоком уровне до конца 2024 года. URL: <https://rg.ru/2022/01/31/chem-dorozhe-gaz-tem-bolshe-uglia-nuzhno-evrope.html> (дата обращения: 21.07.2023); «Потребление угля в Европе бьет рекорды». URL: <https://expert.ru/2022/08/2/ugol/> (дата обращения: 21.07.2023);

«Поскольку цены на газ и электроэнергию стремительно растут, многие домохозяйства в Европе этой зимой переходят на дрова в качестве альтернативного или резервного источника тепла. В настоящее время в регионе наблюдается нехватка древесины и дров, что приводит к повышению цен. Стоимость этого ресурса в Германии и Бельгии выросла примерно в 2,5 раза (сообщила в сентябре медиа-платформа EurActiv). В июле 2022 года вступил в силу запрет Евросоюза на импорт российских древесно-топливных пеллет, использующихся в энергетической промышленности, что оказало «эффект домино» на всю цепочку поставок». URL: <https://inosmi.ru/20220920/energetika-256201737.html> (дата обращения: 21.07.2023).

они не учли действие других законов, о которых мы говорили выше. В результате «обрушить» и «разорвать в клочья» российскую экономику не удалось, но получен обратный эффект бумеранга. Санкции, особенно предпринимательские, ударили и по самим секционерам. Почему получен такой, не вполне ожидаемый результат? Он столь же не исследован, сколь и неожиданен. Для объяснения этого результата две причины могут иметь значение. Во-первых: российская экономика в основе своей сохранила прежнюю советскую структуру, а она создавалась как стрессоустойчивая в постоянной борьбе со своим геополитическим противником. Новые отрасли и производственные комплексы не созданы, не говоря о новой производственной системе. То есть сработал фактор наследия экономики с качеством высокой устойчивости. С другой стороны, политическая элита коллективного запада, вводившая санкции, в целеполагании исходила из «бумажных законов», а результат получила от действия объективных законов. Сказались ограничения в экономическом образовании западной элиты с абсолютным доминированием неоклассики в уклон на «бумажные» институты и неприятием политической экономии, которая в основе своей сосредоточена на изучении объективных экономических законов.

Предпринятый нами подход приводит к следующим выводам: страны с развитой рыночной экономикой политическими и волевыми методами посредством «бумажных» законов и институтов действуют против коренных основ (ценностей и законов) рыночной экономики: свободы и взаимной выгоды сделок, служащих главным фактором не только экономического, но и цивилизационного развития. По нашему мнению, это явный признак кризиса капиталистической организации социума. Его причины не лежат на поверхности явлений. Украинский фактор (присоединение Крыма, СВО) не причина, а повод для санкций. Их нагромождение и массивность (одиннадцать пакетов, более тысячи наименований) затемняют коренные причины. А они просты и долговечны: обособленность интересов на индивидуальном и государственном уровне, их противостояние и столкновения, конкуренция и конкурентоспособность любыми средствами, борьба, захват рынков и их предел. Об этом свидетельствует состав и направленность санкций до СВО. После присоединения Крыма к России в 2014 году были введены санкции против самых конкурентоспособных отраслей: нефтяной и газовой, атомной, ВПК, банковский сектор. Цель – ослабить конкурентов из России. Источники сырья и рынки сбыта – область прохождения силовых линий борьбы за торгово-экономический передел мира. Доминируют США, где обретение мирового лидерства в области энергетических ресурсов относится к стратегическим задачам национальной безопасности. США «изыщно» реализует эту задачу, в том числе и за счет стран ЕС и с их помощью. Отказавшись от природного российского газа, страны ЕС приобретают американский СПГ по более высоким ценам. Западные ТНК получили мощный импульс и поддержку в конкурентной борьбе.

Например. На нефтяном рынке доминируют ТНК США и Великобритании: Shell, BP, ExxonMobil, ConocoPhillips и др. Европейский рынок является самым привлекательным, но исторически освоен Россией. В интересах ТНК двух крупных держав высвободить европейский (и не только) рынок для своих компаний. Украинская проблема оказалась здесь только удобным поводом для введения санкций в обход международных организаций. Еще в 2014 году санкции запретили экспортировать в Россию товары и технологии для добычи нефти и ее переработки и запрет на

инвестиции в энергетический сектор. Кстати говоря, проблема переориентации рынков с запада на восток тоже возникла давно. Здесь имелись на только причины Украинского происхождения. Большинство добычи нефти находится в Сибири. Оттуда дешевле экспортировать нефть и нефтепродукты в Тихоокеанский регион. По этой причине достигнута договоренность и заключен контракт на поставку российского газа в Китай и строительство газопровода Сила Сибири. В свою очередь и европейские страны давно уже пытаются диверсифицировать рынок газа, ориентируясь на американский сланцевый газ. Еще до 2014 года был введен третий энергетический пакет санкций ЕС, направленный на отмену долгосрочных договоров с «Газпромом». Работая в разных регионах и странах мира: Иран, Венесуэла, Индия, Нигерия, Вьетнам, Узбекистан, Казахстан, Ливия, «Газпромом» составляет глобальную конкуренцию на мировом газовом рынке и для большинства стран Евросоюза. Газ, поставляемый из России, является важнейшей статьёй импорта. Рост добычи сланцевой нефти в США ведет к глобальному переделу мирового рынка, в частности энергетического рынка Европы⁸. К лету 2022 г. экспорт газа из США в Европу впервые превысил экспорт из России, что свидетельствует об успешном решении США своей стратегической задачи доминирования на рынке энергоносителей.

Если проследить события XXI века и попытаться определить закономерную логику их развития, то складываются следующие закономерные контуры. Миром рынка и капитала правят их глубинные законы, к которым, кроме разделения труда, относится связанный с ним закон конкуренции, который имеет разные уровни реализации – от бесконтактной состязательности по качеству и издержкам конкретного товара до «применения динамита к конкуренту». (Динамит заменен более изощренными технологиями, в том числе и цифровыми). В межгосударственных отношениях закон «динамита» тоже действует, о чем свидетельствуют холодные и горячие войны. Победа над СССР в холодной войне позволила захватить рынки, имущество и активы стран, входивших в мировую соц. систему. Этот источник поддержания капитализма исчерпан, но у капитализма нет границ в расширении, и он должен искать новые источники. Два этапа развития мирового капитала через внешние пространства (колониальная система и мировая соц. система) пройдены. На очереди оказалась Россия, она один из участников мировой конкуренции. Ее богатейшие ресурсы привлекают внимание Европы, которая свои природные ресурсы в основном исчерпала. Некоторые политики, имея в виду Россию, прямо заявляют о том, что богатое ресурсами пространство занято недостойным государством и населением. В изощренном виде эта идея подается в красивой обертке с ядовитой начинкой. Утверждается, что ресурсы России сосредоточены в регионах, где живет нерусское и даже не славянское население. Последним намекают или даже откровенно советуют освободиться от ненужного бремени и резко повысить свое благосостояние, а технологически развитый запад в этом поможет. Многоче-

⁸ «Если США начнет решать проблему с экспортными терминалами достаточных пропускных мощностей, а Европа – с импортными терминалами, то компания Газпром станет активно «выдавливаться» с европейского рынка путем насаждения санкцией на его дочерние предприятия, а также вспомогательные компании отрасли. В ближайшем будущем США и страны ЕС будут отказываться от совместных с Россией проектов в газовой сфере и их инвестирования» (Экономические санкции против России..., 2017, с. 19). Среди фактов перераспределения европейского рынка следует учитывать, что «маячит» дешевый Иранский газ 25-35 млрд. в кубе. Но нет портовой инфраструктуры. И США этого конкурента не пожелают.

ковая история борьбы за ресурсы России получила новый вызов. Некогда реализованная цель в отношении СССР получила повторную постановку – достичь свои цели через разрушение государственности России, ее раздробление и захват ее ресурсов, недвижимости, активов. Мало что меняется, в том числе риторика. Теперь Россия называется «империей зла». На фоне этих стратегий санкции выглядят как транзитный инструмент в руках больших игроков мировой политики. По сути, применительно к России реализуется стратегия «динамита» в конкурентной борьбе. Происходящие ныне события укладываются в закономерные рамки конкурентной борьбы на международном уровне. Некоторую новизну имеют участники, инструменты и выгодополучатели. О последних хотелось бы сказать следующее. США последовательно добиваются своих целей. В июне 2022 года экспорт газа превысил объемы экспорта российского газа в Европу. Теперь Россия с этого рынка существенно вытеснена. Одна из целей стратегии национальной безопасности США – доминирование на рынке энергоносителей достигнута. Выгода получена. Понятны цели и результаты борьбы США против России за свои экономические интересы. Проблематичны цели стран Евросоюза. Газ США достается европейцам дороже, т.е. налицо экономический проигрыш. А в чем выигрыш.

Санкции, чередой вводимые после февраля 2022 года, есть продолжение, углубление расширения санкций 2014 года. Первый пакет был введен после присоединения Крыма, где были заложены основы: замораживание активов, свертывание деловых контактов, личные ограничения. Далее было расширение санкций в связи с событиями на Донбассе и в связи с крушением самолета Boeing 777. Россия сразу объявлялась виновной стороной и против нее вводились санкции. Они, как мы показали на конкретных примерах выше, сразу были направлены против самых конкурентоспособных отраслей российской экономики и были направлены на их ослабление и парализацию. Прямые антигосударственные санкции тогда еще не вводились, но был введен специальный третий энергетический пакет санкций ЕС, направленный на отмену долгосрочных договоров с Газпромом.

Последствия и результаты санкционной войны против России заслуживают научного анализа с учетом нашего методологического подхода.

Россия не могла смириться с положением покорной жертвы экономической войны против нее. Комплекс ответных мер носит во многом зеркальный характер и столь обширен, что их перечисление и даже обзор займет много места. Попытаемся выделить лишь некоторые основные направления и результаты ответных действий.

Прежде всего это запретительные меры на поставку товаров и услуг в диапазоне от высокотехнологичных (ракетные двигатели, вывод в космос спутников, поставка и обслуживание атомной и авиационной техники) товаров и услуг, до поставки зерновых. Сюда же можно отнести запрет на пользование воздушным и водным пространством на передвижение транспортных средств недружественных государств.

Особо следует выделить зеркальные меры против обрушения контрактов, обязательств, т.е. того, что мы раньше называли подрывом основ цивилизационного развития. В качестве ответных мер Россия сама вынужденно ответила зеркально. Конкретно: по указу Президента России № 252 от 03 мая 2022 года «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными

действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» органам госвласти, организациям и физическим лицам, запрещается совершать сделки внешнеторговых контрактов, с юридическими и физическими лицами, по отношению к которым вводятся специальные меры (санкции). Также запрещается исполнять обязательства по уже совершенным сделкам, включая внешнеторговые контракты. Этим же указом запрещается вывозить из России сырье или продукцию, произведенную в РФ в пользу лиц, для которых введены санкции. Правительству РФ было поручено в 10-дневный срок утвердить список лиц, подпавших под санкции, определить дополнительные условия отнесения сделок к сделкам, исполнение обязательств по которым и совершение которых запрещаются согласно указу⁹.

Названные выше и подобные им меры можно назвать негативными, хотя и вынужденными, поскольку они наносят экономический вред и самой России. А главное, это хоть и вынужденная, но деятельность против фундаментальных экономических законов. Независимо от того, кто их предпринимает, результат носит антицивилизационный характер. Различие в том, что одни выступают инициаторами этого антиисторического действия, другие вынужденно обороняющимися.

Но есть противостояние другого рода. Целенаправленная или вынужденная деятельность против санкций по большому счету направлена на развитие России и общее цивилизационное развитие. Прежде всего это касается движения к технологическому суверенитету. Направленным усилиям России помогают и объективные законы, действующие в условиях ограничений и противостояния «бумажным» законам. Приведем несколько конкретных примеров. Одной из самых болевых точек санкционного давления оказалась микроэлектроника. В 2014 году в АСУ ТП компании «Ракурс-инжиниринг» доля отечественных комплектующих составляла 10-20%, в 2018-м – 40-60%, а к началу 2022-го достигла 93%¹⁰. Это позволило предприятию работать без потерь в условиях санкций. Более того, выручка компании даже увеличилась. Однако в дальнейшем из-за законодательных ограничений на использование иностранных комплектующих при создании систем управления критической информационной инфраструктуры (КИИ) возможны проблемы. И тем не менее, это показательный пример способности решать проблемы и преодолевать ограничения на пути к технологическому, а соответственно и цивилизационному развитию.

Приведем другой пример, показывающий действие объективных законов в условиях ограничений. В декабре 2022 г. агентства Reuters и Royal United Services Institute (RUSI) сообщили о глобальной цепочке поставок, которую создала Россия для обеспечения своих нужд в компьютерных деталях, и другой электронике. Электронная продукция и другая техника поступают в Россию через торговые хабы Турции, Гонконга, Эстонии от малоизвестных экспортеров. По данным таможи РФ, всего с апреля по октябрь 2022 года в страну поступило высокотехнологичных комплектующих на сумму более 2,5 млрд долларов. Из них 777 миллионов долларов приходится на продукцию таких западных компаний, как Intel Corp, Advanced Micro

⁹ В соответствии с этим поручением 11 мая Правительство РФ утвердило перечень юридических лиц, в отношении которых вводятся ответные санкции. В списке была 31 компания, по большей части относившихся к группе Gazprom Germania. Также в порядке исполнения указа, правительство РФ ввело санкции в отношении польской компании EuRoPol GAZ S.A. – владельца польского участка газопровода «Ямал-Европа». В отношении данных лиц запрещены любые сделки. Все вышеназванные фирмы прекратили получать газ из России.

¹⁰ Эксперт. 17-23 июля 2023 г., № 29, с. 28-29. URL: <https://expert.ru/expert/2023/29/dlya-avtomatizatsii-proizvodstva-ne-khvatayet-mikroelektroniki/> (дата обращения: 21.07.2023).

Devices Inc (AMD), Texas Instruments Inc и Analog Devices Inc., Infineon AG. Механизм этот работает даже по отношению к продукции военного назначения. «Когда экспорт затрагивает высокотехнологичные компоненты, которые могут быть использованы в военной отрасли, объем закупок вырастает с нуля до миллионов долларов. Дефицит данной продукции России помогают компенсировать Казахстан, Турция, Сербия, ОАЭ и еще несколько стран Восточной Европы и Центральной Азии¹¹. Приведенные примеры показывают силу противостояния объективных законов «бумажным» законам санкционного содержания и направленности.

Подводя некоторый итог изложенному, можно сделать следующие выводы. В фундаментальной основе глобальной экономики и цивилизации XXI века оказалось противостояние на уровне «хлеба насущного», источники ресурсов и рынки сбыта. Основные противоборствующие силы: объективнее законы (институты), направленные на экономическое и цивилизационное развитие и бумажные законы (институты), имеющие противоположное содержание и направленность. Силы развития в глобальном социуме расположены глубже сил противостояния и за ними будущее в конечном счете. Но путь этот не линеен, содержит большие риски и опасности, чрезвычайно трудно прогнозируем и сопровождается издержками. За прогресс тоже надо платить. Заплатить должна вся развивающаяся цивилизация, а чем и кем? Вспомним, в прошлом веке цивилизованный мир спасся от фашистского переустройства мира принеся большие жертвы. Прошлое позволяет вести подробный адресный и персонифицированный учет жертв. Будущее не позволяет это сделать в силу большой неопределенности. Россия в системе глобальных координат оказалась на стороне развития и прогресса, на нее легло бремя издержек и в этом большие риски для будущего. Исход во многом зависит от количественного соотношения ресурсов борьбы сторон при том, что Россия находится на стороне действия законов прогресса, расположенных глубже законов разрушения и отката. Самая главная проблема для России в сложившейся ситуации состоит в том, чтобы избежать ловушку единственной или главной жертвы цивилизационного развития. С этой точки зрения беспокойство вызывает то, что она вступила в глобальное противостояние с позиций несовершенной экономической модели и многолетней стагнации и нуждается в чрезвычайных мерах создания внутренних источников роста, о чем более подробно мы писали в предыдущей статье (Хубиев, Теняков, 2022, с. 22-39).

¹¹ России удастся обходить санкции и обеспечивать себя передовыми технологиями, микро- и интегральными схемами, произведенными в ЕС. В целом, российский импорт вернулся на уровень 2020 года. По информации Trade Data Monitor, современные полупроводники поставляются в Россию из третьих стран, которые резко изменили свои традиционные объемы закупки данных товаров, существенно их увеличив. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/03/04/16346875.shtml> (дата обращения: 21.07.2023). Bloomberg рассказал о секретном маршруте поставок полупроводников в Россию, организованном за годы до вторжения вопреки контролю США. Тактика помогла российским операторам обойти ограничения зарегистрированных на американской бирже технологических компаний. По данным официальных лиц США и ЕС, Россия сохранила возможность получать чипы и технологии для использования в военных целях. Согласно исследованию Royal United Services Institute, полупроводники, произведенные крупными компаниями, такими как Analog Devices Inc., Texas Instruments Inc. и Microchip Technology Inc., поступали в Россию через сторонние фирмы. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2023-03-15/secret-chip-deals-allegedly-help-us-technology-flow-to-russia-despite-sanctions> (дата обращения: 21.07.2023).

ЛИТЕРАТУРА

Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения. М.: Соцэкгиз, 1935.

Тарануха Ю.В., Котова Г.А., Никитина Н.И. Микроэкономика. Водный курс: учебник. Под ред. Ю.В. Таранухи. М.: Проспект, 2022. – 624 с.

Федорова Е.А., Барихина Ю.А. Влияние санкций на экономику Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 37(436). С. 2-12. EDN: UKQUQH

Хайман Н.Д. Современная микроэкономика: анализ и применение. В 2-х томах. Том II. Пер. с англ. М.: Финансы и статистика, 1992. – 371 с.

Хубиев К.А., Теняков И.М. Надломленный вектор экономического развития // Вопросы политической экономии. 2022. № 2(30). С. 22-39. DOI: 10.5281/zenodo.6881149

Хубиев К.А. Институциональный шлейф в экономической теории и практике // Российский экономический журнал. 2023. № 1. С. 22-41. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_1_22

Экономические санкции против России: ожидания и реальность: монография / коллектив авторов; под ред. Р.М. Нуреева. М.: КНОРУС, 2017 – 194 с.

Информация об авторе

Кайсын Азретович Хубиев – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

(E-mail: khubiev48@mail.ru) (ORCID 0000-0001-7285-1136) (elibrary AuthorID: 817714)

REFERENCES

Economic sanctions against Russia: expectations and reality: monograph / team of authors; ed. R.M. Nureyev. M.: KNORUS, 2017 – 194 p.

Fedorova E.A., Barikhina Yu.A. Influence of sanctions on the economy of the Russian Federation. Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika= Economic analysis: theory and practice. 2015;37(436):2-12. EDN: UKQUQH (In Russ.)

Hyman N.D. Modern microeconomics: analysis and application. In 2 volumes. Volume II. Per. from English. M.: Finance and statistics, 1992. – 371 p.

Khubiev K.A., Tenyakov I.M. The fractured vector of development of the Russian economy. Voprosy politicheskoi ehkonomii=Problems in Political Economy. 2022;2(30):22-39. DOI: 10.5281/zenodo.6881149 (In Russ.)

Khubiev K.A. Institutional trail in economic theory and practice. Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal. 2023;(1):22-41. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_1_22 (In Russ.)

Taranukha Yu.V., Kotova G.A., Nikitina N.I. Microeconomics. Water course: textbook. Ed. Yu.V. Taranukhi. M.: Prospekt, 2022. – 624 p.

Ricardo D. Beginnings of political economy and taxation. Moscow: Sotsekgiz, 1935.

Information about the author

Kaysyn A. Khubiev – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

(E-mail: khubiev48@mail.ru) (ORCID 0000-0001-7285-1136) (elibrary AuthorID: 817714)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.07.2023; одобрена после рецензирования: 25.07.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

podpiska.pochta.ru

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 330.1, 330.8

DOI: 10.5281/zenodo.8320052 <https://zenodo.org/record/8320052>

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Михаил Викторович Гречко¹

Кандидат экономических наук, доцент, доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия, (mvgrechko@inbox.ru), (ORCID 0000-0002-8196-3807)

Ключевые слова: *система, эволюция, диалектика, системное противоречие, экономическая система, структура, производительные силы, производственные отношения, энтропия*

Для цитирования: Гречко М.В. О диалектическом подходе к исследованию эволюции экономических систем // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 116-130.

ON THE DIALECTICAL APPROACH TO STUDYING THE EVOLUTION OF ECONOMIC SYSTEMS

Mikhail V. Grechko

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of Tourism, Service and Creative Industries. Federal state Autonomous educational institution of higher education «Southern Federal University», Rostov-on-Don, Russia (mvgrechko@inbox.ru.), (ORCID 0000-0002-8196-3807)

Keywords: *system, evolution, dialectics, systemic contradiction, economic system, structure, productive forces, production relations, entropy*

For citation: Grechko M.V. On the dialectical approach to studying the evolution of economic systems. Problems in Political Economy. 2023;3(35):116-130.

JEL codes: B20; B22; B41.

Введение

Современный мир сложен, противоречив, черват изменениями. Причины изменений – системные противоречия, которые могут быть интерпретированы как необходимые и достаточные условия эволюционного развития. Для исследования качественных механизмов эволюционного развития, условий зарождения новой экономической системы, функционирования сложных слабоструктурированных экономических систем, востребованы соответствующие исследовательские инструменты.

¹ © Гречко М.В., 2023.

На протяжении всей истории развития экономической науки, как самостоятельной отрасли знаний, у исследователей не прослеживается единства во взглядах, касаясь применяемой методологии, вне зависимости от выбранного предмета и объекта. Это не случайно. В первичном приближении кажется, что это связано с двумя обстоятельствами: (1) разнообразием в понимании авторами методологии всей системы общественных наук и экономической науки, в частности, а также с (2) неоднозначностью трактовок объекта исследования – экономической системы. Однако, в последнее время вновь наблюдается реактуализация интереса исследователей к философским вопросам экономики, в которых отдельное место отведено диалектическому методу. Как известно, познавательный потенциал диалектического метода позволяет представить описание причинно-следственных связей, возникающих между элементами экономической системы, в качественном их аспекте. Данный метод включает в себя развернутую палитру эпистемологических детерминант, востребованных для исследования функционирования и эволюции абстрактной системы, которая отличается от реальной следующими признаками: наличием исследователя, объекта наблюдения и цели исследования. Именно по этой причине качественное представление процесса эволюции экономических систем, включающего в себя исследование структуры и качества сдвигов в системе производительных сил от аграрной системы к индустриальной и от индустриальной к постиндустриальной, с диалектических позиций, представляется достаточно актуальным и значимым вопросом как теории политической экономии, так и существующей общественной практики.

Методология исследования и изученность темы

Материалы и методы. В своем развитии экономическая методология и теория требуют постоянной реактуализации и дополнения. Они, если можно так сказать, постоянно находятся в стадии преодоления самих себя (т.е. полученных ранее достижений). Тем самым не являются чем-то *ne varietur* (не подлежащему изменению (*лат.*)). В целом же выбор методологического инструментария опосредован логикой и масштабом поставленных исследовательских задач, адекватно заявленному предмету исследования.

Применительно к представленному тексту, предмет исследования включает в себя анализ содержания, специфики и закономерностей эволюции сложных слабоструктурированных макрообъектов, к коим относятся и экономические системы, находящиеся в разных состояниях фазной динамики. Что касается объекта исследования, то им является экономическая система².

² Отметим, для спецификации макрообъекта(ов) необходимо обратиться к познавательному потенциалу системного подхода. С этой целью приведем ряд замечаний. Итак, во-первых, макрообъекты, это объекты, которые можно непосредственно наблюдать; причем они существуют объективно. Во-вторых, элементы макрообъектов, в своем единстве составляют целостный организм, который развивается по соответствующим законам и принципам. В-третьих, в общественных науках, к макрообъектам традиционно относят следующие системы: социально-экономическую (ядром которой выступает экономическая система), отдельно экономическую, социальную, также техническую, экосистему и т.д. В итоге, сложные слабоструктурированные макрообъекты – это объекты или явления, которые состоят из множества элементов или компонентов, но не имеют жесткой или стройной структуры. Это большие системы. Их сложная структура не может быть полностью определена или описана. Отличительной чертой слабоструктурированных макрообъектов может быть их высокая динамичность и неопределенность.

Соответственно, цель исследования может быть сформулирована следующим образом: исследовать диалектический характер процесса эволюции сложных слабоструктурированных экономических систем находящиеся в разных состояниях фазной динамики.

В качестве пролога к представлению методов исследования, заметим, что настоящий методологический mainstream, обусловленный повальным применением познавательного потенциала неоклассики и математического аппарата общественных наук, спровоцировал пренебрежительное и вульгарное отношение ученых к логике применения исследовательского метода. Наблюдается чрезмерная увлеченность исследователей поверхностными методами, позволяющими решать лишь частные (локальные) задачи.

Методологический инструментарий данного исследования представлен следующими инструментами.

Диалектический метод. Позволяет наглядно представить качественный аспект эволюционной динамики экономической системы в логике причинно-следственных связей. Гносеологически опирается на принципы материалистической диалектики, в соответствии с которыми происходит представление объекта исследования в его постоянном движении (развитии). Тем самым происходит восхождение по диалектической спирали общественного развития.

Системный подход. Основывается на доминировании формы над содержанием и позволяет представить структуру исследуемого объекта с идентификацией ее элементов и возникающих между ними связей.

Метод научной абстракции. В нашем случае востребован, для представления и выведения соответствующих категорий. Позволяет также отразить качественные аспекты и существо явлений или процессов.

Принцип историзма. В координатах марксизма, история – это производительная сила. Историческая динамика выступает в роли отражения объективно существующих противоречий (например, несоответствие уровня развития производительных сил производственным отношениям).

Представление степени изученности темы (литературный обзор по проблеме исследования). С момента своего зарождения (т.е. XVII – XVIII вв.) в текстах французов-физиократов (Р. Кантильон и др.) экономическая наука, вызывая методологические разногласия, зачастую описывала лишь соответствующие феномены-объекты капиталистической экономики. Трансформация исследовательской доктрины сопровождается появлением политической экономики, как отдельной науки и самостоятельной отрасли знаний (но это уже несколько позднее). Так, по мнению Ф. Энгельса предмет политической экономии заключается в исследовании закономерностей экономического развития различных общественных формаций. Как следствие, среди исследователей human scheme of life происходит разворот методологического фокуса в сторону диалектического подхода.

Диалектический метод, как самостоятельный исследовательский инструмент берет свое начало в трудах представителей немецкой философской школы Г. Гегеля и К. Маркса (Маркс, 1960). Их тексты выступают как одна из форм канона экономической литературы и особенно сейчас требуют повторного переосмысления и анализа. Формируются соответствующие философские и политэкономические

школы и течения – гегельянство и марксизм³. Для Гегеля диалектика это учение о развитии, основанное на принципе эволюции, исследующее качественные аспекты перехода от незнания к знанию. Что касается Маркса, то он понимал диалектику в контексте выявления общих законов развития, причем нелинейного, происходящего на более передовой платформе («отрицание отрицания»).

Существенным догматическим препятствием, существенно затормозившим процесс развития диалектического метода, послужила т.н. маргиналистская революция. Ее, как правило, связывают с именами Г. Госсена (Gossen, 1854), Л. Вальраса и др.

Позднее, в отечественной научной литературе и периодике рубежа XIX – XX вв. применение диалектического метода можно увидеть в трудах М.И. Туган-Барановского, Г.А. Харазова (Харазов, 1924), Н.И. Зибер (Зибер, 1877) и др.

Советский период представлен, к примеру, работами Э.В. Ильенкова, М.А. Лифшица и др., в которых мы видим дальнейшее развитие диалектического метода (диалектической логики), в разрезе изучения «Капитала» К. Маркса.

Исследованию историко-экономических проблем отчужденного труда, а также отдельных аспектов теории воспроизводства, посвящены работы достаточно обширной плеяды т.н. «философов-марксистов» М. Фуко, В.С. Выготского (Выготский, 1930), Э.В. Ильенкова, М.А. Лифшица, Г.С., Батищева (Батищев, 1997), в трудах которых мы видим дальнейшее развитие диалектического метода (диалектической логики), в т.ч. и в разрезе изучения «Капитала» К. Маркса. Исследовательская ветвь критического марксизма представлена достаточно немногочисленной группой ученых, среди которых мы можем встретить как представителей западной, так и советской школы: А.В. Бузгалин, А.И. Колганов (Бузгалин, Колганов, 2018), Л.С. Гребнев (Гребнев, 2012), А. Грамши, Д. Лукач и др. Также среди работ, посвященных анализу марксовского наследия, можно выделить О.К. Ананьина (Ананьин, 2007), А.И. Московского, А.А. Галкина (Галкин, Красин, 1998), А.В. Сорокина. Некоторые из представленных авторов в своих трудах стремятся к некоей «позитивной конвергенции» марксовской классической политической экономии и (1) неоклассики (например, Сорокин А.В.), (2) институционализма (Московский А.И.); представлении актуальности исследований К. Маркса для XXI века (Ананьин О.К.).

Представители обозначенных научных направлений стремятся к некоей интеграции теоретических платформ марксизма и либерализма, капитализма и социализма при переходе к постиндустриальной экономической системе.

Для обозначенной проблемы, отдельный научный интерес представляют работы, выполненные в духе т.н. позитивной конвергенции познавательных потенциалов диалектического метода и системного подхода. Как правило, они используются для наиболее полного представления процесса эволюционной динамики экономических систем, находящихся в различных фазах своего развития, в количественном и качественном аспектах. Речь идет о П.Н. Клюкине (Клюкин, Васина, 2012), В.Н. Буркове (Бурков, 2009), О.Г. Голиченко (Голиченко, 2004), В.А. Долятовском

³ *Марксизм* – это мировоззренческая система и вытекающая из нее совокупность законов развития общества. Марксизм выявил главное противоречие капиталистического способа производства, выражающееся в противоречии между коллективным характером затраченного на производство труда и частным характером присвоения результатов производства. Кроме того, марксизм состоит из: (1) философии диалектического материализма, (2) политической экономии и (3) учения о построении коммунизма.

(Долятовский, Гречко, 2012), Lane D. (Lane, 2014), Freeman A.⁴, Galbraith J. (Galbraith J. et al., 1999).

Также следует сказать, что в последнее время получили существенное развитие эволюционные теории в экономике. На разных этапах своего развития, отдельные их аспекты и положения разрабатывались как представителями отечественной науки (Кирдина, Холл, 2017), (Иншаков, 2011), так и зарубежными авторами (Nelson et al., 2018), (Hodgson, 2004).

Что касается авторского вклада, то он отражен в предшествующих публикациях, выполненных в рамках диалектического метода и системного подхода (Гречко и др., 2022).

Результаты исследования

Предваряя дальнейшие рассуждения, касаясь теоретических аспектов диалектики эволюции экономических систем, отметим, чрезвычайно значимое в методологическом аспекте обстоятельство. Представленный ниже текст, написан в дескриптивном ключе.

Далее: переход к конструктивной части определяет необходимость расширения гносеологического поля анализа. Представим процесс эволюции экономических систем, сквозь призму разворачивающейся совокупности категорий. Как представляется, подобная конструкция востребована как для спецификации самой категории «экономическая система», так и для последующего представления диалектики эволюции индустриального капитализма как системы в различных фазах своего бытия. По отношению к представленному тексту, важнейшими категориями выступают «экономика» и «система», опираясь на которые мы можем содержательно определить экономическую систему, выступающую, как было отмечено выше, в качестве объекта исследования. Приведем соответствующие аргументы.

Во-первых, отметим, что *система* вне зависимости от исследовательского объекта (т.е. расширительно) понимается как совокупность некоторых элементов, которые могут принимать вероятностно определенные состояния, устанавливаемые посредством значений некоторых величин, соединенные между собой по определенным законам и принципам. Соответственно, *экономика*, в первичном приближении представляет собой совокупность сменяемых друг друга *систем*, которым присущи соответствующие фазы бытия. В этой связи, *экономическая система*, представляет собой упорядоченную по определенным объективным законам развития совокупность элементов/параметров экономики. Экономическая система упорядочена в соответствии с объективными законами развития совокупности элементов ее представляющих.

Во-вторых, экономическая система как объект ограничена в историческом плане (соответствующие аргументы были приведены сначала А. Смитом, позднее К. Марксом), и развивается в эволюционной логике по следующей схеме: генезис – активный рост – регресс (рисунок 1).

В-третьих, в основе эволюции экономических систем, находится качественное противоречие в структуре одномоментно сосуществующих макрообъектов, позволяющее описать данный нелинейный процесс, совокупностью S-образных кривых,

⁴ Freeman A. Culture, Creativity and Innovation in the Internet Age; seminar presentation to the Freeman institute, Sussex University, 31st October. 2008.

т.к. экономика развивается нелинейно (циклично), при этом, циклический характер процессов развития сложных систем неразрывно имплицирован с циклами Н.Д. Кондратьева и с процессами развития прогрессивных производительных сил.

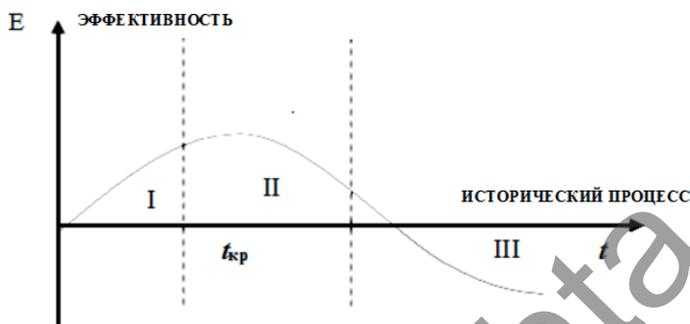

Рисунок 1 — Графическое представление фаз эволюции экономических систем в координатах исторического процесса и эффективности

Источник: Разработано автором.

В-четвертых, каждая экономическая система включает в себя соответствующую структуру (по Марксу: производительные силы, производственные отношения и соответствующая надстройка) обязательный набор элементов и структурных связей (способы координации; отношения собственности; типы воспроизводства; способ распределения или перераспределения дохода) между ними.

Опираясь на заявленный ранее тезис о том, что экономическая система как объект ограничена в историческом плане и развивается в соответствующей эволюционной логике, отметим, что современная наука выделяет три типа т.н. «классических» экономических систем. Это: (1) *доиндустриальная* (системной чертой является одновременное сосуществование жесткого, архаичного механизма примитивной экономики и локальных участков развития современных (в то время) хозяйственных структур); (2) *индустриальная* (основа – промышленное производство) и (3) *постиндустриальная* (основа – сфера услуг, креативный труд). Представленная классификация опирается на специфику взаимоотношений собственника средств производства и работника.

Типологизация экономических систем неизбежно приводит к необходимости пояснения их особенностей в структурном разрезе. Приведенные выше типы экономических систем включают в себя определенные механизмы и соотношение элементов.

Как было отмечено выше, эволюция экономических систем протекает в фазной логике. Как правило, таковых выделяют три: фаза (I) – зарождение (генезис) новой системы; фаза (II) – активное развитие системы и фаза (III) – затухание (регресс) системы. Представленная фазная динамика эволюционного развития экономических систем в последующем может быть использована для исследования процесса перехода макрообъектов из одного качества в другое. С этой целью, опираясь на познавательный потенциал диалектического метода и системно-исторического подхода, представим качественные особенности процесса эволюции экономических систем, находящиеся в соответствующих фазах своего бытия.

Отметим, что в последующем, фокус нашего исследования будет преимущественно направлен на индустриальный тип экономической системы, как наиболее качественно определенный в настоящий момент. Для качественного представления эволюционной динамики индустриальной системы настоятельно востребовано понимание логики зарождения капитала как основного параметра развития и капитализма. Приведем соответствующие аргументы.

Исследователи феномена капитализма довольно часто при определении его сущности стояли на совершенно различных теоретико-методологических платформах. В частности, К. Маркс⁵ раскрывал капитализм, ставя во главу угла уровень и характер развития производительных сил, В. Зомбарт⁶ и М. Вебер обращали исследовательский фокус на предпринимательский «дух», Й. Шумпеттер видел суть в инновационном предпринимательстве, а С. Кузнец в эволюции отраслевых технологий (читай производительных сил). Отдельно отметим Ф. Броделя, который, опираясь на познавательный потенциал междисциплинарного подхода, суть капитализма видел в совокупности всех перечисленных выше источников, которые и сформировали соответствующий феномен на территории современной Европы.

Что касается непосредственно самой эволюционной динамики, то в рамках фазы I – зарождения (*генезиса*) новой экономической системы мы можем наблюдать некое *первичное накопление* новых потенций в составе производительных сил. При этом, не происходит сколь значимых последствий для существующей экономической структуры. Вместе с тем, одномоментное сосуществование разнокачественных элементов, начинает нарушать сложившийся баланс сил. Что касается индустриальной системы, то в ее исторических границах одномоментно сосуществуют такие разнокачественные элементы как ручной труд в рамках натурального хозяйства и промышленное производство. Основной момент состоит в критической массе подобного рода элементов. Все это, в итоге, приводит экономические системы к формируемому в их структуре качественному противоречию, которое в ходе эволюционного процесса должно быть разрешено.

Генезис капитализма К. Маркс (первые его зачатки) видит в XIII – XIV вв. в развитии итальянских городов. Хотя развитие капитализм получил уже в XVI веке, с началом перехода к индустрии. Подобная позиция прослеживается и у В. Зомбарта (Италия XIII века), Й. Шумпетера (вытеснение в XIII веке капитализмом системы феодальных институтов), А. Пиренна (через капиталистических всплесков-рывков, первый из которых относится к XI – XII вв.) и т.д. Таким образом, в научном поле мы видим формирование идеи⁷ о неравномерности генезиса капитализма, с присущими циклическими колебаниями.

⁵ Отметим, что теория К. Маркса формировалась им на основе анализа периода конца XVIII в., середины XIX в., который правильнее было бы описать как «предкапитализм», т.е. период зарождения капитализма. По Марксу, капитализм есть способ индустриального производства, и выступает как один из периодов в мир-динамике капитализма Ф. Броделя. Капитализм, в координатах марксизма, возникает как глобальный феномен. В своих ранних текстах (Экономические рукописи 1857–1861 гг.) К. Маркс прямо говорит о глобальной природе капитала. Европейский же капитализм создает «мир вокруг себя» (ресурсы, перетекали из колоний в метрополию и приобретали форму капитала).

⁶ Как известно, именно В. Зомбарт впервые ввел в научный обиход термин «капитализм» в 1902 году. Речь идет о вышедшем в свет произведении «Современный капитализм (1902 г.)».

⁷ По мнению И. Валлерстайна причины генезиса капиталистической макросистемы до сих пор не идентифицированы в полной мере. Капитализм, начиная с XV–XVI вв. одновременно сосуществовал с другими способами производства, но со временем вытеснил их на периферию. Тем самым, можно сказать, что современный индустриальный капитализм основан на взаимном переплетении совершенно различных способов производства, обусловленных социально-экономической неоднородностью общественных формаций.

Генезис индустриальной экономики вызывает различные трансформации в структуре доиндустриальной системы. В частности, изменяется содержательная характеристика основных ее элементов, параметров таких как:

(1) *способов координации производственных отношений* – от натурального хозяйства к рынку (в промежутке между XVII – XVIII веками происходит переход от т.н. частного рынка (private market) к общественному рынку (public market));

(2) *отношений собственности* – от рабовладельческой (крепостной) модели к формам наемного труда и капитала;

(3) *типа воспроизводства* – от стагнации к накоплению капитала и прогрессу производительных сил;

(4) *отношений распределения или перераспределения дохода* – от рентных отношений к прибавочной стоимости и заработной плате.

Таким образом, в рамках фазы (I), капитал начинает активно воспроизводиться (нелинейно), опираясь на производительные силы, качественно устарелой экономической системы – доиндустриальной. Причем этот процесс характеризуется достаточно существенным временным интервалом. Так, промышленная революция была преимущественно медленным, протекающим с большими сложностями процессом, первые признаки которого проявились еще при жизни А. Смита. Капитализм при этом формируется преимущественно на передовых видах экономической деятельности, являясь зоной высоких доходов. Позднее, трансформируя формы своей хозяйственной практики, капитал упрочивает свое место в структуре экономической системы (в частности, для этого был использован технологический базис машинного производства).

Одномоментное сосуществование отличных в качественном аспекте экономических систем, позволяет зафиксировать, существенные черты их генезиса: (1) нелинейный и (2) мультиценарный характер их развития в условиях эволюционного генезиса. По истечении некоторого промежутка времени, в структуре производительных сил экономической системы происходит качественный скачок. Подобный процесс – есть результат разрешения в той или иной степени диалектических противоречий, выраженный в отрицании предыдущей системы и выходе на авансцену нового, качественного отличного макрообъекта, перешедшего в фазу активного развития.

Эволюционная динамика экономической системы в фазе (II) активного развития происходит в конкретных пространственно-временных границах. Начинает формироваться определенный воспроизводственный контур, т.е. соответствующий уровень развития производительных сил в конкретных пространственных границах. Все это позволяет развивающейся экономической системе не только самовоспроизводиться, но и обеспечивать стабильный уровень жизни населения. В результате происходит сопряжение (синхронизация) в развитии производительных сил и производственных отношений в соответствии с экономическим законом развития общества.

Тем самым в конкретных пространственно-временных границах достигается стимулирование производительности труда, создаются более прогрессивные формы развития производительных сил и происходит, в соответствии с принципами диалектического развития, разрешение диалектического противоречия, неизбежно возникающее в ходе одномоментного сосуществования макрообъектов,

качественно отличающихся между собой. Опираясь на уже ранее обозначенный марксистский тезис о восходящем, циклическом развитии, мы можем говорить о неизбежности сменяемости экономических систем, основанном на вытеснении (замещении) менее прогрессивных, более качественно совершенными.

Еще, касаясь цикличности развития. Что интересно, цикличность в развитии экономических систем и отдельных их элементов, находилась в фокусе внимания многих исследователей научного наследия К. Маркса. Так, Н.Д. Кондратьев выделяет полувековые циклические колебания. Ф. Бродель, в отличие от Н.Д. Кондратьева, выделяет вековые периодические колебания, обусловленные перемещением центров их развития: Италия – Португалия – Голландия – Англия – США. В методологии представленной концепции системными узлами развития капитализма выступают (1) идентификация (неразрывная связь) с государством, а также (2) закономерности неравенства в мире. Позднее этот процесс В.И. Ленин назовет «империализмом». По И. Валлерстайну циклы делятся на А-фазу (нововведения) и Б-фазу (замещение, коррекция морально устаревших производств).

Таким образом, в научном поле мы видим формирование идеи о неравномерности процесса генезиса и развития капитализма.

Бурное развитие европейской экономики в XVIII – XIX вв., обусловлено появлением и развитием эксклюзивных экономических институтов и инструментов (кредит и биржи (банки)). Тем самым, зона влияния рыночной экономики непрерывно расширяется, что выражается в цепной реакции изменения цен в глобальном аспекте. Рынок, с его «невидимой рукой» по Смиту, выступает как самоорганизующаяся система и основа капиталистической экономики. Однако, позднее Маркс и его последователи, справедливо указали, что рынок представляет собой всего лишь связь между производством и потреблением, и, что характерно, далеко не самую совершенную.

Капитализм, зародившийся в торговой форме, начнет уступать свои позиции финансовому капитализму в конце XIX века после того, как финансовый сектор подчинит себе всю промышленность и торговлю. Тем самым, капитализм принимает форму той экономической модели, на которую он опирается в своем развитии. Соответственно, успех капитализма напрямую опосредован определенной степенью развития общественных отношений и соответствующей государственной политикой, т.е. надстройкой. В этой связи, в исторической ретроспективе, Франция для развития капитализма менее благоприятна, нежели чем Англия.

Капитализм также требует наличия иерархии для своего укоренения и развития. Именно по этой причине, как указывал Маркс, необходимо разрушение классовых обществ и частной собственности на средства производства, т.е. уничтожение механизма подчинения человека человеком. После этого должен произойти переход из «Царства необходимости» в «Царство Свободы». В итоге, как мы видим, иерархия – не есть «изобретение» капитализма. Капитализм ее использует для собственного развития, продуцирования более совершенных своих форм. Опираясь на научное наследие К.Маркса (в частности, о неизбежности краха капитализма как исторически ограниченной системы), В.И. Ленин в своих работах будет отмечать, что конечной точкой развития производительных сил, выступает социализм; марксистская диалектика позволила сформулировать тезис о революционной смене капитализма социалистической моделью.

Предваряя качественное представление процесса эволюции индустриальной экономической системы, находящейся в фазе регресса⁸ (фаза (III)), отметим, данный период достаточно часто находился вне фокуса исследователей. Не в последнюю очередь это было обусловлено кажущейся на первый взгляд потенциальной бесперспективностью научного поиска из-за якобы неизбежности гибели системы. Все это, безусловно, является редукцией и некоей исследовательской вульгарностью.

Сейчас уже многими авторами доказано (Бузгалин, Колганов, 2018), (Гречко и др., 2022), что в фазе регресса возникают и мутантные и переходные формы, в конечном итоге позволяющие существенно пролонгировать бытие соответствующей системы. Именно подобные формы, воссоздающие реплики самих себя (фиктивный капитал, товарно-денежный фетишизм и т.д.), в текущий исторический момент способствуют пролонгации бытия рыночного капитализма. Современный капитализм – есть капитализм рыночный, в основании которого находятся «внутритоварные» противоречия (противоречия потребительной стоимости и стоимости труда по Марксу).

Далее сформулируем достаточно дискуссионный, но вместе с тем важный в границах представленного текста тезис, согласно которому в структуре экономической системы, находящейся в фазе регресса, происходит рассогласование развития производительных сил и производственных отношений: технологический базис является морально устаревшим по отношению к соответствующим отношениям. Представленное положение будет являться основанием, для качественного представления основных положений диалектики регресса капиталистической системы. Поясим мысль.

Во-первых, опираясь на ранее формулирование положения о полисценарном характере эволюции экономических систем, в фазе III капиталистической системы происходит, основанный на марксовской логике, процесс активного замещения/вытеснения производительных сил и мультипликативное воспроизводство новых *протоэлементов* и *протоформ*. Так, в конце XX века формируется, качественно отличная от предыдущих, система производительных сил, которую можно обозначить как научно-техническую. Данная система не вытесняет индустриальную, а надстраивается над ней. Однако качественно более прогрессивные производительные силы наносят удар по основным столпам капитализма: частной собственности и индивидуальной приватности.

Во-вторых, регресс предшествующей экономической системы обусловлен жесткими колебаниями неустойчивости ее ядра и периферии (защитного пояса), вследствие подрыва более прогрессивным макрообъектом. Капитализм представляет собой систему, основанную на саморасширении и постоянном накоплении капитала для глобальной товаризации. Тем самым происходит формирование осевой формы в структуре разделения труда между ядром и периферией, основанной на неэквивалентном обмене. Ядро – это зона поглощающая прибыль – метрополия; периферия – зона вымывания прибыли – колония. Соответственно (по М. Кастельсу), феномен глобализации обусловлен качественными сдвигами в системе производительных сил.

⁸ *Справка:* по мнению некоторых исследователей (например, И. Валлерстайн), текущей модели капитализма осталось существовать в фазе регресса еще порядка 30–40 лет.

В-третьих, в фазе регресса возникают как превращенные, так и переходные формы⁹ в структуре капиталистической экономики, продлевающие ее бытие и возвращающие ее в состояние динамического равновесия. Однако ранее доказано, что процесс эволюции протекает только в динамически неравновесных макрообъектах. Иначе – стагнация. Примером тому служит СССР времен Л. Брежнева и США в настоящее время. Марксом в I томе «Капитала» для обозначения рассогласования формы и содержания таких феноменов как заработная плата, рента, прибыль, было введено понятие «превращенная» форма. Была продемонстрирована природа товарного фетишизма, характерная именно для рыночно-капиталистического способа производства. Сейчас с уверенностью можно сказать, что и протопостиндустриальный способ производства также характеризуется наличием соответствующих форм: фиктивный, виртуальный капитал, Bitcoin и т.д. В отечественной литературе «превращенные» формы находились в фокусе исследования Ж.М. Абильдина, М.К. Мамардашвили, С.В. Рыбаченко и др.

Опираясь на многоуровневый уклад капиталистической экономики, которая может быть раскрыта сквозь призму трех ее основных компонент (материальная жизнь (примат материального над духовным), собственно рынок¹⁰ как *пространство обмена продуктами деятельности* и собственно капитализм как способ производства, основанный на использовании иерархии), а также аппретируя к диалектическим противоречиям системы в фазе регресса, мы видим, что капитал генерирует все более и более сложные мутантные формы. Подобного рода формы в системе общественных отношений, существенно тормозят развитие продуктивной деятельности как основы прогрессивных производительных сил в постиндустриальной системе XXI века. Сейчас существует значительный аналитический разрыв, в адаптации традиционных общественных отношений к вызовам постиндустрии.

В XXI веке нелинейный производственный цикл представляет собой магистральное направление – развитие в рамках перехода к постиндустриальной системе. По нашему мнению, ядром подобного рода развития являются помимо т.н. «принципов ESG» (Environmental, Social and Corporate Governance – экология, социальные проекты и корпоративное управление) также соответствующие технологии, завязанные на творческом труде, который есть ни что иное, как форма снятия противоречий в циркулярной экономике. Подобные противоречия есть следствие одновременно сосуществующих разнокачественных экономических систем.

Мутантные формы способствуют существенной коррекции динамики эволюционного замещения господствующей экономической системы, которая существенно снижается и в пределе может остановиться. Тем самым происходит коррекция ди-

⁹ *Справка:* отметим, что в переходных экономических системах вместо доминирующего экономического базиса, наблюдается господство политики и идеологии. Все это, однако, является диалектическим обстоятельством, которое разрешается (снимается) в ходе процесса исторического развития. Также помимо «превращенных» форм реализации социально-экономической сущности экономических отношений выделяются и деформированные, вызванные соответствующими мутациями. Подобные отношения в Советском Союзе стимулировали неформальные экономические взаимодействия. Причем подобные отношения формировались параллельно с развитием самой системы. Развитие деформированных форм в экономической системе значительно снижает ее воспроизводственный потенциал, провоцируют развитие структурных диспропорций, потери материальных и трудовых ресурсов и т.д.

¹⁰ *Справка:* рынок стал господствующим в XX веке. В основе рынка – противоречия внутри товара (противоречия потребительной стоимости и стоимости труда – К. Маркс). Товар – это конкретно-всеобщая категория, а рынок – форма товарного обмена.

алектического принципа эволюции: вместо самоподрыва устаревшими формами своего внутреннего содержания, происходит симуляция. В итоге: вместо качественно отличных от предыдущих, переходных форм, мы видим самовоспроизводящиеся мутантные структуры и макрообъекты (вместо сетевых инструментов *пострыночного* регулирования получаем мутантную форму рынка). Тем самым, снова мы приходим к пониманию, что объективным тормозом прогресса экономических систем, выступают мутантные производственные отношения.

Подводя черту под вышесказанным, отметим, что применение познавательного потенциала диалектического метода позволяет качественно представить диалектику регресса старых и генезиса новых экономических систем, а также сложность их нелинейных трансформаций. Это как нельзя более актуально, вследствие явно прослеживающегося в текущий исторический момент, фазного перехода текущей системы хозяйствования в более прогрессивную форму. Подобные флуктуации сопровождаются разного рода кризисами и конфликтами (внешний шок по Г. Демсецу). Наблюдается массовое обесценивание капитала в соответствии с законом убывающей отдачи – он «зависает» в сфере обращения; происходит дискретная рекомбинация материально-технического потенциала системы в соответствующие производительные силы, адекватные новой модели – постиндустриальной. Описанный выше эволюционный цикл не означает полное разрушение старой системы. В хозяйственной практике мы можем наблюдать одномоментное существование разнокачественных систем в рамках единого воспроизводственного контура.

Заключение

Проведенное исследование диалектического характера процесса эволюции экономических систем позволило получить следующие выводы, суть которых отражают следующие положения.

Во-первых, приведена система аргументов о том, что применение диалектического метода позволяет понять диалектику «заката» старых и «генезиса» новых экономических систем, а также сложность их нелинейных трансформаций. Именно диалектический метод позволяет показать качество развития экономической системы, т.к. это сложный объект исследования, существующий в объективной реальности в логике причинно-следственных связей.

Во-вторых, показано, что в основе механизма эволюционной динамики в периодически сменяемых экономических системах находится разрешение, диалектического противоречия, одномоментно существующих разнокачественных систем.

В-третьих, опираясь на познавательный потенциал диалектического метода, дополненного отдельными элементами системного подхода, представлена диалектика эволюции капиталистической (индустриальной) экономической системы в различных фазах своего бытия, которым дана соответствующая качественная характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

Ананьин О.К. Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 72-86.

Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Издательство: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. – 463 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: ЛЕНАНД, 2018. – 904 с.

Бурков В.Н., Новиков Д.А. Теория активных систем. Труды международной научно-практической конференции. М.: ИПУ РАН, 2009. – 314 с.

Выготский Л.С. Социалистическая переделка человека (оригинальная прижизненная публикация 1930 года) // Человек. 2016. № 4. С. 122-131.

Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. ИСП РАН, Российская Ассоциация Политической Науки. М.: ВЕСЬ МИР, 1998. – 164 с.

Голиченко О.Г. Российская инновационная система: проблемы развития // Вопросы экономики. 2004. № 12. С. 97-116.

Гребнев Л.С. Политическая экономия «по Марксу»: реанимация или развитие? // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 2. С. 9-11.

Гречко М.В. и др. Эволюция экономических систем: диалектика развития // Креативная экономика. 2022. Том 16. № 10. С. 3709-3726. <https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116421>

Долятовский В.А., Гречко М.В. Механизмы адаптивного управления вузом при изменениях рыночной ситуации. Экономический анализ: теория и практика. 2012. №13 (268). С. 40-45.

Зибер Н.И. Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» // Отечественные записки. 1877. № 11. С. 1-32.

Иншаков О.В. Эволюционный подход в стратегической трансформации экономических систем: общие принципы для различного масштаба // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 31(124). С. 3-10.

Кирдина С.Г., Холл Дж. Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Том 9. № 1. С. 6-26. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.006-026>

Клюкин П.Н., Васина Л.Л. Новое издание «Капитала» К. Маркса в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. № 4. С. 179-186.

Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 920 с.

Харазов Г.А. Введение в теоретическую политическую экономию: Лекции, читаемые на Экономическом факультете А.П.И. в 1923-1924 ак. г. / Проф. А.П.И. Г.А. Харазов. Баку, 1924. – 254 с.

Galbraith James K. et al. Inequality and Unemployment in Europe: The American Cure. New Left Review 237.1999. Pp. 28–51.

Gossen H.H. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, und der darausfließenden Regelfürmens chliches Handeln. Braunschweig: Friedrich Vieweg&Sohn, 1854. – 54 p.

Hodgson G.M. Darwinism, Causality and the Social Sciences // Journal of Economic Methodology. 2004. №11(2). Pp. 175-194.

Lane D. Unemployment and Transformation: Incidence, Policies and Remedies. Sotsiologiya (Kiev Academy of Sciences). 2014. № 1. Pp. 112-131.

Nelson R et al. Modern Evolutionary Economics: An Overview. Cambridge, United Kingdom; New York, NY. Cambridge University Press, 2018. – 272p. <https://doi.org/10.1017/9781108661928>

Информация об авторе

Михаил Викторович Гречко – кандидат экономических наук, доцент, доцент института туризма, сервиса и креативных индустрий, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

(E-mail: mvgrechko@inbox.ru) (ORCID 0000-0002-8196-3807) (elibrary AuthorID: 303065)

REFERENCES

Anan'in O.K. Karl Marx and his "Capital": from the nineteenth to the twenty-first century. *Voprosy ekonomiki=Problems of Economics*. 2007;(9):72-86. (In Russ.)

Batishchev G.S. Introduction to the Dialectics of Creation. SPb.: Publisher: Russian Christian Humanitarian Institute, 1997. – 463 p. (In Russ.)

Burkov V.N., Novikov D.A. Theory of active systems. Proceedings of the international scientific and practical conference. M.: MPI RAS, 2009. – 314 p. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global capital. T. 2: Theory: Global hegemony of capital and its limits. M.: LENAND, 2018. – 904 p. (In Russ.)

Dolyatovskij V.A., Grechko M.V. Mechanisms of adaptive management of higher education institution under changes in the market situation. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika=Economic analysis: theory and practice*. 2012;13(268):40-45. (In Russ.)

Galkin A.A., Krasin YU.A. Russia at the crossroads. Authoritarianism or Democracy: Options for Development. ISP RAS. Russian Association of Political Science. M.: THE WHOLE WORLD, 1998. – 164 p. (In Russ.)

Golichenko O.G. Russian Innovation System: Problems of Development. *Voprosy ekonomiki=Problems of Economics*. 2004;(12):97-116. (In Russ.)

Grebnev L.S. Political economy «according to Marx»: resuscitation or development? *Terra Economicus*. 2012;10(2):9-11. (In Russ.)

Grechko M.V. et al. Evolution of economic systems: dialectics of development. *Kreativnaya ekonomika=Creative Economy*. 2022;16(10):3709-3726. <https://doi.org/10.18334/ce.16.10.116421> (In Russ.)

Harazov G.A. Introduction to Theoretical Political Economy: Lectures delivered at the Faculty of Economics of A.P.I. in 1923-1924. Prof. A.P.I. G.A. Kharazov. Baku, 1924. – 254 p. (In Russ.)

Inshakov O.V. Evolutionary Approach in Strategic Transformation of Economic Systems: General Principles for Different Scale. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'=National Interests: Priorities and Security*. 2011;31(124):3-10. (In Russ.)

Kirdina S.G., Holl Dzh. Cooperation versus competition in the works of Russian evolutionists. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij=Journal of Institutional Studies*. 2017;9(1):6-26. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.006-026> (In Russ.)

Klyukin P.N., Vasina L.L. New edition of K. Marx's "Capital" in Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk=Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2012;(4):179-186. (In Russ.)

Marks K., *Engel's F. Capital*. Т. 1. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 23. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1960. – 920 p. (In Russ.)

Vygotskij L.S. The Socialist Remaking of Man (original 1930 lifetime publication). *СHеловек=Man*. 2016;(4):122-131. (In Russ.)

Ziber H.I. Some remarks on the article by Mr. Y. Zhukovsky «Karl Marx and his book on capital». *Otechestvennye zapiski=Fatherland Notes*. 1877;(11):1-32. (In Russ.)

Galbraith James K. et al. Inequality and Unemployment in Europe: The American Cure. *New Left Review*. 1999;(237):28-51.

Gossen H.H. Development of the laws of human intercourse, and the rules of human action flowing therefrom. Braunschweig: Friedrich Vieweg&Sohn, 1854. – 295 p.

Hodgson G.M. Darwinism, Causality and the Social Sciences. *Journal of Economic Methodology*. 2004;11(2):175–194.

Lane D. Unemployment and Transformation: Incidence, Policies and Remedies. *Sot-siologiya (Kiev Academy of Sciences)*. 2014;(1):112-131.

Nelson R. et al. *Modern Evolutionary Economics: An Overview*. Cambridge, United Kingdom; New York, NY. Cambridge University Press, 2018. – 272 p. <https://doi.org/10.1017/9781108661928>

Information about the author

Mikhail V. Grechko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of Tourism, Service and Creative Industries. Federal state Autonomous educational institution of higher education «Southern Federal University», Rostov-on-Don, Russia (E-mail: mvgrechko@inbox.ru) (ORCID 0000-0002-8196-3807) (elibrary AuthorID: 303065)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2023; одобрена после рецензирования: 10.07.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

УДК: 339.9

DOI: 10.5281/zenodo.8320072 <https://zenodo.org/record/8320072>

ТЕОРИЯ СУБИМПЕРИЛИЗМА И ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ТНК

Олег Олегович Комолов¹

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики РАН, Москва, Россия, (oleg_komolov@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-6944-7925)

Ключевые слова: империализм, вывоз капитала, В.И. Ленин, Дж. Арриги, Россия, Китай, субимпериализм

Для цитирования: Комолов О.О. Теория субимпериализма и влияние новых тенденций в мировой экономике на деятельность российских ТНК // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 131-144.

THE THEORY OF SUB-IMPERIALISM AND THE INFLUENCE OF NEW TRENDS IN THE WORLD ECONOMY ON THE ACTIVITY OF RUSSIAN TRANSNATIONAL CORPORATIONS

Oleg O. Komolov

PhD in Economics, Senior Research Fellow, Center for Research on International Macroeconomics and Foreign Economic Relations, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, (oleg_komolov@mail.ru), (ORCID: 0000-0001-6944-7925)

Keywords: imperialism, V.I. Lenin, export of capital, G. Arrighi, Russia, China, sub-imperialism

For citation: Komolov O.O. The theory of sub-imperialism and the influence of new trends in the world economy on the activity of Russian transnational corporations. Problems in Political Economy. 2023;3(35):131-144.

JEL codes: F51, F54.

Период деглобализации мировой экономики, берущий начало от мирового экономического кризиса 2007-2009 г. продолжается уже 14 лет. Государства все чаще прибегают к протекционистским мерам в экономической политике, ужесточаются санкционные режимы, все более агрессивный характер приобретает риторика дипломатии, а там, где за столом переговоров решить проблемы не удается в ход идет последний аргумент – применение вооруженных сил. Крупнейшие акторы мировой капиталистической системы вновь вступили в борьбу за передел мира

¹ © Комолов О.О., 2023.

(Маслов, 2019, с. 44). В марксистской академической традиции такие противоречия принято называть империалистическими. Тем временем роль каждого из участников этой схватки требует отдельной оценки с учетом как особенностей развития мировой экономики первой четверти XXI в., так и эволюции марксистского понимания империализма с того момента, как данное явление было описано теоретиками в начале XX в.

Основоположник марксистской теории империализма – В.И. Ленин. Объектом его исследования стал капитализм, вступивший на качественно новую ступень своего развития – империализм. Закономерное следствие рыночной конкуренции и закона накопления капитала – монополизация экономики – видоизменило международные экономические отношения (Ленин, 1969, с. 360). В условиях империализма происходит слияние банковского и промышленного капитала, образование на основе их симбиоза монопольного финансового капитала, концентрация под его контролем собственности на природные ресурсы, правовой монополии на патенты и средства транспорта. Завершение территориального раздела мира крупнейшими капиталистическими державами обеспечивает условия для эксплуатации колоний метрополиями, которые начинают использовать их в большей степени как место приложения капитала, чем рынок сбыта в условиях проблемы перенакопления. (Там же, с. 350).

Попыткой решить проблему перенакопления становится экспорт капитала – вывоз стоимости, предназначенной для производства прибавочной стоимости за границей. Борьба за рынки сбыта обретает форму конкуренции за места приложения ссудного капитала. Одновременно нарастает экспорт капитала в производительной форме. Локализация производства в отсталой стране повышает спрос со стороны местного населения. Страны-лидеры капиталистического мира – Германия и США, где монополистические процессы продвинулись дальше, – выступают в роли экспортеров производительного капитала. Англия и Франция, в которых промышленное развитие замедлилось в конце XIX – начале XX в., благодаря накопленным ранее богатствам осуществляли экспорт преимущественно ссудного капитала. 26 апреля 1917 г. ленинская работа об империализме была опубликована в издательстве «Парус». Редакция, в руководстве которой были члены меньшевистского крыла РСДРП, внесла правки в текст, удалив из него резкую критику Каутского и Мартова, заменила слово «перерастание» (капитализма в империализм) на «превращение»; «реакционный характер» (теории «ультраимпериализма») заменила словами «отсталый характер» и т.д. Наконец, сама книга вышла в свет под названием «Империализм, как новейший этап капитализма (Популярный очерк)» (Ленин, 1969, с. 521). В поздних изданиях искажения были исправлены, однако идея того, что империализм не является последней ступенью эволюции капиталистического способа производства, требует сегодня особого осмысления.

Развитие этого тезиса происходило в рамках мир-системного анализа. С. Амин экономические связи между странами в условиях глобализации капитализма объяснял через теорию «империалистической ренты» (Амин, 2016, с. 12). Ее теоретической основой является различие цен и стоимостей товаров в модели Маркса о превращении стоимости в цену производства. Диспропорция и асимметрия цен в мировой торговле возникает потому, что отрасли с высоким органическим строением капитала продают товар по ценам, превосходящим стоимость. Отрасли с низким органическим строением – ниже стоимости.

Важной стороной методологии мир-системного анализа является признание циклического характера истории капитализма. Наиболее последовательно циклический характер эволюции систем общественного устройства описан в работах итальянского экономиста Дж. Арриги. Рассматривая становление и развитие капитализма как мир-системы, он выделил несколько системных циклов накопления капитала, состоящих из двух фаз: накопления материального капитала и финансовой экспансии, которые он строит по известной формуле Маркса ($D - T - D'$). (Арриги, 2006, с. 44). Арриги выделил четыре системных цикла накопления: генуэзский, голландский, британский и американский цикл, который начался в конце XIX века и продолжается на нынешней фазе финансовой экспансии. В каждом цикле он определил точки качественного изменения системы, которые выражают момент наступления кризисов двух типов: сигнального (переход системы из фазы материальной экспансии в финансовую) и терминального (переход к следующему циклу накопления с доминированием нового гегемона глобального капитализма).

Последовательность смены гегемонов после терминальных кризисов и сокращение продолжительности системных циклов накопления позволило Арриги сделать предположение о неизбежном завершении американского цикла накопления и политического господства США в мире. Окончательное утверждение американского капитала в роли нового гегемона произошло в 1930–1940-е гг. в форме Великой депрессии и Второй мировой войны. Эти события ознаменовали собой окончательное завершение британского СЦНК. Стадия его материальной фазы была описана Марксом в «Капитале», а упомянутая выше теория империализма Ленина описывала противоречия его финансовой экспансии. Интеграция подходов Арриги и Ленина позволяет составить более полную картину о динамике развития капиталистической экономики. Сращивание банковского и промышленного капитала, замещение метрополиями экспорта товаров экспортом капитала в конце XIX – начале XX в. свидетельствовало о движении мировой экономики в сторону финансовой экспансии. Таким образом, события того времени свидетельствовали о переходе в завершающую стадию не всего капитализма как способа производства, а лишь его британского цикла накопления. Капитализм продолжил свое развитие, сменив глобального гегемона. Из этого следует вывод, что капиталистическая экономика способна преодолевать такие кризисы при наличии резервов, т.е. те страны мира, которые еще в полной мере не прошли этап индустриализации и обладают значительными резервами дешевой рабочей силы. За счет их включения в международное разделение труда система теоретически может получить дополнительный потенциал расширения, и капитализм перейдет в новый СЦНК. Эту логику можно перенести и на современность. Период деглобализации и обострение империалистических противоречий в XXI в. являет собой терминальный кризис американского системного цикла накопления, его завершающую стадию. Результат происходящего на наших глазах нового передела сфер влияния в мировой экономике даст ответ на вопрос о структуре нового системного цикла накопления капитала и его гегемоне.

Описывая феномен «нового империализма», который сочетает в себе черты классического империализма и неолиберальной глобализации последних десятилетий, А.В. Бузгалин выделяет следующие его уникальные черты: 1) объектом империализма становятся не аграрные общества, а страны периферии, встроены

ные в международное разделения труда; 2) формальное равноправие акторов мировой экономики как следствие распада колониальных отношений и единые «правила игры», которые устанавливаются международными организациями; 3) вывоз капитала сопровождается обретением империалистами контроля как над технологиями и финансовыми системами периферийных стран, так и над мировой финансовой системой и дает возможность извлекать империалистическую ренту (Бузгалин, 2017, с. 34-36).

Еще одно важное отличие «нового империализма» заключается в том, что он развивается в условиях расширения «монополистической плановости»: тысячи предприятий в разных частях света работают не на неизвестный им рынок, а по заранее сложенному плану. При этом транснациональный капитал формулирует вокруг себя «поле зависимости» и осуществляет локальное воздействие на основные параметры как страны-реципиента капитала, так и на мировой рынок в целом (Сергеев, 2022, с. 54). Таким образом, такой традиционный признак империализма как вывоз капитала необходимо рассматривать в контексте обретения корпоративным капиталом монопольного положения на рынке страны-объекта империалистической экспансии. Однако это не означает, что вывоз капитала – это явление, свойственно только передовым, самым промышленно развитым экономикам современного мира. Бизнес любой страны стремится к внешней экспансии. При этом не у всех хватает для этого как самого свободного капитала, так и возможностей для его приложения во вне. Таким образом, масштабы вывоза капитала будут отражать насколько империалистическим является характер капитала страны и, как следствие, его поведения на мировых рынках и степень вовлеченности государства в защиту, вывезенного во вне капитала.

Южноафриканский марксист и представитель школы мир-системного анализа Патрик Бонд, развивая понятие «субимпериалистов», раскрывает его на примере объединения БРИКС, куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка (Bond, 2021²). В мировой капиталистической иерархии они находятся ниже империалистов, уступая им в экономической мощи и политическом влиянии. Однако в своих ограниченных подконтрольных территориях, куда входят еще менее развитые страны, они берут на вооружение практики, схожие с теми, что применяют империалисты. Путем вывоза капитала в отдаленные регионы они получают возможность извлекать империалистическую ренту – т.е. безвозмездно присваивать часть прибавочной стоимости, созданной трудом рабочих менее развитых стран. Между тем, возможности по эксплуатации бедных стран у субимпериалистов в целом ограничены в сравнении с классическими империалистами, принадлежащих к «центру» мирового капитализма. Поэтому они компенсируют недополученную за рубежом прибыль более жестоким угнетением трудящихся в своих странах. Это явление называется внутренней девальвацией, которая проявляет себя в постоянно проводимой политике жесткой экономии, которая включает в себя высокие налоги на домохозяйства и низкие – на бизнес, сокращение расходов на образование и науку, угнетение профсоюзов, искусственное занижение курса национальной валюты. Все эти чисто периферийные практики соседствуют с обширными экономическими интересами во вне и формируют феномен субимпериализма.

² Bond P. Western Imperialism and the Role of Sub-imperialism in the Global South // Committee for the Abolition of Illegitimate Debt. URL: <http://www.cadtm.org/Western-Imperialism-and-the-Role-of-Sub-imperialism-in-the-Global-South>, 13.01.2021 (дата обращения: 07.07.2023).

Для того, чтобы отнести страну к той или иной группе империалистов необходимо оценить степень интенсивности вывоза капитала (см. рисунок 1).

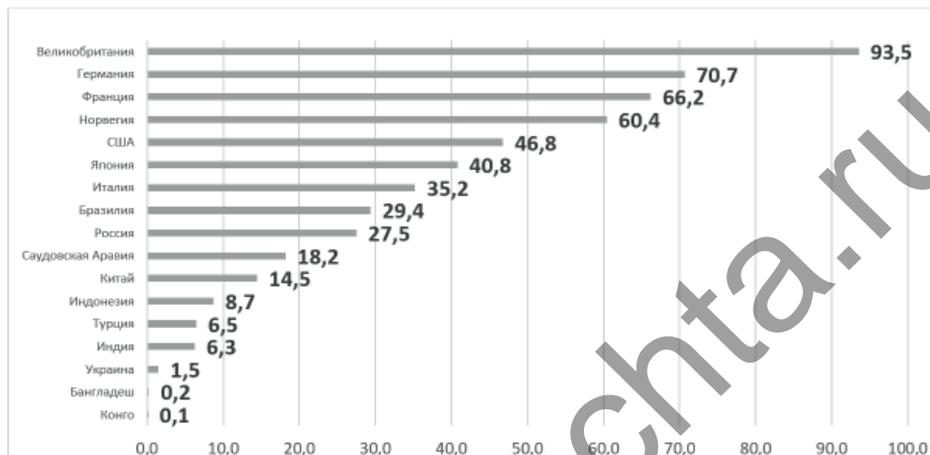

Рисунок 1. Отношение накопленных исходящих прямых инвестиций к ВВП (2020 г., %)

Источник: Составлено автором на основании данных FDI stocks // OECD <https://data.oecd.org/fdi/fdi-stocks.htm> (дата обращения: 07.07.2023) и GDP (current US\$) // World Bank <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 07.07.2023).

На диаграмме представлены страны, ранжированные по отношению накопленных прямых иностранных инвестиций за рубежом к их валовому внутреннему продукту. На первых строчках ожидаемо расположились крупнейшие империалисты страны Европы, США и Япония. За ними следует группа субимпериалистов – Бразилия, Россия, Китай, Саудовская Аравия, Турция. В конце рейтинга для примера приведены Украина и Бангладеш, которые относятся к группе чисто периферийных экономик. Подобные страны почти не проявляют инвестиционной активности за рубежом. Чем большие объемы прямых инвестиций отправлены страной во внешний мир, тем больше усилий – в политическом, дипломатическом и военном отношении – будут применять их национальные государства для защиты своих интересов.

Китай является характерным примером субимпериалиста, капитал которого борется за расширение сферы своего влияния в Латинской Америке, Африке и Азии. Например, в Африке, где действует программа «Помощь в обмен на ресурсы» КНР инвестирует в инфраструктуру региона для импорта ресурсов из африканских стран. Подобные проекты, как правило, закрепляют за китайским капиталом привилегированное положение в этих регионах, в том числе за счет закрепления определенных условий по стандартам, нормативам, техническим требованиям, способам финансирования и т.д. То есть принимающие экономики вынуждены следовать заданным Китаем стандартам. Страны-реципиенты уже не смогут быстро переключиться на других поставщиков, поскольку для них возрастут издержки по их интеграции, переучиванию рабочих, внедрению новых стандартов и т.д. (Абдулов и др., 2021, с. 87). Такие инвестиции являются частью масштабного инфраструктурного проекта Китая «Один пояс – один путь», который соединит промышленность КНР с крупнейшими рынками сбыта, в первую очередь – европейским.

В терминологии британского марксиста Дэвида Харви китайский капитал создает свою «пространственно-временную фиксацию» для глобального накопления капитала (Harvey, 2003, p. 54). Этот термин означает инфраструктуру, позволяющую доминировать в торговле, прямых инвестициях, эффективно эксплуатировать дешевую рабочую силу в других странах, то есть создавать благоприятные условия для национального капитала за рубежом капитала. В то же время двойственный, субимпериалистический характер экономики КНР определяется также высокой зависимостью от внешних рынков, финансовые отношения с которыми подчинены международной гегемонии доллара США.

Как писали в 2016 г. А.В. Бугалин и др., «некоторые из полупериферийных стран, и в частности Россия, пытаются использовать аналогичные империалистическим механизмы давления на своих более слабых соседей». При этом «империалистическая агрессия начинается с того момента, когда накопленный с избытком в рамках национальной экономической системы сверхкрупный [...] транснациональный капитал выходит на мировой рынок как субъект манипулирования некоторыми сегментами мировых экономических процессов» (Бугалин и др., 2016, с. 77). События 2022 – 2023 гг., а ранее 2014 - 2015 гг. показали, что российский капитал не только способен распространять свое влияние на внешние рынки, но и, вступая в связь с государством, отстаивать свои интересы военным путем. Кроме того, прямые инвестиции российских корпораций за рубеж носили экспансионистский характер и были направлены не на простое приложение избыточного капитала во вне, а на завоевание доминирующего положения на внешних рынках как слабых соседних стран постсоветского пространства, так и рынков «центра» мирового капитализма.

Российский бизнес уступает по своим возможностям и амбициям европейскому и американскому. Однако среди российских компаний есть и транснациональные корпорации, которые распространяют экономическое влияния на слабые и отсталые регионы. Так, российские корпорации доминируют на рынке капитала СНГ. Об этом свидетельствуют данные мониторинга взаимных инвестиций, которые публикует Евразийский банк развития (ЕБР)³. Итак, общий объем взаимных прямых инвестиций между странами СНГ в 2022 году составил 44,5 млрд долларов. Почти 80% этой суммы приходится на российские корпорации. Инвестиционная активность в пространстве СНГ существенно снизилась в последнее время. В 2012 году объем накопленных инвестиций составлял почти 55 млрд долларов. С учетом долларовой инфляции в 2022 году эта сумма соответствовала почти 70 млрд. Но на деле инвестиции даже упали до 44 млрд. Это стало следствием замедлением темпов экономического роста на постсоветском пространстве после кризиса 2014 года. Национальные валюты существенно обесценились к доллару, а темпы роста ВВП держатся с тех пор на около нулевой отметке. Отраслевая структура инвестиций довольно разнообразна: нефтегазовый сектор, транспорт, финансы, химическая промышленность, металлургия. Российский капитал ожидаемо доминирует в большинстве крупных сделок. Остальные страны СНГ, за исключением Казахстана и Азербайджана, занимаются лишь небольшими капиталовложениями в проекты

³ Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР, Евразийский банк развития, 2022, Доклады и рабочие документы 22/5, с. 5. URL: https://eabr.org/upload/iblock/d2b/EDB_2022_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf (дата обращения: 09.07.2023)

от 1 до 20 млн долларов⁴. Расчеты ЕБР показывают, что в 2022 году основным местом приложения инвестиций в СНГ был Казахстан – там накоплено более 10 млрд долларов прямых капиталовложений. На втором месте Узбекистан – 9 млрд и Белоруссия – 5,5 млрд. Но 10 лет назад все было по-другому. Лидировала Украина, в которую странами СНГ было вложено более 17 млрд. долларов – значительная сумма – около 10% ВВП страны. В основном эти активы имели российское происхождение⁵.

По оценкам Н.А. Навроцкой и Н.Ю. Сопилко, (Навроцкая, Сопилко, 2013, с. 46) в украинскую экономику инвестировали многие крупные российские компании. В 2012 году, т.е. до политического переворота 2014 г. в Украине, в нефтегазовом секторе значительными активами на Украине обладали ЛУКОЙЛ, Татнефть, ТНК-ВР и Альфа-групп. В электроэнергетике Украины господствовали Газпром, Силовые машины, Энерджи стандарт, Альфа-групп, Группа «Лужники», Рук-ком и другие. В металлургии и горнодобывающей промышленности крупнейшими инвесторами на Украине был Русал, Рособоронэкспорт, компании Северсталь, Евраз, Ренова, Смарт-холдинг, группа Лужники и Смарт-Холдинг. В украинском машиностроении значительную роль играли ГАЗ, УАЗ, Трансмашхолдинг, Атомэнергомаш, Смарт холдинг и Энергетический стандарт. В строительной отрасли доминировали инвестиции Росатома и Смарт холдинга. Рядом украинских банков владели Альфа-групп, Сбербанк, ВТБ, ВЭБ, Банк Москвы, ЛУКОЙЛ, Национальная резервная компания, Тройка Диалог, Ренессанс Капитал, группа Лужники и другие крупные российские инвесторы. А сфере телекоммуникаций один только Вымпелком вложил в бизнес-проекты на Украине более 3 млрд долларов, а кроме него местный рынок осваивали МТС и Мегафон. Характерно географическое распределение российских инвестиций на Украине. До 2014 года на первом месте, ожидаемо, расположилась столица Украины – Киев вместе с областью. За ними следуют территории Юго-Востока Украины – Луганская, Донецкая и Днепропетровская, Запорожская области, а также Крым. Эти территории в дальнейшем стали объектом военного столкновения РФ и Украины, поддерживаемой силами НАТО.

После событий 2014 г., положение российского капитала на Украине пошатнулось. Заняв президентское кресло, Петр Порошенко запретил компаниям из России участвовать в приватизации государственного имущества, а правительство стало последовательно усложнять жизнь российскому бизнесу, вытесняя его из страны, вынуждая продавать свои активы с большим дисконтом и даже напрямую национализировав их. Так, в 2014 г. под давлением силовиков, налоговой и неформальных боевых отрядов ЛУКОЙЛу пришлось продать сеть из 240 автозаправочных станций австрийской компании AMIC Energy Management. Позже компания олигарха Алекперова продала нефтехимический завод «Лукор» и химкомбинат «Карпатнефтехим» – свой последний актив на Украине⁶.

Компания ВСМПО-АВИСМА, подконтрольная Ростеху, лишилась Демуриновского горно-обогательного комбината⁷. Одесский нефтеперерабатывающий завод,

⁴ Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР, Евразийский банк развития, 2022, Доклады и рабочие документы 22/5 с. 7. URL: https://eabr.org/upload/iblock/d2b/EDB_2022_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf (дата обращения: 09.07.2023).

⁵ Там же, с. 16 (дата обращения: 09.07.2023).

⁶ <https://iz.ru/news/574639> (дата обращения: 09.07.2023).

⁷ <https://www.newsko.ru/news/nk-1469523.html> (дата обращения: 09.07.2023).

когда-то принадлежавший ЛУКОЙЛу и ВТБ был национализирован⁸. X5 Retail Group, продала сеть супермаркетов «Перекресток» украинской компании VARUS⁹. Избавиться от украинских активов вынудили «Росгосстрах» и ресторанный компанию «Росинтер»¹⁰. «Северсталь» продала завод металлоизделий Днепрометиз¹¹. У Транснефти конфисковали «Прикарпат-Западтранс»¹². Миллиардер Яковлев был вынужден закрыть свою сеть магазинов Эльдорадо¹³. Российский Первый канал продал украинским собственникам 29% телеканала «Интер»¹⁴. «ЮТэйр» лишилась своего украинского авиатранспортного подразделения¹⁵, а «МТС Украина» передала часть своего бизнеса украинскому оператору Vega¹⁶. Запорожский алюминиевый комбинат, принадлежащий «РУСАЛу»¹⁷, был национализирован. Так же, как Шполянский завод запасных частей, находившийся в собственности «Трансмашхолдинга»¹⁸. «Альфа-Банк», несмотря на формальную регистрацию в ЕС (на Кипре) вынужденно продал свой крупный украинский актив – «Неос банк»¹⁹, а российская финансовая структура «Тройка Диалог» уступила украинское подразделение киевскому контрагенту²⁰. В 2018 году в Верховную раду был внесен законопроект, дающий правительству право национализации активов, принадлежащих российским собственникам. Закон долгое время не принимали, очевидно опасаясь ответных действий России. Однако уже 1 апреля 2022 г., после начала СВО Рада приняла закон о национализации имущества россиян на Украине.

Однако не только на СНГ распространялись интересы российского капитала. Целый ряд российских ТНК осуществляют прямые инвестиции далеко за пределами постсоветского пространства. В 2000-е годы рост цен на нефть и другие сырьевые товары привел к насыщению российского рынка иностранной валютой. Ее получателями стали преимущественно компании-экспортеры в нефтегазовом секторе, металлургии, химической промышленности. Государство отменило для них требование обязательной продажи валютной выручки на внутреннем рынке и не препятствовало ее выводу за рубеж. В результате отток капитала из страны составлял десятки, а в некоторые годы – сотни миллиардов долларов. Около двух третей этих средств уходили в офшоры и расходовались на роскошное потребление элит. (Комолов, 2019, р. 331). При этом одна треть направлялась в экономики других стран в виде прямых инвестиций, обеспечивая продвижение российского бизнеса за рубежом. Такие инвестиции не только расширяли присутствие российского

⁸ <https://www.rbc.ru/business/19/06/2017/5947ba779a794738d5cb0641> (дата обращения: 11.07.2023).

⁹ <https://www.x5.ru/ru/news/h5-prodala-supermarkety-perekrestok/> (дата обращения: 11.07.2023).

¹⁰ <https://www.epravda.com.ua/rus/news/2015/11/4/565902/> (дата обращения: 11.07.2023).

¹¹ <https://www.interfax.ru/business/584947> (дата обращения: 11.07.2023).

¹² <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/03/16/633716-transneft-prodala-nefteproduktprovodi-ukraine> (дата обращения: 11.07.2023).

¹³ <https://www.forbes.ru/news/44022-yakovlev-promenyal-eldorado-na-domashnii-interer> (дата обращения: 11.07.2023).

¹⁴ <https://www.rbc.ru/business/03/02/2015/54d07cc89a7947b50e31c371> (дата обращения: 11.07.2023).

¹⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/2822624> (дата обращения: 11.07.2023).

¹⁶ <https://itc.ua/news/mts-ukraina-prodal-kompanii-vega-biznes-fiksirovannogo-svyazi-chtobyi-sosredotochitsya-na-sozdanii-3g-seti/> (дата обращения: 11.07.2023).

¹⁷ <https://www.kommersant.ru/doc/2745814> (дата обращения: 11.07.2023).

¹⁸ <https://www.kommersant.ru/doc/2726138> (дата обращения: 11.07.2023).

¹⁹ https://ukrudprom.ua/news/Vladeltsi_Alfabanka_prodali_Neos_Bank_gruppe_investorov.html (дата обращения: 11.07.2023).

²⁰ <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=8109891> (дата обращения: 11.07.2023).

капитала в других странах, но и обеспечивали его доминирующее положение на отдельных рынках, в т.ч. стран «центра». К таковым относятся в первую очередь инвестиции компаний ЛУКОЙЛ, Роснефть и Газпром.

Так, география бизнеса крупнейшей российской ТНК – ЛУКОЙЛ – захватывает далеко не только пространство СНГ, но и Западную и Северную Европу, Африку, Северную Америку и Азию. В группу ЛУКОЙЛа входит геологоразведка, добыча, переработка, оптовая и розничная реализация газа, нефти и нефтепродуктов – около 2% мирового рынка. Так, в последние годы компания владела крупными нефтеперерабатывающими предприятиями в Болгарии, Румынии, Нидерландах, а в Италии под контролем российских олигархов оказался НПЗ ISAB – третий в Европе по объему переработки²¹.

Еще одна международная корпорация, базирующаяся в России – Роснефть. На пике география ее бизнеса включала 25 стран мира в Европе, Америке, Африке и Азии. По контролируемым запасам углеводородов Роснефть опережала многие крупные западные компании. Например, в Германии компания владела долями от 24% до 54% в трех нефтеперегонных заводах через «дочку» Rosneft Deutschland. Роснефть контролировала более 12% нефтеперерабатывающих мощностей страны и занимала третье место по объемам нефтепереработки в Германии – 12,5 млн т. нефти в год. В Индии Роснефть владела половиной второго по размеру НПЗ Вадинар, с мощностью переработки 20 млн т. нефти в год. В Египте компания получила в собственность 30% в разработке газового месторождения Зохран. В Венесуэле еще с 2008 года Роснефть совместно с ТНК–BP, ЛУКОЙЛом, «Сургутнефтегазом» и «Газпромнефтью» принялась осваивать нефтяные месторождения. В Бразилии, Вьетнаме, Мозамбике – везде Роснефть приобретала большие доли проектов по добыче местных природных ресурсов²².

Другой энергетический гигант из России – Газпром – до 2022 г. контролировал 40% газового рынка Европы. Не только в СНГ, но и в Африке, на Ближнем Востоке, в центральной и Южной Америке Газпром занимался разведкой углеводородов, добычей газа и нефти, их транспортировкой и хранением, переработкой и сбытом, а также производством электрической и тепловой энергии²³. Бизнес-компания Газпромнефть представлен в 110 странах, в т.ч. в Африке и Азии. В 6 странах расположены ее добывающие и производственные активы²⁴.

Компания Русал до недавнего времени присутствовала в 13 странах на пяти континентах. Она имеет в собственности алюминиевые заводы в Швеции и Нигерии, добывает бокситы в Гвинее и Гайане, владеет глиноземными производствами в Австралии, Италии, Ирландии и Ямайке²⁵. Группа НЛМК купила прокатные активы в самих Соединенных Штатах, а еще во Франции, Италии, Дании и Индии²⁶. Наконец, Норильский Никель открыл дочерние подразделения, занимавшиеся сбытом продукции в США, Швейцарии, Китае²⁷.

²¹ <https://lukoil.ru/FileSystem/9/577502.pdf> (дата обращения: 12.07.2023).

²² <https://www.rosneft.ru/about/Glance/> (дата обращения: 11.07.2023).

²³ <https://spetsgazavtotrans.gazprom.ru/about/geografiya-deyatelnosti-kompani/> (дата обращения: 12.07.2023).

²⁴ <https://www.gazprom-neft.ru/company/about/at-a-glance/> (дата обращения: 12.07.2023).

²⁵ <https://rusal.ru/about/> (дата обращения: 12.07.2023).

²⁶ <https://nlmk.com/ru/about/map-of-assets/> (дата обращения: 12.07.2023).

²⁷ <https://www.nornickel.ru/business/on-the-map/> (дата обращения: 12.07.2023).

Эти примеры, конечно, раскрывают лишь часть зарубежных активов российских транснациональных корпораций. Особо бурными темпами вывоз капитала рос до кризиса 2008 года (см. рисунок 2).

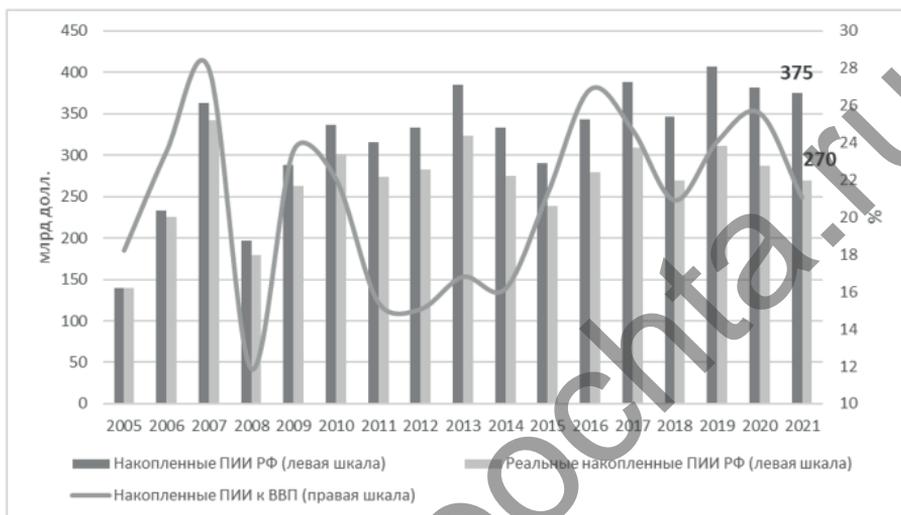

Рисунок 2. Накопленные прямые иностранные инвестиции РФ за рубежом.

Источник: Составлено автором на основании данных UNCTAD, URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740> (дата обращения: 12.07.2023).

Тогда объем накопленных иностранных инвестиций в реальном выражении достиг максимума в 363 млрд долларов, что равнялось 28% ВВП страны. Однако мировой капитализм от торжества глобализма перешел в состояние деглобализации, порожденной непреодоленными последствиями мирового кризиса. Международные экономические связи были ограничены протекционистской политикой государств, которые пытались административным путем создать благоприятные условия национальному капиталу. Одним из самых популярных инструментов борьбы за передел рынков и собственности стали санкции. Западные страны ввели их против России после присоединения Крыма и далее несколько раз ужесточали. В итоге объем российских накопленных прямых инвестиций за рубежом в реальном выражении сократился к 2021 году на четверть.

Многие компании из России потеряли заграничный бизнес. Например, в 2020 году Роснефть, контролировавшая более 50% нефтедобычи в Венесуэле, ушла из страны под давлением санкций²⁸. Активы были проданы другой российской компании «Росзарубежнефть», но производственный процесс был нарушен. Уже несколько лет в замороженном состоянии находится геологоразведочный проект Роснефти «Солимоинс» в Бразилии²⁹. В 2018 году Роснефти пришлось отказаться работы в Иране. Из-за американских санкций сотрудничество с местными компаниями приостановили также «ЛУКОЙЛ», «Газпром нефть» и «Татнефть»³⁰. ЛУКОЙЛ

²⁸ <https://www.kommersant.ru/doc/4307868> (дата обращения: 12.07.2023).

²⁹ <https://www.bfm.ru/news/402036> (дата обращения: 12.07.2023).

³⁰ <https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/640107-lukoil-vykhodit-iz-proekta-po-osvoeniyu-bloka-trident-na-shelfe-rumynii/> (дата обращения: 12.07.2023).

вышел из проекта по освоению месторождения газа на шельфе Румынии в Черном море³¹. Роснефти пришлось покинуть проект освоения шельфа в Гане³² и работ в Кот-д'Ивуаре, где корпорация работала на шельфовых глубоководных проектах с 2006 года³³. Компания Алекперова вышла из проекта с Saudi Aramco в Саудовской Аравии³⁴. Кроме того, она полностью лишилась розничного бизнеса в Восточной Европе, продав около две с половиной сотни заправок в Литве, Латвии и Польше³⁵. Газпром под давлением властей покинул совместное предприятие с крупнейшей болгарской газовой компанией Overgas и лишился доли в газотранспортной сети Польши. В 2018 году «Нафтогаз» Украины в ходе коммерческого спора добился заморозки активов «Газпрома» в Англии и Уэльсе³⁶. Эти наиболее яркие примеры передела рынков описывают политико-экономическую обстановку, в которой обострялись противоречия между российским и западным капиталом. После начала СВО на Украине давление усилилось. Так, в 2022 году Германия национализировала дочернее предприятие «Газпрома» Gazprom Germania, а также три нефтеперерабатывающих завода «Роснефти», в том числе гигантский НПЗ в Шведе³⁷. В Италии ЛУКОЙЛ обязали продать завод ISAB американской энергетической компании³⁸. Российские металлурги лишились европейского рынка сбыта и потеряли многие активы за рубежом³⁹. В результате доминирующее положение российских компаний ТЭК на европейском рынке было утрачено.

Империализм, как утверждал В.И. Ленин, является таким этапом в развитии капитализма, когда сращивание государств с корпорациями переносит борьбу капиталов на международный уровень. При этом обострение и смягчение империалистической политики государств связано с периодами турбулентности в мировой экономике. Есть ли финал у этого движения? В споре с В.И. Лениным Р. Люксембург настаивала на возможности автоматического краха капитализма. Он произойдет тогда, когда товарное производство охватит всю периферию и в мире уже не останется стран, не включенных в международное разделение труда. Однако исторические реалии развития капитализма показывают, что гегемон способен самостоятельно создавать себе периферию, разрушая национальные экономики вооруженным путем или подчиняя их политически. Так на капиталистическую периферию в результате поражения в холодной войне попали страны социалистического лагеря, давно прошедшие процесс индустриализации и имевшие развитые, диверсифицированные экономики. Примеры Ливии, Югославии и других стран, разрушенных в результате военной агрессии гегемона, красноречиво говорят: ни

³¹ <https://neftegaz.ru/news/dobycha/230122-lukoyl-pokinet-proekt-deep-water-tano-cape-three-points-v-gane-sotrudnichestvo-s-hess-prodolzhitsya/> (дата обращения: 12.07.2023).

³² <https://neftegaz.ru/news/dobycha/230122-lukoyl-pokinet-proekt-deep-water-tano-cape-three-points-v-gane-sotrudnichestvo-s-hess-prodolzhitsya/> (дата обращения: 12.07.2023).

³³ <https://www.interfax.ru/business/489824> (дата обращения: 12.07.2023).

³⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/2910596> (дата обращения: 12.07.2023).

³⁵ <https://www.interfax.ru/business/748415> (дата обращения: 13.07.2023).

³⁶ https://quote.rbc.ru/news/investment_idea/5b2a1eff9a7947b58ac05425 (дата обращения: 15.07.2023).

³⁷ <https://www.forbes.ru/finansy/477285-germania-ob-avila-o-konfiskacii-nemeckih-aktivov-rosnefti> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁸ <https://www.bfm.ru/news/516732> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁹ <https://tass.ru/ekonomika/16765385> (дата обращения: 15.07.2023).

один народ не застрахован от того, чтобы спуститься в капиталистической иерархии на ступень вниз. Очередной кризис капитализма может создать лишь объективные условия для перехода общества к новой, социалистической ступени развития. Период глобальной турбулентности как никогда обостряет значимость субъективного фактора истории – социально-классовой борьбы. Дело остается лишь за тем, чтобы массы взяли на себя смелость стать творцом собственной истории.

Новые условия современного капитализма выражаются обострением политико-экономического противостояния между крупнейшими участниками мировой экономики. Оно является отражением терминального кризиса американского системного цикла накопления капитала и отражает борьбу за место нового гегемона мировой экономики. Империалистическая политика государств в этих условиях нацелена на защиту и продвижение интересов крупного капитала, который вступает в конкурентную борьбу за передел рынков. В качестве инструментов в этой борьбе применяет дипломатическое, экономическое и военное давление на конкурентов. Россия, принадлежащая к категории полпериферии мировой экономики, и играющая роль субимпериалиста, также включена в процесс передела рынков. Транснациональные корпорации из РФ, преимущественно относящиеся к добывающей промышленности, также занимаются вывозом капитала и, как следствие, привлекают государство к защите своих инвестиций. Российское государство, хотя и недостаточно успешно, проводит протекционистскую политику импортозамещения (Степанова, 2022, с. 364).

В то же время российская экономика становится объектом давления со стороны более развитого и мощного капитала стран «центра», которое выражается в постоянном ужесточении санкционного режима, отчуждением собственности и рыночной власти за рубежом. Такой двойственный характер экономики РФ, которая наряду с активным вывозом капитала зависит от внешних покупателей сырьевых товаров и поставщиков высокотехнологической продукции, делает российский капитал уязвимым в борьбе санкций и приводит к потере им рынков сбыта, а также экономического и политического влияния в мире.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулов Р.Э., Комолов О.О., Степанова Т.Д. Кризис американского цикла накопления и перспективы Китая в борьбе за место нового гегемона // Вопросы политической экономики. 2021. № 1(25). С. 78-102. DOI:10.5281/zenodo.4666089

Амин С. Современный империализм // Вопросы политической экономики. 2016. № 1(5). С. 10-18.

Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006. – 472 с.

Бузгалин А.В. Империализм в XXI веке: протоимперии и «восстание периферии» // Экономическое возрождение России. 2017. № 3(53). С. 32-38.

Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. Россия: новая империалистическая держава? // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 1. С. 74-87.

Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 27. Изд. 5. М.: Издательство политической литературы, 1969. – 643 с.

Маслов Г.А. Технично-экономическое развитие и возвращение протекционизма // Проблемы современной экономики. 2019. № 1. С. 43-47.

Навроцкая Н.А., Сопилко Н.Ю. Динамика и особенности инвестиционного сотрудничества России и Украины в контексте интеграции // Вестник РУДН. Серия Экономика. 2013. № 1. С. 39-49.

Сергеев Г.С. Империализм XXI века: реактуализация теоретического наследия советской политэкономической школы // Вопросы политической экономии. 2022. № 3 (31). С. 50-57. DOI: 10.5281/zenodo.7278264

Степанова Т.Д. Технологический суверенитет России как элемент экономической безопасности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 9А. С. 362-372. DOI: 10.34670/AR.2022.19.76.044

Harvey D. The new imperialism. NY: Oxford university press, 2003. – 263 p.

Komolov O.O. Capital outflow and the place of Russia in core-periphery relationships // World review of political economy. 2019. № 3. Pp. 328-341.

Информация об авторе

Олег Олегович Комолов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики РАН, Москва, Россия.

(E-mail: oleg_komolov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6944-7925) (elibrary AuthorID: 812091)

REFERENCES

Abdulov R.E., Komolov O.O., Stepanova T.D. The Crisis of the American Accumulation Cycle and China's Prospects in the Struggle for the New Hegemon's Place. *Voprosy politicheskoi ehkonomii=Problems in Political Economy*. 2021;1(25):78-102. DOI:10.5281/zenodo.4666089 (In Russ.)

Amin S. Modern imperialism. *Voprosy politicheskoi ehkonomii=Problems in Political Economy*. 2016;(1):10-18. (In Russ.)

Arfigi Dzh. Long twentieth century. Money, power and the origins of our time. М.: ID «Territoriya budushchego», 2006. – 472 p. (In Russ.)

Buzgalin A.V. Imperialism in the XII century: proto-empires and the «rebellion of the periphery». *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii= Russia's economic revival* 2017;(3): 32-38. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I., Barashkova O.V. Russia: a new imperialist power? *Polis. Politicheskiye issledovaniya=Polis. Political Studies*. 2016;(1):74-87. (In Russ.)

Harvey D. The new imperialism. NY: Oxford university press, 2003. – 263 p.

Komolov O.O. Capital outflow and the place of Russia in core-periphery relationships. *World review of political economy*. 2019;(3):328-341.

Lenin V.I. Imperialism as the highest stage of capitalism. In: V.I. Lenin. Full composition of writings. Vol. 27. Ed. 5. М.: Publishing of Political Literature. 1969;(27):643. (In Russ.)

Maslov G.A. Techno-economic development and the return of protectionism. *Problemy sovremennoj ekonomiki= Problems of the modern economy*. 2019;(1):43-47. (In Russ.)

Navrockaya N.A., Sopilko N.YU. Dynamics and features of investment cooperation between Russia and Ukraine in the context of integration. Vestnik RUDN. Seriya Ekonomika=RUDN Journal of Economics. 2013;(1):39-49. (In Russ.)

Sergeev G.S. Imperialism of the 20th Century: Reactualization of the Theoretical Legacy of the Soviet Political Economy School. Voprosy politicheskoi ehkonomii=Problems in Political Economy. 2022;3(31):50-57. DOI: 10.5281/zenodo.7278264 (In Russ.)

Stepanova T.D. Technological sovereignty of Russia as an element of economic security. Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra=Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2022;12(9A):362-372. DOI: 10.34670/AR.2022.19.76.044 (In Russ.)

Information about the author

Oleg O. Komolov – PhD in Economics, Senior Research Fellow, Center for Research on International Macroeconomics and Foreign Economic Relations, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

(E-mail: oleg_komolov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6944-7925) (elibrary AuthorID: 812091)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.06.2023; одобрена после рецензирования: 18.07.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 330.828

DOI: 10.5281/zenodo.8320081 <https://zenodo.org/record/8320081>

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В ТРУДАХ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

Виктор Борисович Студенцов¹

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономической теории Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Россия, (e-mail: studentcov.viktor@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-4242-0877)

Ключевые слова: *Немецкая историческая школа экономики, нематериальные капиталы, Volksgeist, человеческий капитал, социальный капитал, умственный капитал, дух хозяйства, дух капитализма, культура*

Для цитирования: Студенцов В.Б. Нематериальные факторы в трудах немецкой исторической школы экономики // Вопросы политической экономии. 2023. № 3(35). С. 145-161.

NON-MATERIAL FACTORS IN THE WORKS OF THE GERMAN HISTORICAL SCHOOL OF ECONOMICS

Viktor B. Studentsov

Candidate of Economics, Senior Research Fellow, Department of Economic Theory Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), Moscow Russia, (studentcov.viktor@gmail.com), (ORCID: 0000-0002-4242-0877)

Keywords: *German historical school of economics, intangibles, Volksgeist, human capital, social capital, geistiges capital, spirit of economy, spirit of capitalism, culture*

For citation: Studentsov V.B. Non-material factors in the works of the German historical school of Economics. Problems in Political Economy. 2023;3(35):145-161.

JEL codes: B15, B25, B 52.

Введение

В последние несколько десятилетий значительно вырос интерес к анализу нематериальных факторов производства, в том числе и к нетрадиционным формам капитала – помимо материальной (физической), финансово-денежной, природной форм наукой стали выделяться многие новые, принадлежащие к классу неосвязае-

¹ © Студенцов В.Б., 2023.

мых или нематериальных². Причем хотя активная разработка понятий таких капиталов является делом новейшего времени, постановка вопроса об их существовании насчитывает уже десятки, если не пару сотен лет. Труды немецкой исторической школы экономической науки в этом контексте обращают на себя внимание как особым обилием концептов и подходов, так и их оригинальностью.

В поисках соединительной ткани экономики: Мюллер, Книс и другие

Хотя бытование немецкой исторической школы экономики (НИШЭ) нередко оспаривается, само существование в XIX-XX веках пусть и организационно неформального сообщества немецких экономистов даже во многом с различающимися взглядами, но объединенных разделяемыми некоторыми общими идеями и/или методологией, несомненно³. В истории этого направления экономической мысли принято выделять несколько подшкол (или когорт) – «старую» (Б. Гильдебранд (1812-1878), В. Рошер (1817-1894), К. Книс (1821-1898) и др.), «молодую» (Г. Шмолер (1838-1917)⁴, Л. Brentано (1844-1931), А.Э. Шеффле (1831-1903) и пр.), и, наконец, «новейшую» (В. Зомбарт (1863-1941), М. Вебер (1864-1920) и др.).

НИШЭ наследовала камерализму – экономическому учению о государственном управлении, в центре которого стояло исследование административных и правоохранительных практик, обеспечивающих адекватность финансовых ресурсов государства. Идеей она подпитывалась концепциями развития истории немецких философов (И.О. Гердера, И.Г. Фихте, частично Г.В. Гегеля), историков (Л. Ранке) и правоведов (Г. Гуго, Ф. Савиньи и др.), которые отстаивали концепцию самобытности и единства германской нации, связанной с бытием особого «народного духа». Для значительной части представителей данного направления был характерен холистический подход – в отличие от экономистов-классиков, которые абстрагировались от всех черт и проявлений человека кроме чисто экономических (гедонистических), здесь субъект рассматривался в его целостности. Кроме того, основным объектом исследований этого течения экономистов были не обособленные субъекты, а их совокупность – нация, в которую, по выражению Ф. Листа, «ее члены объединены узами патриотизма» (List, 1983, p. 29). В работах родоначальников НИШЭ первой половине XIX в. также ощутимо чувствуется влияние романтизма, точнее романтического национализма, рассматривавшего народ как единую коллективную личность, где каждый индивид представлялся ее малой составной частицей.

² Нематериальные факторы неоднородны – одни из них в полном смысле неосознаем и проявляются в форме взаимоотношений (как социальный капитал), вторые воплощены в самих субъектах и неотчуждаемы от них (человеческий капитал), третьи могут существовать как-бы вне и помимо людей (как высказанные идеи, представления, знания), но нуждаются в их выражении и сохранении во «внешних носителях» (книгах, патентах и пр.). Существенным признаком этого класса неоднородных явлений является то, что их материальная оболочка либо просто отсутствует, либо играет сугубо подчиненную, служебную роль. Некоторые данные феномены (человеческий, социальный, культурный и им подобные капиталы) стали достоянием не только экономической, но и других общественных наук (прежде всего социологии).

³ Сомнения в существовании НИШЭ высказывали Пирсон (H. Pearson) и Линденфелд (D.F. Lindenfeld), напротив, ее бытие отстаивал Кэлдуэлл (B. Caldwell). (См. полемику в том числе на страницах журнала *History of Political Economy* в 1999-2001 годах).

⁴ В 1872 г. Шмоллер основал Союз социальной политики, который объединял всех видных немецких экономистов своего времени.

Так, существенное влияние на методологические взгляды НИШЭ, и, в частности, на Рошера, оказали идеи выдающегося историка Л. фон Ранке (1795-1886) (Milford, 1992, p. 166). По Ранке, каждый народ, или нация, будучи органической единицей, наделен своим уникальным «духом» – *Volkgeist*, сущность которого раскрывается в ходе исторического развития. Таким образом, условием глубокого и всестороннего познания жизни нации оказывалось изучение ее культуры и истории. Идея особого (национального, хозяйственного и т.п.) «духа» в той или иной мере была воспринята многими немецкими экономистами. Именно поэтому, в понимании адептов НИШЭ, экономическая наука должна была исследовать конкретно-исторические условия и особенности развития экономик стран. «Политическая экономия, – писал, например, Зомбарт, – априорно определяется, как историческая социальная наука» (Зомбарт, 1931, с. 33).

Важнейшей отличительной чертой представителей НИШЭ было отрицание универсальности и вневременного характера экономических законов. Разъединяющие и разобщающие людей принципы личного интереса (частной выгоды) и свободной конкуренции, на базе которых строилась «космополитическая», по их выражению, политическая экономия А. Смита и его последователей, считались недостаточными и неудовлетворительными в качестве оснований формирования общего интереса нации. Присущий этому направлению народнохозяйственный ракурс рассмотрения экономических процессов естественно подталкивал к поиску и формулированию того, что объединяет, сопрягает воедино интересы хозяйственных агентов в единый общественный организм (отсюда тяга к органической теории общества). В силу особой озабоченности выяснения того, как и благодаря чему происходит связь и взаимодействие экономических агентов, существенное внимание придавалось изучению нематериальных факторов хозяйственной деятельности.

Немецкие экономисты XIX века высказали множество оригинальных, хотя часто и наивных, идей, а потому неудивительно, что далеко не все из них в последующем получили свое развитие. Однако же в том или ином виде ими были фактически высказаны идеи человеческого, социального и многих других «нетрадиционных», нематериальных капиталов.

С позиций сегодняшнего дня многое из предлагавшегося в те годы выглядит курьезно. Так, считающийся одним из основателей НИШЭ философ-консерватор и романтик, придворный К. Меттерниха А. Мюллер (1779-1829), исповедовал холистический подход, выражавшийся в концепции «национального духа», который де соединял всех членов общества (Krabbe, 1996, p. 17). В пику предложенному А. Смитом связующему хозяйственных агентов средству в виде собственного интереса (который Мюллер отождествлял с эгоизмом), был предложен «духовный капитал», одним из выражений которого был «национальный язык». Сделано это было на том основании, что якобы из языка растет передаваемый из поколения в поколение «капитал национальной мудрости, опыта и мысли». Другой немецкий экономист того времени К. Дитцель (1829-1884) обнаруживал признаки нематериального капитала (*immaterialcapitalen*) в деятельности государственных учреждений и властей, а также в некоторых чертах характера субъектов (например, в соблюдении чести) (Dietzel, 1855)⁵. А. Шеффле (1831-1903), также будучи адептом

⁵ «Самым большим нематериальным капиталом нации, – писал он, – является государство, существование которого делает возможным ее прогрессирующее развитие» (Dietzel, 1855, p. 71).

концепции нематериального капитала, считал его олицетворением такие различные общественные институты как государство, законоположения, поддержание порядка и пр. В свою очередь для В. Рошера такие учреждения как государство, судебная система и церковь, также являлись нематериальными благами, которые создавали базисные условия функционирования экономики. Он рассматривал государство как «самый значительный невещественный капитал всякого народа» (Рошер, 1860, с. 89)⁶.

К. Книс продолжил традицию интеграции в ткань экономической теории понятия «дух». Осуждая приписывание субъекту в качестве единственного и определяющего мотива индивидуалистическое «стремление к богатству», «частная выгода», он наставил на том, что должен приниматься во внимание весь комплекс его побуждений: по Кнису, будучи человеком «историческим» и «национальным», он был движим не собственным индивидуалистическим интересом, а следованием зову *Volksgeist*, «духом нации» (Krabbe, 1996, p. 27). «Историческое существование народа охватывает как бы в едином ядре различные круги жизни, и именно потому, что единый дух пронизывает их все и заключенное в это единство все индивидуальное развивается в общем направлении, народ есть нечто иное, чем произвольная сумма отдельных личностей» (Knies, 1853, p. 109). Особенностью «исторического метода» Книса было сосредоточение анализа на «целостном», национально-ориентированном человеке, поскольку национальная экономическая жизнь виделась ему коллективным бытием, в противовес методологии английской политической экономии, озабоченной поведением обособленного хозяйственного субъекта. Книса можно понимать и в том смысле, что экономика является одним из выражений развития национальной культуры.

Б. Гильдебранд солидаризировался с Мюллером, считавшим что Смит неправомерно ограничился описанием принципа разделения труда, проигнорировав важнейший элемент хозяйственного механизма – принцип сопряжения хозяйственных агентов (или же «учение о соединении труда») (Гильдебранд, 2011, с. 28), (Hildebrand, 1922, p. 33). Эту роль, с его точки зрения, играет *Geistiges* капитал, концепция которого он во многом унаследовал от А. Мюллера, о чем подробнее будет сказано ниже.

Ф. Лист, который, впрочем, к НИШЭ не принадлежал, указывал, что экономическое развитие страны во многом обуславливаются протекающими в ней социальными и политическими процессами (Лист, 2005, с. 188; 2017, с. 242), успехами умственного развития и нравственности граждан (Лист, 2005, с. 107; 2017, с. 150), наличием гражданских свобод, эффективных общественных учреждений и законов, а также национального единства и могущества, которые способны придавать «патриотическую бодрость» (Лист, 2005, с. 107; 2017, с. 150).

Г. Шмоллер начинал свой основополагающий труд не с чего-либо иного, а с обсуждения нематериальных основ экономической науки, в том числе языка, письменности, нравственности, привычек и закона – «собория правил и религиозных систем как начатков всей социальной науки», «систем морали», а также с «систем

⁶ Этой точки зрения симпатизировал А. Маршалл. «Немецкие экономисты часто делают упор на нематериальные элементы национального богатства, – писал он, – и это правильно при рассмотрении некоторых проблем, относящихся к национальному богатству, но, однако же, не всех. ... В свою очередь и организацию свободного, строго упорядоченного государства также надлежит для некоторых целей считать важным элементом национального богатства» (Маршалл, 1983, с. 118).

или общих теорий государства и права...» (Шмоллер, 1902, с. 18-38; Schmoller, 1920, р. 1-75). «...Общий, объединяющий отдельные хозяйства народа или государства элемент, не есть просто государство, а нечто более глубокое: общность языка, истории, воспоминаний, обычаев и идей. Это – общий мир идей и чувств, это – господство общих представлений, более или менее согласное сочетание всех психологических стремлений. Более того, это – выросший из этих согласных психологических основ и сделавшийся объективным общий порядок жизни, это – общий этос, как греки называли кристаллизовавшееся в праве и нравах общее духовно-нравственное сознание, воздействующее на все поведение людей, следовательно, и на их хозяйственные действия» (Шмоллер, 1902, с. 117-118). Сегодня мы бы могли сказать, что Шмоллер подчеркивал важность наличия социального культурного (и связанного с ним социального) капитала, без которых невозможно успешное функционирование экономики.

Своеобразную версию концепции социального капитала высказывал и Гильдебранд, напрямую отождествлявший расширение кредитно-заемных операций с проявлением взаимного доверия, а потому высокие личные качества заемщика, моральная ценность человека у него, чуть ли не буквально, приобретали силу капитала. Для него нравственность и кредит играли роль своеобразного «социального клея» общества.

Как и их современники за рубежом (см.: (Kiker, 1966)), немецкие экономисты, в том числе и некоторые представители НИШЭ близко подходили к формулированию понятия человеческого капитала. Й.Х. фон Тюнен писал об «образовательном» капитале (Erziehungskapital), Рошер и А. Шеффле признавали существование неосознанного (unkörperliche) персонального капитала. Рошер относил к не вещественным капиталам (quasikapitalen) «способности, приобретаемые работником, благодаря образованию; большее доверие, которое имеют к нему вследствие долгой привычки», и даже самих людей, прикомандированных к фирме-партнеру (Рошер, 1860, с. 89). Близкие идеи излагал по этому вопросу А. Шторх, выделявший внешние блага (материальное богатство) и внутренние, нематериальные блага, в свою очередь распадавшиеся на физические (здоровье, силу, ловкость и пр.), умственные (разум, знание, вкус, науки и т.д.) и, наконец, нравственные (общительность, нравственные и религиозные чувства, свободу и пр.) (Шторх, 2008, с. 81, 608 и далее)⁷. По его мнению, «в(В)се внутренние блага без исключения могут служить орудием производства».

Идея «человеческого капитала» находила понимание далеко не у всех. Политическая экономия, писал Книс, «различает «экономические блага» в качестве «внешних» объектов, отличных от человеческих личностей, которые [в ней] выступают в качестве «производителей», «потребителей» и т.д. Таким образом, ...конструктивный подход к изучению капитала признает в качестве такового [самое большее] экономические блага ..., а вовсе не лица или неотъемлемые части их тел, равно их интеллект» (Knies, 1873, р. 40). Книс, а впоследствии Бём-Баверк⁸, критиковали

⁷ Шторх не примыкал к НИШЭ; его, как и ряд других немецкоязычных российских экономистов, Рошер относил к особой «немецко-русской школе» (Roscher, 1874, р.799 и далее). К слову, тезис о существовании такой многими подвергался сомнению (Цвайнерт, 2007, с. 82-93).

⁸ Бём-Баверк проходил обучение в университете под руководством Книса и А. Шеффле (Garrison, 1999, р. 113). В разные годы слушателями курса лекций Книса, помимо Бём-Баверка, были также Дж. Б. Кларк, Ф. фон Визен, Р.Т. Эли, Э.Р. Селигмен и многие другие видные немецкие и зарубежные экономисты →

своих коллег за распространение понятия капитала на нематериальные объекты и даже институты, такие как государство, закон, национальная честь и добродетель. «Экономическая наука не может позволить своим приверженцам, – писал Бем-Баверк, – бесконечно продолжать называть десяток или дюжину разных вещей одним и тем же словом» (Бем-Баверк, 2010, с. 74). Кстати, сам он использовал термин «социальный капитал», но под «понятием так называемого народнохозяйственного, или, правильнее, социального капитала» им понималась вся совокупность капиталов страны.

Не только эти два автора, но и целый ряд других, в том числе, например, Шмоллер (Schmoller, 1863) отказывали концепции «человеческого капитала» в праве на существование. По К.Г. Рау и Ф. фон Херманну, физическая сила, здоровье, образование, знания и навыки являлись «внутренними» характеристиками («благами») субъекта (Kurz, 1998, р. 91), а только отличные от его телесной оболочки «внешние» блага, с их точки зрения, представляли собой капитал – одной из характеристик капитала признавалась ими отчуждаемость от носителя (обмениваемость и/или способность сдачи в аренду). Дитцель также не соглашался с позицией, что рабочая сила отдельного субъекта является его капиталом, но, противореча сам себе, признавал таковым всю совокупность рабочих сил нации (Turunen, 2016, р. 303-304).

При всех «находках» и «озарениях» НИШЭ слабым местом писаний ее адептов так и остался нераскрытым вопрос о преобладающем мотиве хозяйственной деятельности, что, как замечал Ходжсон, не позволило удовлетворительно разрешить методологическую проблему экономической связи субъекта и общества (Hodgson, 2001, р. 64). Предложенные на это роль Книсом «национальная природа» человека и национальный характер народа оказались несостоятельными.

Умственный или духовный капитал (Geistiges Kapital) – Мюллер, Гильдебранд, Рихтер, Лист и другие

Одним из часто употребляемых немецкими экономистами XIX в. понятий был по-разному понимаемый Geistiges капитал. В немецком языке это слово многозначно, а потому-то часто бывает трудно понять, что же в том или ином конкретном ином случае имел в виду автор. В зависимости от контекста это понятие можно переводить как «ментальный», «умственный», «интеллектуальный», реже – «духовный».

А. Мюллер считал, что «умственный капитал» заключает в себе богатство языка, речи, письменности. В его составе он выделял «капитал идей» (Ideen-Capital), обнимавший теоретическую науку, религию, мораль, национальное самосознание; «капитал знаний» (Kenntniss-Capital) – эмпирические и позитивистские культурные науки, фактическое знание о социальных и экономических феноменах; «естественно-научный капитал» (Naturwissenschafts-Capital), куда попадали математика, химия, физика, биология т.д.; и, наконец, «капитал прикладных технических знаний» (Kuntswissenschafts-Capital), т.е. технологические знания, «ноу-хау» и т.п. (Zimmerman, 2001), (Turunen, 2016, р. 189). В интерпретации Мюллера, данный капитал представлял собой что-то всеобъемлющее, чуть ли не полностью поглоща-

→ (Yagi, 2005, р. 315). Шумпетер отмечает, что Карл Книс был «прекрасным преподавателем, сделавшим Гейдельберг исследовательским и образовательным центром, в котором радушно принимались и совместно работали ученые самых разных убеждений» (Шумпетер, 2001, р. 1121).

ющее культуру в целом⁹. В более узком и прикладном смысле этот ученый рассматривал умственный (или ментальный) капитал как четвертый фактор производства наряду с трудом, землей и вещественным капиталом.

К. Рихтер в своих работах под *Geistiges* капиталом практически однозначно имел в виду интеллектуальный капитал (Turunen, 2016, p. 305-307). В тот самый период, когда германские государства, а также Швейцария, Голландия и другие страны принимали установления против патентного права¹⁰, он активно пропагандировал защиту интеллектуальной собственности, что тогда было делом крайне неблагодарным и небезопасным.

Гильдебранд, характеризовавший моральные и умственные качества (способности и таланты) человека как капитал, рассматривал их как объекты развития и совершенствования. В центре его внимания был прежде всего умственный или ментальный капитал нации, народа («ein geistiges Kapital der Völker»), а не отдельных субъектов, хотя указывал, что для каждого человека «культивирование» в себе этого рода капитала может вести к улучшению личного социального положения и условий жизни. Этот ученый рассматривал общественную мораль как форму ментального капитала; а также полагал, что в основе национальной экономики лежат не корыстные интересы, а общее благо. «Как интеллект повышает способность и силу человека достигать больших народнохозяйственных результатов при меньших затратах сил, так и общественная мораль повышает не только трудолюбие, предприимчивость и настойчивость в работе, но и добросовестность в выполнении долга, взаимное доверие, кредит и готовность к самопожертвованию ради общего блага. Она поднимает человека из его замкнутого эгоистического мира на более высокую позицию общественного блага, дает ему осознание связи его конкретного занятия с общенациональным делом и тем самым придает всей его деятельности более высокие цели и более высокое освящение, благодаря чему, в свою очередь, растет его профессиональная гордость и эффективность» (Hildebrand, 1922, p. 302). Поскольку именно моральная сила (ментальный капитал) объединяет людей для работы, для достижения общей цели по Гильдебранду, оказывалось, что политическая экономия, в конечном счете, является отраслью этической науки.

Активным приверженцем концепции *Geistiges* капитала (преимущественно понимаемого как «умственный») был Ф. Лист. «Увеличение материальных капиталов нации, зависит от увеличения ее умственных капиталов и обратно»¹¹ (Лист, 2005, с. 189; 2017, с. 244). Производительность нации он ставил в прямую зависимость от доступного ей произведенного не только материального, но и от «умственного» капитала. При этом Лист признавался, что затрудняется определить, что «оказывает более могущественное влияние, материальные ли силы на умственные или умственные на материальные» (Лист, 2005, с. 69; 2017, с. 104).

«Большая часть производительной силы заключается в интеллектуальных и социальных условиях индивидов, которые я называю капиталом ума (*capital of mind*)», – заявлял он (List, 1827, p. 20). Термин «капитал ума» или «капитал разума» использовался Листом в его написанных по-английски американских работах, тогда как содержащийся в более поздних, написанных по-немецки трудах, термин

⁹ Этим он схож с понятием внутренних благ (или элементов цивилизации) Шторха (Шторх, 2008, с. 609).

¹⁰ Делалось это под тем предлогом, что оно препятствует изобретениям.

¹¹ Вероятно, «обратно» здесь было бы правильнее перевести как «наоборот».

«Geistiges» стало принято переводить на английский как «mental capital» – «ментальный» или «умственный» капитал¹².

По Листу, помимо нравственности производительность (производительная сила) народа зависит от «моральных»¹³ и «социальных» средств. Под моральными средствами понималось «высокое образование» индивидов, тогда как под социальными – «учреждения и законы, обеспечивающие гражданам личную и имущественную неприкосновенность, свободное применение своих умственных и физических сил...» (Лист 2005, с. 35; 2017, с. 62).

Впрочем, в своих истолкованиях «умственного» богатства и связанными с ним феноменов Лист был не всегда последователен и четок. Насколько можно понять, в зависимости от контекста «умственное» богатство или капитал (Лист, 2017, с. 70, 106), (List, 1827, p. 18, 20-22) им трактуется то, как интеллектуальный, то, как человеческий капитал. Так, во фразе: «ничего нет естественнее того, что человек, овладев материальным и умственным богатством, стремится обеспечить его за своим потомством...» (Лист, 2005, с. 40; 2017, с. 74) так и не понятно, какой конкретно из этих капиталов имеется в виду. Возможно, и индивидуальный интеллектуальный капитал, но Лист ясно указывает, что он может быть и коллективным. «Современное состояние является результатом накопившейся массы всевозможных открытий, изобретений, улучшений, усовершенствований и усилий всех живших до нас поколений; все это образует умственный капитал живущего человечества...» (Лист, 2005, с. 128; 2017, с. 176). Но когда пишется о применении людьми «своих умственных...сил», причем умственные капиталы прямо отождествляются с людьми – с предпринимателями, техниками, рабочими, речь вроде бы идет уже о человеческом капитале (Лист, 2005, с. 39; 2017, с. 66). В формулировке «умственные и рабочие силы» (Лист, 2005, с. 97; 2017, с. 136-137) эти феномены обособляются, а значит умственные силы – суть здесь скорее всего интеллектуальный капитал, если только не принять, что под первыми имеются в виду квалифицированная, а под вторыми неквалифицированная ипостаси рабочей силы.

Характеристика «умственное» используется Листом применительно к богатству (Лист, 2005, с. 39, 71; 2017, с. 67, 106), развитию (Лист, 2005, с. 35, 107; 2017, с. 62, 151), образованию (Лист, 2005, с. 89, 128; 2017, с. 127, 176), что не позволяет однозначно понять какое конкретное воплощение данного капитала имеется в виду. К тому же у него есть еще и «умственная» революция (Лист, 2005, с. 88; 2017, с. 125) и «умственная самостоятельность» (Лист, 2005, с. 39; 2017, с. 66), как мы бы сейчас сказали, независимость или суверенитет.

То ли потому, что понятие Geistiges капитала (не только у Листа, но и у других немецких экономистов) было слишком размытым, то ли по какой-то другой причине в некий момент оно вышло из употребления. Но не будет большой натяжкой утверждение, что эстафету у него приняло понятие «дух хозяйства».

¹² Daastøl A.M. Friedrich List's heart, wit and will: Mental capital as the productive force of progress. A dissertation. Universität Erfurt, Staatswissenschaftliche Fakultät Erfurt. 2011. P. 101. www.uni-erfurt.de; urn: nbn:de:gbv:547-201300317

¹³ В действительности здесь и в ряде других мест в оригинале стоит слово в соответствующем падеже (geistiges), т.е. Лист пишет все же скорее не о «моральных», а о «умственных» средствах (List, 1841, p. 20, 23), а потому связь с образованием здесь что ни на есть прямая. Очевидно, то ли переводчику, то ли издателю эта фраза показалась непонятной, а потому ее слегка подправили.

«Дух хозяйства» (капитализма) – Brentano, Zombart, Weber

По аналогии со ставшим уже обыденным признанием капиталами (хотя и особенными – нематериальными) различных неосязаемых социально-экономических феноменов (того же социального капитала) с известной степени условности можно признать таковыми и описываемые немецкими экономистами хозяйственные «духи», самый известный из которых – «дух капитализма» М. Вебера.

Кстати, вовсе не Веберу первому пришла в голову идея «духа капитализма» (в общем виде – «духа хозяйства»), до него этим термином уже начал оперировать В. Зомбарт, Вебер лишь ее подхватил и переиначил. Эти исследователи одновременно и сотрудничали, и соперничали. Они были почти ровесниками, коллегами по Гейдельбергскому университету, соредакторами журнала «Archiv für Socialwirtschaft und Sozialpolitik». Очевидно, что каждый из них был в курсе того, что замысливал и делал другой, а потому факт «дружеского» заимствования не должен удивлять. Справедливости ради укажем, что еще до них, в начале 70-х годов XIX века в одной из своих работ Л. Brentano использовал словосочетание «дух капитала» (Kapitalgeist) (Ghosh, 2009, p. 70-71), но не сделал из этого «открытия» сколь-нибудь масштабных выводов. После выхода «Протестантской этики» (в 1904-1905 годах) Зомбарт своеобразно «ответил» Веберу, радикализовав свою позицию, привнеся в «дух капитализма» биолого-расово-этнический аспект, чем, впрочем, основательно подорвал научную достоверность своих выводов.

Позиция Вебера по вопросу капиталистического «духа» хорошо известна. Он отождествил его с направленностью всего человеческого существования на приобретение (Вебер, 1990, с. 75), с лишенным религиозной основы квазипуританским стремлением к наживе. Состоятельность концепции Вебера подвергалась и продолжает подвергаться критике с разных сторон – теологической, исторической, экономической (Студенцов, 2019). И справедливо, автор не дал достоверных свидетельств, подтверждавших бы ее истинность, однако сам обсуждаемый предмет таков, что доказать, либо опровергнуть что-то просто принципиально невозможно.

После прочтения Вебера логично возникали два вопроса, во-первых, как и чем поддерживался и подпитывался раз появившийся «дух наживы», и, во-вторых, каковы были и были ли у предшествовавших капитализму хозяйственных форм свои «духи». На первый вопрос можно было бы гипотетически ответить аргументами Вебера, считавшего «дух наживы», стяжательства свойственным всем эпохам – рабовладению, феодализму и т.п., впрочем, только при капитализме он встал на прочную и устойчивую производственную (индустриальную) основу. Что касается второго вопроса, то ответ на него нашелся у Зомбарта. Он писал: «Всякая экономическая система оживляется определенным духом» (Sombart, 1929, p. 14); а также: «эпохи в хозяйственной истории я различаю по духу хозяйственно жизни в том смысле, что в определенное время определенный дух преобладал» (Зомбарт, 1994, с. 9).

«Дух», «требуемые для предпринимательства хозяйственных действий душевные качества так же отличаются в отдельных случаях, как и руководящие идеи принципы, которыми определяется хозяйственная деятельность. Я утверждаю, что ремесленник старого закала и современный американский предприниматель воодушевлялись различным «духом» ...» (Зомбарт, 1994, с. 7-8). По Зомбарту, в до-капиталистический период господствовал принцип удовлетворения потребностей,

тогда как при капитализме первенствует принцип доходности (прибыли), они также несходны тем, что, если прежде царствовали солидарность и традиционализм, то им на смену пришли – индивидуализм и рациональность.

По словам Зомбарта, основное утверждение его работы «Современный капитализм» «состоит в том, что в разные времена преобладали различные взгляды на экономическую жизнь, и что именно дух создал для себя подходящую форму и тем самым создал экономическую организацию» (цит. по: Plotnik, 1937, p. 68). Видные американские экономисты Дж. Коммонс и С. Перлман в свое время саркастически комментировали это утверждение – «очевидно, что ремесленный дух, породил ремесленничество, а ранее – феодальный дух породил феодализм, а монархический дух породил абсолютизм» (Commons, Perlman, 1929, p. 79).

Хотя, действительно, по признанию Зомбарта, «капитализма нет, если нет капиталистического духа» (Зомбарт, 1994, с. 261), его подход все же несколько более нюансирован, чем его излагали Коммонс и Перлман. «Капиталистическим духом мы называем, следовательно, душевное настроение, сочетающее дух предприимчивости и буржуазный дух в одноцелостное единство. Этот дух и создал капитализм» (Зомбарт, 1931, с. 325). Но немецкий экономист утверждал, что «по крайней мере первоначальный капиталистический дух питался из иных источников, чем сам капитализм. И более того, когда капитализм уже был налицо, то и тогда, совершенно очевидно, и другие силы участвовали в деле создания капиталистического духа и развития...» (Зомбарт, 1994, с. 262). Итак, у Зомбарта, как и у Вебера капиталистический дух «привносится» в хозяйственные процессы извне – они лишь по-разному понимали источник. У Зомбарта после первоначальной «инъекции» капиталистического «духа» он воспроизводится уже на собственной основе: «капитализм также участвует в выработке современного хозяйственного образа мыслей. Несомненно, он является одним из его источников, и, несомненно, не слабейшим. Чем далее идет капиталистическое развитие, тем большее значение оно приобретает для образования для капиталистического духа, пока, быть может, в конце концов, не будет достигнута та точка, когда оно одно его будет образовывать и формировать» (Зомбарт, 1994, с. 263).

Самая емкая и ясная трактовка понятия «духа» хозяйственной жизни вероятно была предложена Зомбартом в книге «Буржуа». «Хозяйственный дух – это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование. Это все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека» (Там же, с. 6-7). «Я беру, – продолжал Зомбарт, – таким образом, это понятие в наиболее широком смысле и не ограничиваю его, как это часто делают, одной лишь областью хозяйственной этики, т.е. моральных норм в области хозяйствования. Эти нормы составляют на самом деле только часть того, что я обозначаю как дух хозяйственной жизни» (Там же, с. 7).

Концепция духов хозяйства Вебера и Зомбарта встретила смешанный прием у экономистов-соотечественников. Л. Брентано, например, встал к ней в оппозицию на том основании, что она способствует подмене материалистического понятия

«капитал» «холистическим капитализмом», укорененным в культуре и ценностях людей (Ghosh, 2009, p. 64). Но у такого подхода нашлись и сторонники – идея «духа хозяйства» (Wirtschaftsgeist) впоследствии была взята «на вооружение» А. Шпитгоффом, Х. Бехтелем, О. Шпанном и другими (Redlich, 1970, p. 647), к ее признанию склонялся и С. Булгаков (Булгаков, 1990, с. 187).

Со временем – а именно по мере дальнейшего развития английской политэкономии, а затем и англо-американской экономикс – интеллектуальное наследие НИШЭ было в значительной степени предано забвению. Однако после ослабления «хватки» неоклассики над экономической наукой выяснилось, что в нем содержится много такого, что активно востребуется и в наше время. Это прежде всего широкий, политэкономический взгляд на хозяйственные процессы, более комплексное исследование поведения человека в экономике и самой последней, включая ментальность и культуру.

Да и несмотря на игнорирование НИШЭ неоклассическим мейнстримом ее труды оказали существенное влияние на развитие экономической науки во всем мире. То, что в Германии в известном смысле восприимчивей НИШЭ стала теория хозяйственного порядка (Невский, 2006), совсем неудивительно, но методология и идеи НИШЭ находили последователей и сторонников и в других странах. Так, в последние годы в основном трудами В.С. Автономова и его соавторов было подробно исследовано взаимовлияние и взаимопроникновение идей НИШЭ и российских экономистов (Автономов, Бурина, 2019), (Avtonomov, Hageman, 2022), (Avtonomov, Gloveli, 2015), свою лепту в это внесла и Т. Шептун (Sheptun, 2005)¹⁴. Воздействие Воздействие немецких теоретиков на экономическую мысль стран Европы было документировано интернациональной группой исследователей (Cardoso, Psalidoroulos (eds.), 2015), применительно к США это еще ранее проделал Дж. Дорфман (Dorfman, 1955). Некоторые американские экономические школы, прежде всего институционализм, где-то сознательно, а где-то неосознанно, вели свои разработки в русле подходов «немецких исторических экономистов». В свое время Шумпетер не без оснований называл Г. Шмоллера отцом американского институционализма (Schumpeter, 2018, p. 275), еще одним из его «отцов» называют Р.Т. Эли, который не только учился, но и защитил диссертацию в Гейдельберге (Lallement, 2005)¹⁵. В книге «Institutional Economics» (1934, p. 115) Дж. Коммонс указывал, что «НИШЭ «ввела в науку понятия обычая, собственности и конфликта интересов, которые были категорически исключены классической и психологической школами. Историческая школа привела к этической и институциональной школам (Шмоллер, Веблен), которые подчеркивали обычаи, законодательство, права собственности, справедливость и несправедливость, как важные факторы экономической науки» (Цит. по: Huften, 2005, p. 173). Все эти и другие поднимаемые НИШЭ вопросы со

¹⁴ Контакты немецких и русских экономистов вовсе не были уличей с односторонним движением – так, Автономов и Бурина полагают, что «центральный элемент теории производительных сил Листа был, по всей вероятности, сформулирован под влиянием концепции Шторха о нематериальных внутренних благах» (Автономов, Бурина, 2019, с. 148); см. также (Цвайнерт, 2007, с. 76).

¹⁵ Характерно, что именно выпускники Гейдельберга Эли и Селигмен стояли у истоков формирования Американской экономической ассоциации, идею создания которой они видимо скопировали с немецкого Союза социальной политики.

временем стали предметом рассмотрения современной науки. Научное наследие НИШЭ не устаревает – Р. Рихтер, в частности, нашел много поразительных прямых параллелей и даже прямых (чуть ли не текстуальных) совпадений между суждениями Шмоллера и Д. Норта (Richter, 1996). Следует полагать, что анализу НИШЭ нематериальных факторов (капиталов) также суждена долгая жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С., Бурина Е.Ю. Фридрих Лист в России // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 145-159. <https://doi.org/10.31857/S086904990004147-3>
- Бем-Баверк О. Капитал и процент. Том 2. Позитивная теория капитала. Том 3. Экскурсы. Челябинск: Социум, 2010. – 904 с.
- Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. – 413 с.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
- Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 279 с.
- Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. – 443 с.
- Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1. Первый полум. Государственное издательство. Москва-Ленинград, 1931. – 511 с.
- Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005. – 382 с.
- Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Социум, 2017. – 451 с.
- Маршалл А. Принципы политической экономии. Том. I. М.: Прогресс, 1983. – 415 с.
- Невский С.И. Концептуальные основы послевоенного экономического строя ФРГ // Экономический журнал. 2006. № 12. С. 180-211.
- Рошер В. Начала народного хозяйства. Руководство для учащихся и для деловых людей. Т. 1. М.: Типография В. Грачева, 1860. – 340 с.
- Студенцов В.Б. Перечитывая «Протестантскую этику» Макса Вебера: вопросы, сомнения, возражения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 1. С. 130-143. DOI.org/10.31063/2073-6517/2019.16-1.12
- Цейнерт Й. История экономической мысли в России. 1805-1905. М.: Изд. ГУИ ВШЭ, 2007. – 411 с.
- Шмоллер Г.Ф. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1902. – 368 с.
- Шторх А.К. Курс политической экономии, или Изложение начал обуславливающих народное благоденствие; Размышления о природе национального дохода. М.: Экономическая газета, 2008. – 1116 с.
- Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 3. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2001. – 678 с.
- Autonomov V., Gloveli G. The influence of the German historical school on economic theory and economic thought in Russia. In: The German historical school and European economic thought. J.L. Cardoso, Psalidopoulos M. (eds.). London. 2015. Pp. 185-203.

Avtonomov V., Hageman H. Russia and Western economic thought. Mutual influence and transfer of ideas. Cham. Springer, 2022. – 452 p.

Commons J.R., Perlman S. Review. Sombart W. Der Moderne Kapitalismus // American Economic Review. 1929. Vol. 19. № 1. Pp. 78-88.

Dietzel K. Das System der Staatsanleihen im Zusammenhang der Volkswirtschaft Betrachtet Heidelberg: J.C.B. Mohr, 1855. – 227 s.

Dorfman J. The role of the German historical school in American economic thought // The American Economic Review. 1955. Vol. 45. № 2. Pp. 17-28.

Garrison R.W. Eugen von Böhm-Bawerk: capital, interest, and time // 15 great Austrian economists. (ed.) Holcombe R.G. Auburn (Al), Ludwig von Mises Institute, 1999. Pp. 113-122.

Ghosh P. From the “spirit of capital” to the “spirit of capitalism”: The Transition in German economic thought between Lujo Brentano and Max Weber // History of European ideas. 2009. Vol. 35. Is. 1. Pp. 62-92.

Hildebrand B. Die Nationalökonomien der Gegenwart und Zukunft und Andere Gesammelte Schriften. Band I. Jena: G. Fischer, 1922r. – 388 p.

Hodgson G.M. How economics forgot history: The problem of historical specificity in social sciences. London. Routledge, 2001. – 401 p.

Huften S. Historical school and institutionalism. Journal of Economic Studies. 2005. Vol. 32. № 2. Pp. 169-178.

Kiker B.F. The historical roots of the concept of human capital // Journal of Political Economy. 1966. Vol. 74. № 5. Pp. 481-499.

Knies K. Das Geld: Darlegung der Grundlehren vom dem Gelde. Erste Abtheilung. Berlin. Weidmann, 1873. – 450 p.

Knies K. Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der Geschichtlichen Methode. Braunschweig. Schwetschke, 1853. – 355 p.

Krabbe J.J. Historicism and organicism in economics; The evolution of thought. Dordrecht. Kluwer, 1996. – 189 p.

Kurz H.D. Friedrich Benedikt Wilhelm Hermann on capital and profits. The European Journal of the History of Economic Thought. 1998. Vol. 5. № 1. Pp. 85-119.

List F. Das Nationale System der Politischen Ökonomie. Stuttgart und Tübingen. Cotta Verlag, 1841. – 550 p.

List F. Outlines of American political economy in a series of letters addressed by Frederik List to Charles J. Ingersoll. Philadelphia, Samuel Parker, 1827. – 40 p.

List F. The Natural system of political economy. London-Totowa N.J., Cass, 1983. – 199 p.

Lallement M. Industrial relations and historical institutionalism in United States. Année sociologique. 2005. Vol. 5. № 2. Pp. 365-389.

Milford K. Nationalism, Volksgeist, and the methods of economics: A note on Ranke, Roscher and Menger. History of European Ideas. 1992. Vol. 15. № 1-3. Pp. 163-170.

Plotnik M.J. Sombart and his type of economics. Dissertation. Columbia University, 1937. – 135 p.

Redlich F. Arthur Spiethoff on economic styles. Journal of Economic History. 1970. Vol. 30. № 3. Pp. 640-652.

Richter R. Bridging old and new institutional economics: Gustav Schmoller, the leader of the younger German historical school, seen with Neoinstitutionalists' eyes. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1996. Vol. 152. № 4. Pp. 567-592.

Roscher W. *Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland*. Munchen. Oldenbourg, 1874. – 1085 s.

Schmoller G. Die Lehre vom Einkommen in ihrem Zusammenhang mit den Grundprincipien der Steuerlehre. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1863. Vol. 19. № 1/2. Pp. 1-86.

Schmoller G. *Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre*. Erste Teil. Munchen. Duncker & Humblot, 1920. – 560 s.

Schumpeter J. Gustav von Schmoller and the problems of today. *Journal of Contextual Economics*. 2018. Vol. 138. № 3/4. Pp. 261-304.

Sheptun A. The German historical school and Russian economic thought. *Journal of Economic Studies*. 2005. Vol. 32. № 4. Pp. 349-374.

Sombart W. The economic theory and economic history. *Economic History Review*. 1929. Vol. 2. № 1. Pp. 1-19.

Turunen O. The emergence of intangible capital. Human, social, and intellectual capital in nineteenth century British, French, and German economic thought. University of Jyväskylä. Jyväskylä, 2016. – 379 p.

Zimmermann H.-P. *Ästhetische Aufklärung: Zur Revision der Romantik in Volkskundlicher Absicht*. Würzburg. Königshausen & Neumann, 2001. – 674 s.

Yagi K. Karl Knies, Austrians, and Max Weber: A Heidelberg connection? *Journal of Economic Studies*. 2005. Vol. 32. № 4. Pp. 314-330.

Информация об авторе

Студенцов Виктор Борисович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Отдела экономической теории Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Россия.

(E-mail: studentcov.viktor@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-4242-0877) (elibrary Author ID: 7820-6575)

REFERENCES

Avtonomov V.S., Burina E.Yu. Fridrih List in Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 2019;(2):145-159. <https://doi.org/10.31857/S086904990004147-3> (In Russ.)

Avtonomov V., Gloveli G. The Influence of the German historical school on economic theory and economic thought in Russia. In: *The German historical school and European economic thought*. J.L. Cardoso, Psalidopoulos M. (eds.). London. Routledge. 2015: 185-203.

Avtonomov V., Hageman H. Russia and Western economic thought. Mutual influence and transfer of ideas. Cham. Springer, 2022. – 452 p.

Böhm-Baverk E. Capital and interest. Vol. 2 The positive theory of capital. Vol. 3. Essays. Chelyabinsk: Socium, 2010. – 904 p. (In Russ.)

Bulgakov S.N. *Philosophy of economy*. M.: Nauka, 1990. – 413 p. (In Russ.)

Commons J. R., Perlman S. Review. Sombart W. Der Moderne Kapitalismus. American Economic Review. 1929;19(1):78-88.

Dietzel K. Das System der Staatsanleihen im Zusammenhang der Volkswirtschaft Betrachtet Heidelberg: J.C.B. Mohr, 1855. – 227 p.

Dorfman J. The Role of the German historical school in American economic thought. The American Economic Review. 1955;46(2):17-28.

Garrison R.W. Eugen von Böhm-Bawerk: capital, interest, and time. In: 15 great Austrian economists. (ed.) Holcombe R.G. Auburn (Al), Ludwig von Mises Institute. 1999:113-122.

Ghosh P. From the “spirit of capital” to the “spirit of capitalism”: The transition in German economic thought between Lujo Brentano and Max Weber. History of European Ideas. 2009;35(1):62-92.

Hilderand B. The political economy of the present and future. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. – 279 p. (In Russ.)

Hildebrand B. Die Nationalökonomien der Gegenwart und Zukunft und Andere Gesammelte Schriften. Band I. Jena: G. Fischer, 1922. – 388 p.

Hodgson G.M. How economics forgot history: The problem of historical specificity in social sciences. London. Routledge, 2001. – 401 p.

Huften S. Historical school and institutionalism. Journal of Economic Studies. 2005;32(2):169-178.

Kiker B.F. The historical roots of the concept of human capital. Journal of Political Economy. 1966;74(5):481-499.

Knies K. Das Geld: Darlegung der Grundlehren vom dem Gelde. Erste Abtheilung. Berlin. Weidmann, 1873. – 450 p.

Knies K. Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der Geschichtlichen Methode. Braunschweig. Schwetschke, 1853. – 355 p.

Krabbe J.J. Historicism and organicism in economics; The evolution of thought. Dordrecht. Kluwer, 1996. – 189 p.

Kurz H.D. Friedrich Benedikt Wilhelm Hermann on capital and profits. The European Journal of the History of Economic Thought. 1998;5(1):85-119.

List F. Outlines of American political economy in a series of letters addressed by Frederik List to Charles J. Ingersoll. Philadelphia, Samuel Parker, 1827. – 40 p.

List F. Das Nationale System der Politischen Ökonomie. Stuttgart und Tübingen. Cotta Verlag, 1841. – 550 p.

List F. The National system of political economy. M.: Evropa, 2005. – 382 p. (In Russ)

List F. The National system of political economy. M.: Socium, 2017. – 451 p. (In Russ.)

List F. The Natural system of political economy. London-Totowa N.J., Cass, 1983. – 199 p.

Lallement M. Industrial relations and historical Institutionalism in United States. Année sociologique. 2005;5(2):365-389.

Marshall A. Principles of political economy. Vol. I. M.: Progress, 1983. – 415 p. (In Russ.)

Milford K. Nationalism, Volksgeist, and the methods of economics: A note on Ranke, Roscher and Menger. History of European Ideas, 1992;15(1-3):163-170.

Nevskiy S.I. Conceptual foundations of the post-war economic system of GFR. Ekonomicheskij zhurnal. 2006;(12):180-211. (In Russ.)

Plotnik M.J. Sombart and his type of economics. Dissertation. Columbia University, 1937. – 135 p.

Redlich F. Arthur Spiethoff on economic styles. *Journal of Economic History*. 1970;30(3):640-652.

Richter R. Bridging old and new Institutional economics: Gustav Schmoller, the leader of the younger German historical school, seen with Neoinstitutionalists' eyes. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1996;152(4):567-592.

Roscher W. Beginnings of the national economy. A guide for students and business people. Vol. 1. M.: Tipografiya V. Gracheva, 1860. – 340 p. (In Russ.)

Roscher W. Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland. Munchen. Oldenbourg, 1874. – 1085 p.

Schmoller G. Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Erste Teil. Munchen. Duncker & Humblot, 1920. – 560 p.

Schmoller G. Die Lehre vom Einkommen in ihrem Zusammenhang mit den Grundprincipien der Steuerlehre. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1863;19(1/2): 1-86.

Schmoller G.F. National economy, the science of the national economy and its method. Economy, morals and law. Division of labour. M.: Izdanie K.T. Soldatenkova, 1902. – 368 s. (In Russ.)

Schumpeter J. Gustav von Schmoller and the problems of today. *Journal of Contextual Economics*. 2018;138(3/4):261-304.

Schumpeter J.A. History of economic analysis. Vol. 3. Sankt-Peterburg, Ekonomicheskaya shkola, 2001. – 678 p. (In Russ.)

Sheptun A. The German historical school and Russian economic thought. *Journal of Economic Studies*. 2005;32(4):349-374.

Sombart W. Bourgeois: Essays on the history of the spiritual development of Modern Economic Man. M.: Nauka, 1994. – 443 p. (In Russ.)

Sombart W. The economic theory and economic history. *Economic History Review*. 1929;2(1):1-19.

Sombart W. Modern capitalism. Vol. 1. First half-volume. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Moskva-Leningrad, 1931. – 511 p. (In Russ.)

Storch A.K. A course of political economy, or an exposition of the principles that determine the well-being of the people; Reflections on the nature of national income. M.: Ekonomicheskaya gazeta, 2008. – 1116 p. (In Russ.)

Studentov V.B. Rereading Max Weber's «Protestant ethic»: questions, doubts and objections. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. 2019;(1):130-143. (In Russ.) DOI: [org/10.31063/2073-6517/2019.16-1.12](https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-1.12)

Turunen O. The emergence of intangible capital. Human, social, and intellectual capital in nineteenth century British, French, and German economic thought. University of Jyväskylä. Jyväskylä, 2016. – 379 p.

Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. – 804 p. (In Russ.)

Zimmermann H.-P. Ästhetische Aufklärung: Zur Revision der Romantik in Volkswirtschaftlicher Absicht. Würzburg. Königshausen & Neumann, 2001. – 674 p.

Zweinert J. History of economic thought in Russia. 1805-1905. M.: Izd. GUI VSHE, 2007. – 411 p. (In Russ.)

Yagi K. Karl Knies, Austrians, and Max Weber: A Heidelberg connection? *Journal of Economic Studies*. 2005;32(4):314-330.

Information about the Author

Viktor B. Studentsov – Candidate of Economics, Senior Research Fellow, Department of Economic Theory Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), Moscow Russia.

(E-mail: studentcov.viktor@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-4242-0877) (elibrary Author ID: 7820-6575)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.04.2023; одобрена после рецензирования: 20.06.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК: 330

DOI: 10.5281/zenodo.8320095 <https://zenodo.org/record/8320095>

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Руслан Солтанович Дзарасов¹

Доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, (Dzarasovr@gmail.com), (ORCID 0000-0003-0447-0352)

Ключевые слова: *перестройка, распад СССР, радикальные рыночные реформы, прокапиталистический блок, постсоветские общества*

Для цитирования: Дзарасов Р.С. Генезис современного российского капитализма // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 162-173.

THE GENESIS OF MODERN RUSSIAN CAPITALISM

Ruslan S. Dzarasov

Doctor of economics, Professor of the Financial University under the Government of RF, Moscow, Russia, (Dzarasovr@gmail.com), (ORCID 0000-0003-0447-0352)

Keywords: *Perestroika, breakdown of the USSSR, radical market reforms, pro-capitalist block, Post-Soviet societies*

For citation: Dzarasov R.S. The genesis of modern Russian capitalism. Problems in Political Economy. 2023;3(35):162-173.

JEL codes: P21, P26.

Генезис современного российского капитализма определялся двумя основными факторами: вырождением сталинской системы и влиянием глобального капитализма. Первая уходит своими корнями в историю русской революции и советского общества. Царская Россия демонстрировала типичные черты периферийного общества, рассматривавшего западный капитал как главную движущую силу своей индустриализации. Эти услуги оплачивались беспощадной эксплуатацией крестьянства и рабочих. Русская революция открыла первую волну борьбы периферии против ядра капиталистической мир-системы. Освобождение от зависимости от иностранного капитала привело к высоким темпам роста плановой экономики 1929-1975 гг. Однако формирование тоталитарного государства привело к господству государственной бюрократии, воспроизводящей иерархические социальные

¹ © Дзарасов Р.С., 2023.

отношения господства и подчинения. Новая правящая элита пользовалась материальными привилегиями и искала частные выгоды от неформального контроля над экономическими ресурсами. Это подорвало эффективность советской экономической системы и в конечном итоге привело к ее упадку.

Когда Горбачев ввел сверху демократию и гласность, бюрократия использовала эти перемены, чтобы сформировать мощный прокапиталистический блок социальных сил, заинтересованных в демонтаже советского строя. Входившие в него социальные группы отвергли социалистические ценности и начали демонтаж централизованного планирования. Их целью было трансформировать свое социальное положение в прибыльные материальные активы. Результатом этого процесса стал распад Советского Союза, отстранение Горбачева от власти и выдвижение на авансцену истории лидера радикально-капиталистических реформ в лице президента России Бориса Ельцина. Западное влияние сыграло решающую роль в формировании характера радикальных рыночных реформ в России, в основе которых лежали принципы знаменитого «Вашингтонского консенсуса». Последовавшая за этим приватизация способствовала превращению положения государственных чиновников в советской иерархии в частную собственность. Частная собственность в России закрепила неформальный контроль над активами, которым государственная бюрократия начала пользоваться еще в советское время. Это наследие в сочетании с влиянием глобального капитализма оказало основное формирующее влияние, сформировавшее нынешнюю российскую модель корпоративного управления.

Экономика централизованного планирования

Современный российский капитализм, генезису которого посвящена эта работа, возник в результате распада советского общества. Его наследие сыграло решающую роль в формировании современного общественного строя в России в условиях, созданных нынешним глобальным капитализмом. Вот почему мы кратко остановимся на основных чертах советской системы, указав на ее разрыв и преемственность с нынешним обществом.

В 1930-е годы Сталин, уже будучи диктатором, мнение которого никто не осмеливался оспаривать в своей стране, провозгласил строительство социализма в СССР. Троцкий ответил на это своей знаменитой книгой «Преданная революция». В ней он отрицал, что Советский Союз был социалистической страной. Он напомнил читателю, что социализм понимался в марксизме как бесклассовое общество, способное удовлетворить все материальные потребности людей. В этом принципиальном смысле нельзя было найти «намёка на социализм в Советском Союзе» (Trotsky, 2004, p. 2). Вот почему Троцкий считал советский режим лишь переходным, т.е. подготовительным для перехода от капитализма к социализму, и в этом смысле не являющимся ни первым, ни вторым. Ссылный мыслитель подчеркивал, что неперменной чертой социалистического общества является «отмирание государства», уступающее место самоуправлению трудящихся. Ничто так не контрастировало с репрессивной, тоталитарной природой сталинизма, как идеал социализма. Одним из проявлений этого обстоятельства стали ограничения системы советского централизованного планирования.

Все экономические системы подвержены так называемой «фундаментальной неопределенности», описанной Джоном М. Кейнсом (Carabelli, 1988). Это означает

вероятность, которую нельзя измерить численно и, следовательно, от неблагоприятных последствий которой нельзя застраховаться. Кейнс использовал это понятие для критики неоклассического (или неолиберального, говоря современным языком) понятия эффективности рынка и саморегулирования, основанного на предполагаемой способности предпринимателей адекватно рассчитывать будущие экономические переменные. Неустранимое присутствие фундаментальной неопределенности обрекает рынки на провал в какой-то момент времени. Вот почему, утверждал Кейнс, рынки должны регулироваться. Тот неоспоримый факт, что капитализм подвержен периодическим кризисам, подтверждает точку зрения Кейнса. Однако его решение вопроса о вмешательстве государства в экономическую жизнь косвенными средствами – не единственный ответ на проблему.

Задолго до Кейнса Карл Маркс тоже анализировал этот вопрос, но совсем с другой точки зрения. Если первый мыслитель трактовал фундаментальную неопределенность как естественное свойство человеческого разума, то второй связывал ее с общественными условиями производства. Марксова теория «товарного фетишизма» утверждает, что конкуренция между экономическими агентами делает путь экономического развития непредсказуемым, порождая стихийные процессы, не поддающиеся контролю со стороны индивидов. Яркий пример такого рода можно найти в непропорциональном распределении инвестиций, обусловленном жесткой конкуренцией на рынках капитала. В результате капиталистическая экономика периодически испытывает подъемы и спады. В связи с ростом концентрации производства и ростом накопления основных фондов непропорционально возрастает ущерб, наносимый обществу экономическими кризисами. Отсюда Маркс вывел объективную необходимость планирования. Таким образом, непрерывное накопление капитала, а не просто ограниченность человеческого разума, делает экономическое планирование необходимым в определенный исторический момент. Фактически планирование становится инструментом снижения неопределенности в экономике за счет вмешательства в ее функционирование. Это подчеркивал видный пионер советского планирования 1920-х годов Владимир Базаров: «Не умея прогнозировать, мы вынуждены опережать результаты развития в виде априорных плановых заданий» (Базаров, 1989, с. 168-169).

Идея планирования как альтернативы рынку лежала в основе мировоззрения советской экономической мысли. Это можно увидеть на примере школы политической экономии Цаголова, развитой в МГУ. В нем была предпринята попытка разработать систему понятий, отражающих советскую экономику как единое целое. Отправной точкой для этого подхода была планомерность (см. ниже). Все остальные категории советской экономики были выведены из этого основного понятия точно так же, как Маркс вывел свою систему капитализма из понятия товара.

Школа Цаголова различала планирование, как процесс принятия решений, и планомерность, как общественное отношение, свойство хозяйства определенного типа. Планомерность означает сознательное поддержание пропорциональности экономики. Это представление вытекало из марксистских схем воспроизводства, которые представляли экономический рост как результат взаимосвязи различных секторов народного хозяйства. Соразмерность означает сбалансированность, структурное соответствие всех основных отраслей и процессов в экономике, взятых в целом. Важным внешним проявлением этого состояния является полная за-

нотность материальных ресурсов и отсутствие безработицы. Пропорциональность соответствует понятию общего равновесия Вальраса, но не обеспечивается свободным взаимодействием рыночных сил. Пропорциональность всего народного хозяйства (сбалансированность) достигается за счет обеспечения системы частных балансов: потребления и накопления, доходов и расходов населения, промышленности и сельского хозяйства и т.д. Этого можно достичь только в том случае, если каждая отрасль будет производить продукцию именно в таком количестве и такого качества, в каком она нужна ее потребителям.

Планомерность советской экономики обеспечивалась целым комплексом государственных органов управления. С некоторым упрощением их функционирование может быть описано следующим образом. Политбюро ЦК КПСС, высший уровень власти в советской иерархии, разрабатывало основной сценарий развития страны на ближайшие пять лет (пятилетку). В документе отражался компромисс между противоречивыми целями потребления и социального развития, инвестиций и нужд обороны. Этот сценарий передавался в главный орган планирования – Госплан СССР. Он детализировал сценарий, используя 4-5 сотен экономических показателей, предназначенных для достижения целей, поставленных Политбюро. Из этого вытекали задачи для министерств, отвечающих за отдельные отрасли. Они разрабатывали планы развития промышленности, ставя задачи перед предприятиями. Руководство последних разрабатывало планы своих организаций, запрашивая соответствующие материальные ресурсы и инвестиции. Затем предложенные планы направлялись вверх по той же иерархии. Опираясь на эту более детальную информацию, Госплан уточнял свои задачи, и закреплял их в итоговом пятилетнем плане, который становился законом. Этот документ спускался через те же министерства к предприятиям. Согласно плану, Государственный комитет по снабжению (Госснаб) должен был распределять материальные и трудовые ресурсы между отраслями и предприятиями. Государственный комитет по ценообразованию (Госкомцен) рассчитывал цены, а Государственный комитет по труду (Госкомтруд) устанавливал ставки заработной платы для различных задействованных отраслей. Многие другие, менее важные аспекты централизованного планирования, выполнялись рядом других государственных органов. Вся эта работа должна была обеспечить сбалансированное состояние экономики. Например, структура ставок заработной платы должна быть построена таким образом, чтобы весь фонд заработной платы точно соответствовал стоимости выпуска потребительских товаров и услуг. Однако реальная картина плановой экономики была существенно иной.

Апологеты централизованного планирования во многом напоминают своих противников – убежденных сторонников свободного рынка. Действительно, обе стороны прилагают большие усилия, чтобы представить «свои» социальные системы свободными от конфликтов и присущих им противоречий. Это приводит к поразительным параллелям в их мышлении. Например, вера во всемогущество и в так называемый «общественный центр» (эвфемизм, означающий государство) при социализме предполагает отсутствие «фундаментальной неопределенности» точно так же, как вера во всеведение рыночного агента. В обоих случаях будущее предполагается прозрачным, предопределенным и предсказуемым, со сверхъестественными вычислительными способностями, приписываемыми либо государству, либо человеку. Это мышление позволяло сторонникам централизованного

планирования игнорировать корыстные интересы государственной бюрократии при социализме точно так же, как это мышление позволяет сторонникам свободного рынка игнорировать эксплуатацию при капитализме.

В исторической ретроспективе эффективность советского централизованного планирования выглядит как явление противоречивое. С одной стороны: «Выдающимся достижением советского строя стало создание единого народнохозяйственного комплекса на всей территории страны с последующим подключением к нему стран Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Благодаря плановому управлению всей экономикой за короткий срок удалось мобилизовать все ресурсы самой большой по территории страны в мире для построения эффективной системы образования, науки, здравоохранения, промышленности, раскрыть потенциал природных и человеческих ресурсов» (Пороховский, 2022, с. 24).

Система централизованного планирования продемонстрировала в 1929 (год начала индустриализации)-1975 гг. темпы роста, с которыми могла сравниться только Япония. Как лаконично объяснил Гур Офер: «После большевистской революции 1917 года Советский Союз благодаря интенсивному стремлению к экономической модернизации превратился из слаборазвитой экономики в современное индустриальное государство с ВВП, уступающим только Соединенным Штатам. За этот период советская экономика выросла в десять раз, а уровень ВВП на душу населения вырос более чем в пять раз. Его промышленная структура резко изменилась: от экономики с 82 процентами сельского населения и большей частью ВВП, создаваемой в сельском хозяйстве, к экономике, в которой 78 процентов составляют городские жители, а 40-45 процентов ВВП приходится на обрабатывающую промышленность и смежные отрасли. Кроме того, считается, что советский военный потенциал находится на одном уровне с Соединенными Штатами» (Ofer, 1987, p. 1767).

Воспользовавшись высокими темпами роста, советская экономика значительно повысила жизненный уровень и продолжительность жизни людей, обеспечила население бесплатным жильем, современным образованием и здравоохранением, создала фундаментальную науку, с которой могут сравниться только США, достигла мирового уровня технического прогресса в отдельных областях. Неоспоримый прогресс в экономическом и социальном развитии сделал советскую модель привлекательной для многих стран мира, пытающихся провести модернизацию, особенно на периферии капиталистической мир-системы.

С другой стороны, советская экономика страдала от постоянных дефицитов, низкого качества товаров народного потребления, чрезвычайно длительных сроков строительных циклов, выходящих далеко за пределы плановых сроков. Значительные льготы и социальная обеспеченность работников в сочетании с их отчужденностью от управления предприятиями приводили к плохой дисциплине на производстве и, следовательно, к низкой производительности труда. Гражданское производство и сельское хозяйство были заведомо отсталыми в технологическом отношении. С середины 1970-х годов прежние высокие темпы советского экономического роста начали заметно снижаться.

Дальнейшая судьба советской экономики, оказавшейся на перепутье, зависела от эволюции советской элиты.

Кризис планирования

Очень легко неверно истолковать крах советской системы, изображая его как провал централизованного планирования, которое советская система якобы не могла реформировать. На самом деле, это понимание доминирует в традиционной западной литературе о переходном периоде (см., например, Aslund, 2007, ch. 1-2). Это лишь еще одно проявление знаменитого тезиса о «конце истории». Его главная цель состоит не в том, чтобы оценить все сложные факторы распада советской системы, а в том, чтобы убедить широкую общественность в тщетности любых усилий по поиску альтернатив капитализму. (Эта потребность становится насущной во времена кризиса капиталистической мир-системы.) Этот традиционный и идеологический подход игнорирует эволюцию ключевых социальных институтов и доминирующих социальных интересов советского общества, лежащих в основе его гибели.

Как известно, марксизм основывает свое понимание социальной структуры населения на выделении крупных социальных классов, определяемых их отношением к средствам производства. Это создало проблемы для марксистского анализа классовой структуры СССР, поскольку советское общество ликвидировало частную собственность на средства производства. С другой стороны, как было показано ранее, Троцкому удалось дать очень глубокий анализ этой проблемы уже в 1930-х годах, отходя от марксистской теории классов. Это стало возможным благодаря тому, что марксизм признает более тонкую дифференциацию классов на социальные слои и социальные группы. Такая стратификация применялась и к обществам советского типа. Однако их отношения изображались (за немногими исключениями) отягощенными лишь мелкими противоречиями, за исключением так называемых «антагонистических», которые якобы относились только к капиталистическим обществам. Тем не менее этот подход может быть использован для изучения эволюции советского правящего слоя.

В качестве альтернативы советскую бюрократию можно анализировать с точки зрения теории элиты (Gel'man, Tarusina, 2003). Однако этот подход сосредоточен на том, как интересы элиты влияют на политику. Он не объясняет, как эти интересы формируются и становятся доминирующими. Это делается с помощью классового анализа. Дэвид Лейн предложил синтетический подход: «Сила анализа элит заключается в том, что он может различать политическую форму и экономическую: класс может артикулировать ценности, которые формируют институты и мотивируют политических акторов (политические элиты)» (Lane, 2011, p. 13). Другими словами, социальные классы, будучи сложными структурами, состоящими из различных слоев, порождают элиту, которая, в свою очередь, может состоять из различных групп, отражающих разные и часто конфликтующие интересы. Следовательно, динамика элиты отражает лежащую в основе динамику социально-экономической системы.

Упомянутые выше рекордные темпы советского экономического роста обеспечили быстрые изменения в социальной структуре: урбанизацию, соответствующее увеличение доли промышленных рабочих за счет доли сельскохозяйственных, увеличение количества работников умственного труда. Последняя выросла с одной шестой населения СССР в конце 1930-х годов до одной трети в 1980-х (Руткевич, 1999, с. 22). Это определило изменение социальной базы правящей бюрократии. При Сталине «главной социальной опорой режима» было крестьянство, а при

Брежнев и Хрущеве – рабочие. «В условиях перестройки профессиональные, не принадлежащие к системе образования работники стали восходящими группами и, можно предположить, обеспечили социальную базу, которая и подталкивала, и привлекала политику Горбачева» (Lane, 2011, p. 56).

Рабочие физического труда или интеллигенция представляли собой весьма неоднородную социальную группу. Мы должны помнить, что Советский Союз стремился стать первым «рабочим государством». Вот почему работники физического труда, хотя и были лишены политических прав, пользовались многими социально-экономическими привилегиями: полной занятостью, высокой заработной платой по сравнению с другими социальными группами (см. ниже), общественными фондами потребления, почти бесплатным жильем, образованием, здравоохранением и т.д. Это отразилось на структуре заработной платы. Так, средняя ставка заработной платы в образовании составляла в 1940 г. 97% средней ставки заработной платы в промышленности, в 1960 г. – 79%, а в 1985 г. – только 63%. В середине 1980-х годов начинающий работник со стажем работы всего 2-3 года зарабатывал больше, чем начинающий доцент (Руткевич, 2004, с. 63). Это вызывало рост социального недовольства как среди управленцев-бюрократов, так и среди различных групп интеллигенции.

Лейн (Lane, 2011, p. 38) выделяет две широкие социальные группы, которым суждено было стать движущими силами перехода от централизованного планирования к капитализму. В первую входят государственные чиновники, контролирующие экономику, культурную жизнь, правоохранительные органы и военный аппарат. Он называет его «административным классом». Его дополняет «класс приобретения», состоящий из людей, обладающих личными навыками, которые могут быть выгодно реализованы на рынке. Это интеллигенция. Значительные доли обеих значительных социальных групп все больше были недовольны эгалитарной практикой, преобладавшей в советском обществе.

Таким образом, бурный экономический рост Советского Союза в 20 веке привел к радикальным изменениям в социальной структуре общества, усложнению и потенциальной нестабильности, поскольку породил многообразные и зачастую противоречивые социальные интересы. Руткевич определил ряд социальных конфликтов, растущих под фасадом брежневского «реального социализма»: «Характерной чертой постепенно нарастающей напряженности в отношениях групп и слоев советского общества как социальной системы... было то, что весь процесс не совпадал с линиями разлома классово-социального деления, а зарождался внутри крупных социальных групп в результате возникновения новых слоев» (Руткевич, 2004, с. 62).

В силу тоталитарного характера советской политической системы это нарастание социальной напряженности не усиливалось за счет поиска социальных компромиссов и соответствующих реформ.

Подводя итоги, можно сказать, что в результате модернизации и длительного периода экономического роста, глубоко изменившего социальную структуру общества, советская система стала восприимчивой к нарастанию недовольства различных слоев общества, в том числе и правящей бюрократии. Именно на этом фоне следует рассматривать кризис централизованного планирования.

Кризис централизованного планирования

Несмотря на перманентное чиновничье хвостовство «преимуществами нашего общественного строя», составлявшее неотъемлемую часть их работы, советские экономисты пытались разобраться в этом неблагоприятном процессе. Известный советский специалист Юрий Яременко (Академия наук СССР) позже вспоминал, что сравнительные исследования экономических показателей СССР и США выявили загадку: в течение нескольких десятилетий СССР демонстрировал более высокие общие темпы роста, а доля его ВВП по отношению к своему сопернику (США) осталась почти таким же (примерно 60%) (Яременко, 1997, с. 4-26). Цаголовская школа МГУ искала объяснение падения темпов роста в нарушении оптимального баланса «централизма и самостоятельности предприятий». В студенческие годы автора этих строк на экономическом факультете МГУ (первая половина 1980-х) эти понятия понимались как очевидные эвфемизмы централизованного планирования и рынка. Утверждалось, что «централизация не тождественна планомерности». Диалектика последнего исходит из того, что чрезмерная централизация может порождать диспропорции точно так же, как и недостаточная централизация. Необходимо поддерживать баланс между двумя противоречивыми сторонами экономики, чтобы обеспечить планомерность. В силу идеологических причин проблема обсуждалась лишь в весьма абстрактных терминах и никогда не указывалась на ее источник – произвол власти и специфические корыстные интересы советской бюрократии.

Важное понимание внутреннего механизма функционирования экономик советского типа дает Яременко (Яременко, 1997). Размышляя над упомянутой выше взаимосвязью ВВП СССР и США, он пришел к выводу о качестве экономического роста как о важном ключе к проблеме. Это привело к формированию «теории качественной неоднородности ресурсов». Подводя итоги этого подхода, можно сказать, что он рассматривал советскую экономику как технологически неоднородную. Это означает, что подавляющая часть ее высококачественных ресурсов – оборудования, рабочей силы, сырья – была сосредоточена в военно-промышленном комплексе, а гражданский сектор экономики был вынужден довольствоваться низкокачественными ресурсами. Этот факт имел огромные и судьбоносные последствия для советского и современного российского экономического развития.

Для обеспечения экономического роста и увеличения потребления советского населения было необходимо обеспечить постоянно растущее предложение «масловых» (низкокачественных) ресурсов. Это достигалось за счет увеличения добычи полезных ископаемых, прогрессивной урбанизации земледельческого населения и привлечения женщин к промышленному труду, производства сравнительно несложного оборудования во все больших количествах. Такой тип экономического роста предполагает определенную структуру отраслей. Сектор, поставляющий промежуточные продукты, рос непропорционально. Чтобы обеспечить такой же процент роста ВВП в более крупной технологически неоднородной экономике, нужно больше производства электроэнергии, чугуна, капитального строительства, транспорта и т.д. По словам Яременко, это было основной причиной того, что СССР не мог догнать США в течение нескольких последних десятилетий перед распадом Советского Союза. США имели технологически более однородную структуру экономики, а значит и более высокое качество экономического роста!

Технологическая неоднородность стала ахиллесовой пятой советской экономики. Многие из ее ранее упомянутых узких мест, такие как низкое качество потребительских товаров и низкий рост производительности, можно отнести к этой проблеме. В 1970-е годы резервы дешевой рабочей силы и добычи сырья были практически исчерпаны. Это приводило к нарастанию диспропорций, что, в свою очередь, приводило к неизбежному падению темпов роста советской экономики. Между тем из-за провала разрядки на рубеже 1980-х годов и обострения «холодной войны» ее потери из-за гонки вооружений все более усиливались. В силу этого необходимость глубоких реформ советской системы все больше осознавалась определенной частью руководства страны.

На первый взгляд в основе советских проблем лежало «внеэкономическое бремя» (по выражению Яременко) гонки вооружений. Более глубокое понимание выявляет проблему чрезмерной централизации планирования как причины нарастания диспропорций. С точки зрения настоящего автора, сказанное является лишь экономическим измерением крупнейшей катастрофы советской истории – сталинского термидора. Обеспечив торжество традиционных ценностей над ценностями европейского социализма, он обесценил индивидуальные свободы. Опора на массовые ресурсы как на главный двигатель экономического роста была заложена в сталинской стратегии «Большого скачка» и в насильственной коллективизации. Она лежал в основе чрезмерной централизации планирования.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что политэкономическое осмысление советского опыта представляет далеко не только исторический интерес. «Социализма у нас нет, а политэкономия социализма нужна», - отметил А.В. Бузгалин (Бузгалин, 2022, с. 23). В самом деле, распад советской экономической системы начался с демонтажа централизованного планирования, за которым последовала приватизация. Эта последовательность соответствует логике Цаголовской школы, различавшей «исходное» и «основное» экономические отношения плановой системы. «...Первым из них является планомерность, а вторым – непосредственно-общественное соединение обобществленных средств производства с ассоциированными производителями» (Там же).

Заключение

Понимание истоков современного российского крупного бизнеса основано на осмыслении эволюции советской правящей элиты в среде, созданной глобальным капитализмом в конце XX века.

Советская система возникла в результате русской революции 1917 года, которая явилась кульминацией восстания периферии капиталистической миросистемы начала прошлого века. Новое общество преуспело в индустриализации, хотя и дорогой ценой. Однако вряд ли его можно назвать «социалистическим», так как он воспроизводил в новой форме социальное подавление. Согласно троцкистской концепции «термидора», с победой Сталина во внутрипартийной борьбе русская революция переживала буржуазное перерождение. Советское общество было лишь переходным, т.е. только пытавшимся построить социализм и, следовательно, соединившим в себе элементы социализма и капитализма. В силу экономической, социальной и культурной отсталости это общество породило новую привилегированную правящую элиту – партийную и государственную бюрократию. По Троцко-

му, ему суждено было либо быть свергнутым победившим рабочим классом, либо восстановить капитализм.

Идея планирования предполагает обеспечение соразмерности народного хозяйства, т.е. такого его состояния, при котором продукция каждой отрасли производится именно в таком количестве и качестве, какие нужны потребителям. В действительности чрезмерная централизация планирования, отражавшая власть бюрократии над обществом, нарушала экономические пропорции. Для советской экономики была характерна «технологическая неоднородность», обусловленная концентрацией наиболее качественных ресурсов в военно-промышленном комплексе. Сектор гражданского производства был вынужден полагаться на массовые низкокачественные ресурсы. Одним из основных недостатков централизованного планирования была произвольная власть бюрократии, контролирующей распределение доходов. Со временем это привело к все более неформальному контролю ее представителей над экономическими ресурсами. Это позволяло бюрократии присваивать частные доходы на основе государственной собственности.

В результате высоких темпов экономического роста, обеспечиваемых плановой экономикой, в 1929-1975 годах социальная структура советского общества резко изменилась с преимущественно аграрной на современную городскую. Это привело к внутренней дифференциации бюрократии и интеллигенции, выделению различных социальных слоев и групп с различными, а зачастую и противоречащими друг другу интересами. В условиях тоталитарного государства эти социальные противоречия не могут открыто обсуждаться и решаться. Из-за этого недовольство эгалитарным характером советского общества росло среди административно-приобретательского класса.

Эти социальные противоречия советского общества обострились, когда в середине 1970-х гг. источники массовых ресурсов были в значительной степени исчерпаны, а темпы экономического роста снизились. На этом фоне Горбачев начал свой проект перестройки, направленный на модернизацию советской системы. Неожиданно для него и для большинства внешних наблюдателей демократизация привела к формированию мощного прокапиталистического блока общественных сил, сформированного представителями правящей бюрократии и интеллигенции и возглавляемого ими. Ему удалось разрушить советскую систему и централизованное планирование и возвестить переход к капитализму.

Радикальные рыночные реформы, начатые в начале 1992 г., основывались на пресловутых принципах вашингтонского консенсуса, разработанных вашингтонскими финансовыми институтами для развивающихся стран. Суть их сводится к формуле «либерализация плюс стабилизация». Либерализация цен и внешней торговли, приватизация, сокращение государственных расходов и ограничительная денежно-кредитная политика прямо и косвенно способствовали легализации неформального контроля над активами со стороны новых собственников. Этот зарождающийся класс собственников формировался из представителей бывшей советской бюрократии (административный класс), интеллигенции (присваивающий класс) и преступного мира.

Переход от советской системы к капитализму был логическим следствием сталинского перерождения русской революции, эгалитарная и демократическая сущность которой была утрачена в пользу новой правящей элиты. Приватизация

началась в результате взаимодействия и взаимного усиления гниения советской бюрократии и влияния мирового капитализма. Появление нового класса собственников усилило и закрепило неформальный контроль прежней бюрократии и преступников над активами. Этот факт наложил неизгладимый отпечаток на российскую бизнес-элиту.

ЛИТЕРАТУРА

Базаров В. Принципы построения перспективного плана. Каким быть плану: дискуссии двадцатых годов: статьи и современные комментарии. Ленинград: Лениздат, 1989. – 224 с.

Бузгалин А.В. Зерна и плевела советской политэкономии (предисловие к круглому столу) // Вопросы политической экономии. 2022. № 4 (32). С. 22-23. DOI: 10.5281/zenodo.7521805

Пороховский А.А. СССР как вектор развития // Вопросы политической экономии. 2022. № 4 (32). С. 24-26. DOI: 10.5281/zenodo.7521815

Руткевич М. О социальной структуре советского общества // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 19-28.

Руткевич М. Возрастание социальной напряженности к концу советского периода // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 62-70.

Яременко Ю. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.

Aslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. – Peterson, USA: Peterson Institute Press: All Books, 2007.

Carabelli A. On Keynes's Method. London: The Macmillan Press Ltd., 1988.

Gel'man V., Tarusina I. Studies of political elites in Russia: an overview in: Gel'man V. and A. Steen (eds), Elites and democratic development in Russia. London: Routledge. 2003. Pp. 187-205.

Lane D. Elites and Classes in the Transformation of State Socialism. New Branswick (USA), London (UK): Transaction Publishers, 2011.

Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928-1985, Journal of Economic Literature, December 1987. Vol. 25. Issue 4. Pp. 1767-1883.

Trotsky L. The Revolution Betrayed. New York: Dover Publications, 2004.

Информация об авторе

Руслан Солтанович Дзарасов – доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

(E-mail: Dzarasovr@gmail.com) (ORCID 0000-0003-0447-0352) (elibrary AuthorID: 4232-1066)

REFERENCES

Bazarov V. Principles of developing the perspective plan. In: What should be the plan: controversies of the 1920s: papers and modern comments. Leningrad: LENIZDAT, 1989. – 224 p. (In Russ.)

Buzgalin A.V. The grains and chaff of the Soviet political economy (foreword to the round table). *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2022;4(32):22-23. DOI: 10.5281/zenodo.7521805 (In Russ.)

Porokhovskiy A.A. USSR as a factor of development. *Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy*. 2022;4(32):24-26. DOI: 10.5281/zenodo.7521815 (In Russ.)

Rutkevich M. On the social structure of the Soviet society. *Sotsiologicheskiy issledovaniya=Sociological research*. 1999;4:19-28.

Rutkevich M. Growth of the social tensions to the end of the Soviet period. *Sotsiologicheskiy issledovaniya=Sociological research*. 2004;7:62-70.

Yaremenko Y.V. Theory and methodology of the studies of the multilevel economy. M.: NAUKA. 1997. – 400 p. (In Russ.)

Aslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. – Peterson, USA: Peterson Institute Press: All Books, 2007.

Carabelli A. On Keynes's Method. London: The Macmillan Press Ltd., 1988.

Gel'man V., Tarusina I. Studies of political elites in Russia: an overview in: Gel'man V. and A. Steen (eds), *Elites and democratic development in Russia*. London: Routledge, 2003. Pp. 187-205.

Lane D. Elites and Classes in the Transformation of State Socialism. New Branswick (USA), London (UK): Transaction Publishers, 2011.

Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928-1985, *Journal of Economic Literature*, December 1987. Vol. 25. Issue 4. Pp. 1767-1883.

Trotsky L. The Revolution Betrayed. New York: Dover Publications, 2004.

Information about the author

Ruslan S. Dzarasov – Doctor of Economics, Professor of the Financial University under the Government of RF, Moscow, Russia.

(E-mail: Dzarasovr@gmail.com) (ORCID 0000-0003-0447-0352) (elibrary AuthorID: 4232-1066)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.06.2023; одобрена после рецензирования: 10.07.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

УДК: 330.1

DOI: 10.5281/zenodo.8320105 <https://zenodo.org/record/8320105>

ПОНЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Варвара Николаевна Рогожникова¹

Кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (veselial@mail.ru), (ORCID 0000-0002-1368-0098)

Ключевые слова: экономика, философия и методология экономики, творчество, человеческое поведение, технологии, экономическое развитие, личность

Для цитирования: Рогожникова В.Н. Понятие творчества в современной экономической науке // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 174-187.

THE CONCEPT OF CREATIVITY IN MODERN ECONOMIC SCIENCE

Varvara N. Rogozhnikova

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Faculty of Economics Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (veselial@mail.ru), (ORCID 0000-0002-1368-0098)

Keywords: creativity, human behavior, economics, philosophy and methodology of economics, technology, economic development, personality

For citation: Rogozhnikova V.N. The concept of creativity in modern economic science. Problems in Political Economy. 2023;3(35):174-187.

JEL codes: B41.

Введение

Творчество – важнейшая составляющая человеческой деятельности и условие развития общества. Творческое усилие человека формирует культуру, частью которой является экономика. Сегодня технологическое развитие меняет человеческое поведение, культуру и структуру общества. В современном обществе более востребованными становятся инновационные решения, новые подходы и прорывные технологии, создание которых является результатом творчества. Экономическая наука (в лице ее мейнстрима и, в частности, неоклассической экономической теории) ставит своей целью понимание, объяснение и предсказание экономическо-

¹ © Рогожникова В.Н., 2023.

го поведения человека. Можно ли, используя инструментарий неоклассической экономической теории, анализировать творческое поведение человека? Отвечая на этот вопрос, необходимо обозначить границы неоклассического понимания творчества. Таким образом, цель работы – сформулировать понятие творчества в неоклассической экономике. Для этого необходимо: 1) сформулировать основные характеристики современного общества и экономики; 2) определить особенности философского понимания творчества; 3) дать наиболее общее определение понятия «творчество» с опорой на модель экономического человека, принятую в неоклассической экономической теории; 4) выявить взаимосвязь и различия философского и экономического понимания творчества. Основой сравнения философского и экономического подходов к определению понятия «творчество» для нас выступает тот факт, что творчество сегодня является категорией обеих наук, но философское понимание творчества – базовое, и сравнение с ним позволит определить перспективы развития экономической интерпретации этого понятия.

Основные характеристики современного развития общества и экономики

Наше общество называют постиндустриальным обществом, информационным обществом, обществом знаний. Имеющие различный смысл, эти понятия тем не менее описывают похожие явления:

1) *Процессы передачи информации все больше обуславливают развитие общества.* От доступа к информации и знанию зависит социальное положение человека, коммуникация в организациях выстраивается вокруг процессов получения, обработки и передачи информации. Д. Белл пишет, что в современную эпоху теоретические знания являются «стержнем, вокруг которого будут организованы новые технологии, экономический рост и социальная стратификация» (Белл, 2004, с. 152). Ф. Махлуп, родоначальник экономики знания, уточняет, что вся информация есть знание, но не всякое знание есть информация (Machlup, 1962, p. 15). Знание в том числе является результатом «открытия, изобретения, интуиции» (Там же, p. 14), то есть результатом творчества.

Развитие экономики знания связано с процессом *перехода от капитала к знаниям* как к источнику создания стоимости². Как отмечает один из классиков литературы о цифровой экономике Д. Тапскотт – «содержание знаний в продуктах и услугах значительно растет по мере того, как потребительские идеи, информация и технологии становятся частью продуктов» (Tapscott, 2015, p. 55), а «ключевыми активами организаций являются интеллектуальные активы» (Там же, p. 57). Эта ситуация порождает кризис в сфере образования, когда потребности обучающихся не находят удовлетворения в шаблонных учебных программах, а информационный ресурс используется для укрепления административной составляющей образовательных организаций, а не для трансформации учебных программ и методов преподавания. В таких условиях индивидуальная образовательная траектория и отсутствие узких дисциплинарных и административных рамок в процессе обучения становятся решающими факторами развития человеческого капитала. Таким образом, и образование как услуга, и образование как процесс получения знаний предполагает творческий подход.

² Подробнее см.: Baldwin R., Forslid R. Globalization and development: when manufacturing is jobless and services are tradable. Working Paper 26731. National Bureau of Economic Research. Cambridge, 2020. <http://www.nber.org/papers/w26731> (дата обращения: 26.06.2023).

В наше время вряд ли получится организовать образовательную деятельность без использования коммуникационных технологий – различных приложений и Интернета. Но знание в новой реальности превращается в товар, и сам человек включается в производственную гонку в качестве товара, в результате чего утрачивает свою сущность³, а его творчество сводится к производству. В то же время информационные технологии являются основой для «непрерывного образования», которое выступает залогом не только сохранения занятости, но и профессионального развития, интересной и насыщенной жизни.

2) С новой ролью знаний связано и *изменение социальной структуры общества*. Английский социолог Э. Гидденс отмечает, что «благодаря распространению принципов знаниевой и сервисно-ориентированной экономики» изменениям подверглись все классы общества (Гидденс, 2010, с. 19). Например, формируется креативный класс, состоящий из «людей, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности... работников интеллектуального труда, символических аналитиков, а также лиц свободных профессий и технических специалистов» (Флорида, 2007, с. 85). Э. Гидденс относит к креативному классу «занятых в индустрии творчества, рекламы, продвижения, работающих в сфере IT-технологий, финансов и банкинга» (Гидденс, 2010, с. 23). В современной России этот класс включает людей, занимающихся творческой и интеллектуальной деятельностью⁴. При этом креативный труд следует отличать от квалифицированного труда, который требует определенного уровня образования, но допускает рутинизацию (Маслов, 2018). В отечественной научной литературе, например, в работах Т.Д. Степановой, «креативный труд» противопоставляется «творческому труду» как «всеобщему /и/ созидательному» (Степанова, 2020, с. 157), а также критикуется «подсчет креативного класса по профессиям» (Степанова, 2022), так как в каждой профессии есть и те, кто занимается креативным трудом, и те, кто выполняет рутинные операции.

Среди работников, занятых творческим трудом, выделяется в том числе и прекариат – еще один новый социальный класс, обладающий «профессиональными знаниями, квалификацией, опытом... /а также/ нестабильным социальным положением с неопределенной, гибкой (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда» (Тощенко, 2018, с. 81). Технологии обеспечивают высокую мобильность работников, формируя новую модель поведения: «цифрового кочевника». К основным чертам личности-кочевника относятся склонность к риску и неопределенности, любовь к свободе, стремление к оптимальному балансу «работа – семья», свободное владение современными технологиями, психологическая устойчивость, адаптивность и минималистичный образ жизни⁵.

³ Более подробным анализ этого вопроса в связи с развитием техники см. в работе: Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.

⁴ См. подробнее: Креативный класс России: портрет в цифрах. Научный дайджест. Спецвыпуск. 2023. С. 2. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/807171541.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).

⁵ Подробнее о цифровом кочевничестве и личности цифрового кочевника см., например: Добринская Д.Е. О феномене цифрового кочевничества // ЭКО. 2020. № 2. С. 37-59. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59>; Шибаршина С.В. «Стабильная нестабильность» как внутренняя зона комфорта цифрового кочевника // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2017. С. 291-296; Hannonen O. In search of a digital nomad: defining the phenomenon // Information Technology and Tourism. 2020;22(3):335-353.

Изменение социальной структуры общества связано с изменениями в структуре и формах занятости. Возникают нестандартные формы занятости, отличающиеся от стандартной формы занятости, например, заключением срочного (а не бессрочного) договора, неполной или самостоятельной занятостью и т.д.⁶ Такой формой занятости является, например, фрилансерство, а самих фрилансеров можно определить как «случайных работников», которые «не имеют четких гарантий занятости в течение одного промежутка времени, однако могут иметь срочные и бессрочные договоренности с заказчиками на тот или иной временной отрезок» (Разумова, Кирсанова, 2022, с. 58). В трудовом процессе цифровизация используется работодателями как механизм сокращения издержек, что затрагивает в том числе и средний класс (Разумова и др., 2020, с. 25). В то же время цифровизация приводит к росту спроса на работников с высшим образованием, способных непрерывно обучаться в том числе использованию новых технологий.

3) Условием сохранения преимущества творческих профессий не в последнюю очередь выступает *развитие коммуникационных технологий*. Они дают быстрый доступ к информации, упрощают ее изменение и передачу, предлагают новые возможности ее осмысления и использования, а также «распространяют знания» (Machlup, 1962, р. 207). В то же время Интернет позволяет «избежать» творческого акта, предлагая готовые шаблоны мышления и поведения, подкрепляемые, в частности, рекламой.

Развитие коммуникационных технологий во второй половине 20 века привело к *формированию цифровой экономики*. Как писал Д. Тапскотт, это «новая экономика, основанная на объединении человеческого интеллекта» (Tapscott, 2015, р. XXIII). Другой первопроходец цифровой экономики Н. Негропonte описывал ее как переход «от атомов к битам» (Negroponte, 1995, р. 4), то есть от материальных к электронным носителям информации. Цифровую экономику можно определить как способ хозяйствования, построенный на использовании таких технологий, как автоматизация, робототехника, телекоммуникационные устройства. В результате развития этих технологий возникает виртуальная реальность, с трудом поддающаяся регулированию и контролю и непосредственно влияющая на экономические процессы, например, создающая ниши для новых товаров, как произошло с NFT⁷, и новых профессий. Цифровая экономика и виртуальная реальность способствуют развитию творческих навыков работников, хотя одновременно создают и возможности для шаблонизации человеческой деятельности.

4) В противоположность шаблонизации человеческой деятельности, наше время характеризуется *вниманием к индивидуальности*. Оно также связано с распространением информационных технологий, и в особенности Интернета, сделавшего возможной индивидуальную настройку потребляемых потоков информации. Возникший феномен Т. Фридман, автор концепции «плоского мира», определил

⁶ См. подробнее о критериях и формах нестандартной формы занятости: Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Международное Бюро Труда. Женева, 2017. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_554952.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ NFT – Non-fungible token, «цифровой актив, который представляет объекты реального мира, такие как искусство, музыка, игровые предметы и видео»: Conti R., Schmidt J. What Is An NFT? Non-Fungible Tokens Explained // Forbes. 08.04.2022. URL: <https://www.forbes.com/advisor/investing/cryptocurrency/nft-non-fungible-token/#:~:text=An%20NFT%20is%20a%20digital,in%20game%20items%20and%20videos> (дата обращения: 16.07.2022).

как «самосотрудничество», превращающее «вас в вашего собственного уполномоченного исследователя, редактора и отборщика развлечений, которому нет необходимости зависеть от библиотеки, кино и телеканалов» (Фридман, 2014), а поиск в Интернете в «окончательное выражение мощи отдельного человека, использующего компьютер, смотрящего на мир и находящего то, что ему нужно, – ведь в этом ни один человек не похож на другого» (Там же). В этих условиях в экономике и медиа разворачивается борьба за внимание индивидуальности, понимаемой как совокупность характеристик, отличающих одного человека от другого, к услугам и товарам. Как отмечает Ж. Бодрийяр, персонализация как символ нашего времени происходит там, где личности нет: «дифференцироваться – значит сближаться с моделью, определять себя в зависимости от абстрактной модели... и в силу этого отказываться от всякого реального различия» (Бодрийяр, 2006, с. 119). Результатом такого процесса становится «культ различия» (Там же, с. 120). Несмотря на засилье индивидуальности, наше общество предлагает и определенные возможности для становления подлинно творческой личности, например, развитие демократических институтов, поддерживающих свободу мысли, которая необходима для формирования собственного мировоззрения, а также развитие науки и искусства, являющихся платформой свободного высказывания и творческого изменения мира.

Внимание к индивидуальности и личности в экономике проявляется, например, в современной экономике труда, где анализ поведения работников и работодателей, с одной стороны, основывается на предпосылках неоклассической экономики, а с другой, использует методы новой институциональной экономической теории⁸. Несмотря на то, что представление о человеке в экономике труда все еще носит описательный характер, теории в этой сфере экономической науки начинают включать такие характеристики человека, как пол, возраст, образование, культурные особенности⁹. Это позволяет приблизиться к описанию человека как личности. Другим примером внимания к личности в экономике является поведенческая экономика, развивающаяся на стыке психологии и экономики. Это направление исходит из предпосылки об иррациональности человеческого поведения, что позволяет описывать инновационное и творческое поведение¹⁰. В статье Р. Талера отмечается, что модель человека в экономике с ходом времени станет более реалистичной и начнет учитывать разные уровни IQ, сниженную способность к обучению, особенности познавательных процессов и эмоции (Талер, 2014). Все это позволит анализировать более личностные варианты поведения, а личность – это творец.

Таким образом, процессы, происходящие в современном обществе и экономике, позволяют предположить, что творчество сегодня становится важнейшей харак-

⁸ Подробнее об этом можно почитать в работах Brožová D. Modern labour economics: the neoclassical paradigm with institutional content // *Procedia Economics and Finance*. 2015;(30):50056; Wueest B., Fossati F. Quantitative discursive institutionalism: a comparison of labour market policy discourse across Western Europe // *Journal of European Public Policy*. 2015;22(5):708-730. DOI: 10.1080/13501763.2014.976834

⁹ Более подробное исследование этого вопроса см. в работе: Рогожникова В.Н. Представления о человеке труда на языке современной экономики // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 2019. Т. 11. Вып. 1. С. 7-20.

¹⁰ Исследование этого вопроса на примере поведенческой экономики см. в работе Neto J.Ch., Filipe J.A., Caleiro A.B. Creativity and innovation: A contribution of behavioral economics // *International Journal of Innovation Studies*. 2019;3(1):12-21.

теристикой человеческого поведения и как таковая привлекает внимание ученых. Основными чертами творческого поведения являются открытость новому, риск и свобода. Творчество – это неисчерпаемый ресурс адаптации к непредсказуемым условиям жизни и ресурс ее изменения.

Понятие творчества в современной философии

Творчество – это прежде всего философское понятие, поэтому логично будет начать с его философского определения.

Философы размышляли о творчестве со времен Античности. Платон в диалоге «Пир» определял творчество как то, что вызывает «переход из небытия в бытие» (Платон, 1970, с. 135). Аристотель различал науку о природе, науку о деятельности и науку о творчестве; первая есть наука умозрительная и предпочтительна двум другим: только в природе ее начало находится в ней самой, в творчестве же это начало находится вовне – в том, кто осуществляет творческую деятельность (Аристотель, 1976, с. 284-285). Кроме того, следует различать науку и искусство: первая изучает сущность вещей, а второе – создает вещи. В Античности творчество не связывалось с личностью; использовавшееся в то время понятие *persona* (маска) не давало представления о творческой свободе и самостоятельности личности. В Средние века творчество считалось атрибутом, прежде всего, Бога и понималось как ничем не ограниченная способность создавать определенный порядок вещей, а для человека это способность «творить в уме подобие исходного образа» (Аквинский, 2002, с. 133), причем само наше творчество лишь подобно аналогичной божественной силе. В эпоху Возрождения творчество «возвращается» человеку и осмысливается как сила, преобразующая мир и саму творческую личность. Н. Кузанский пишет, что творение есть бог как все (Кузанский, 1979, с. 101), то есть одновременно и творение, и творец, и «такой максимум возможен только в человеческой природе» (Там же, с. 149).

В Новое время философское понимание творчества расширяется, появляется множество учений, по-разному объясняющих сущность творчества. Но главное остается: философия рассматривает творчество целостно, как одну из составляющих природы человека и существенную часть личности.

Особую роль в философском определении творчества играет свобода. В философии различают «свободу от» и «свободу для»: первая носит негативный характер и подразумевает отсутствие препятствий для осуществления свободного действия; вторая – это и есть собственно свобода как сознательное, волевое усилие личности по реализации своей мировоззренческой установки. Как отмечают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, реализация свободы подразумевает социальную востребованность «своеобразия и неповторимости личности» (Бузгалин, Колганов, 2015, с. 440) – в этом случае будет возможно не только личностное творчество, но и со-творчество, например, создание новых экономических и социальных институтов. С точки зрения Н.А. Бердяева, одного из известнейших философов 20 века, писавших о творчестве, последнее не может быть детерминированным, в том числе социальными условиями и потребностями, поскольку оно возникает из ничего (Бердяев, 1989, с. 368-369). В то же время творчество претерпевает объективацию, поскольку творец стремится создать новый мир, а создает произведение искусства или товар. В этом смысле экономическое творчество – это тоже результат объективации.

В современной западной философии наиболее актуальны проблемы, связанные с творчеством как специфически человеческим качеством в противоположность «машинной» деятельности. Например, можно сравнить «алгоритмическое» рассуждение и творческое мышление. Последнее порождает новые идеи, без которых наших знаний всегда недостаточно: теоретически можно считать, что искусственный интеллект может мыслить в «логике открытия», но сама эта логика является результатом творческого акта (Hanzal, 2023).

Современные российские исследователи выделяют следующие основные характеристики философского подхода к творчеству (Резник, 2013-2014), (Самохвалова, 2015)¹¹:

1) *Творчество – это онтологическая характеристика человека, оно присуще человеку как существу особой природы, это то, что позволяет ему быть и оставаться человеком. В творческом акте человек создает и реализует смысл своей жизни.*

2) *Философия дает творчеству системное, целостное определение, в то время как частные науки, например, социология и психология, анализируют только определенные аспекты творчества.*

3) *Творческое поведение – это всегда личностный акт. Ни масса, ни индивид как ее представитель не могут ничего создать, так как творчество всегда основано на личных переживаниях и мировоззрении.*

4) *Философия не создает модель творческого поведения, так как стремится понять это явление во всей его сложности, а модель является упрощением действительности.*

Таким образом, *творчество в философии – это онтологическое свойство, присущее личности, а также свободный процесс придания человеческой жизни осмысленности, содержанием которого является создание нового.*

Понятие творчества в экономической науке

Предметом современной неоклассической экономической теории выступает экономическое поведение индивида; экономика – это наука о выборе наиболее эффективных способов удовлетворения безграничных потребностей людей путем рационального использования ограниченных ресурсов. Это определение представляет собой модификацию уже классического определения предмета экономической науки Л. Роббинса: экономика как «наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» (Роббинс, 1993, с. 18).

В этом контексте можно говорить о следующих общих аспектах понимания творческого поведения в экономике:

1) *Творчество – это характеристика прежде всего трудового поведения человека. Труд понимается как работа по созданию стоимости, а результатом труда может быть товар, услуга, идея. Творческому трудовому поведению способствуют такие свойства человека, как рациональность, изобретательность и умение сравнивать альтернативы. Эти свойства находят свое выражение в моделях экономическо-*

¹¹ Также о понятии творчества в философии см. Бескова И.А., Касавин И.Т. Творчество // Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М.: Мысль. 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089445249fc349f1553108> (дата обращения: 26.05.2023).

го и институционального человека, дополняемых подходом поведенческой экономики. Последний фокусируется на «индивидуальном процессе принятия решений и человеческом взаимодействии /делая акцент на/ нестандартных предпочтениях, нестандартных убеждениях и нестандартном принятии решений» (Dohmen, 2014, p. 73). Особое внимание при этом уделяется личностной психологии и, таким образом, анализу микроуровня экономических взаимодействий. Этот подход, тем не менее, принимается далеко не всеми исследователями, занимающимися экономикой труда: они часто предпочитают более простые модели неоклассической экономической теории.

2) Общим для всех перечисленных подходов является *понимание творчества как продуктивной деятельности, ведущей к созданию нового товара или услуги*. Это инновационная деятельность, ориентированная на потребителя. Инновацию можно определить одновременно как результат и как процесс создания нового. Существенными характеристиками инновации являются неопределенность и сложность ее измерения¹².

3) *Неоклассическая экономическая теория исследует поведение прежде всего индивида как представителя массы, а не личности*. В рамках теории человеческого капитала утверждается, что творческий результат является итогом процесса развития имеющихся у каждого человека способностей, талантов, навыков, умений и знаний (Becker, 1994)¹³. Как именно и за счет чего создается преимущество конкретного работника на рынке труда, особого значения не имеет.

4) Цель экономики – по крайней мере, в теориях мейнстрима – понять, объяснить и предсказать экономическое поведение. Для этого *экономисты используют модель человека* – аналитический инструмент, позволяющий на основе определенных предпосылок формулировать гипотезы и строить теории относительно человеческого поведения. Рабочей моделью неоклассической экономической теории является модель экономического человека. К основным ее предпосылкам относятся принцип методологического индивидуализма, ограниченная рациональность поведения, эгоистическая мотивация и принцип максимизации полезности. Принцип методологического индивидуализма гласит, что социальные процессы следует интерпретировать через индивидуальное поведение, индивид же при этом рассматривается как представитель массы, что делает данный принцип не совсем подходящим для анализа творческого поведения. Предпосылка ограниченной рациональности заключается в том, что способности человека к анализу информации и сравнению альтернатив не абсолютны, но все же человек изначально рационален в своем поведении. Эта предпосылка не учитывает фактора иррациональности человеческого поведения, что может быть важным для анализа творческого действия. Эгоистическая мотивация не описывает ситуации, когда человек ставит на первый план интересы других людей, что, однако, может служить основанием для творчества. Наконец, принцип максимизации полезности подразумевает, что человек стремится к наибольшей материальной выгоде для себя, что не учитывает, например, такую цель творческого поведения, как благотворительность или самовыражение.

¹² Подробнее об особенностях инноваций см.: Kline S.J., Rosenberg N. An Overview Of Innovation. Studies on Science and the Innovation Process, 2009. Pp.173-203.

¹³ Также см.: Капелюшников Р.И. Теория человеческого капитала. Аннотация. 1998. URL: <http://www.libertarium.ru/10624> (дата обращения: 11.06.2023).

Таким образом, *творчество в экономике – это рациональный процесс создания новых продуктов и услуг на основе имеющихся у индивида талантов, знаний и умений, при этом основным мотивом такого поведения является эгоистичный интерес, а целью – получение возможно большей выгоды.*

Ограничения экономического понимания творчества

В разных экономических теориях творчество осмысливается по-разному. Мы ограничимся только подходом неоклассической экономической теории, поскольку нам важно показать отличие экономического понимания творчества от базового, философского.

Описывая основные особенности неоклассической экономической теории, современный философ и экономист Т. Лоусон отмечает, что последняя характеризуется использованием математического моделирования, имеющего дедуктивистскую природу (Lawson, 2016). Дедуктивистский подход предполагает, что экономику можно рассматривать как закрытую систему изолированных атомов, поведение которой легко предсказать. При этом неоклассика нацелена на изучение творческого или инновационного поведения, чья предсказуемость ограничена. В результате в рамках неоклассической школы возникает конфликт между онтологией – признанием существования исторического, каузально-процессуального мира – и методом, который такой мир отрицает (Там же, р. 55). Эти особенности неоклассики находят свое выражение в модели экономического человека. Ее параметры можно сравнить с основными характеристиками творческого человека. Различия этих характеристик предопределены, на наш взгляд, тем, что экономический человек – это модель, инструмент анализа человеческого поведения, в то время как творческий человек, рассматриваемый с философских позиций, не является моделью, хотя творческое поведение и может рассматриваться как система определенных характеристик, которые мы и представили в таблице 1 ниже, взяв за основу предпосылки модели экономического человека.

Таблица 1
Сравнение характеристик экономического и творческого человека

<i>Экономический человек</i>	<i>Творческий человек</i>
Ограниченные ресурсы – безграничные потребности – необходимость выбора	Ограниченные ресурсы – безграничные способности – потребность в синтезе
Выбирает на основе предпочтений и ограничений	Более гибок в предпочтениях
Сравнивает и оценивает альтернативы	Интуитивен и импульсивен
Руководствуется своими интересами, но может учитывать интересы других людей	
Доступ к информации и/или сама информация ограничены	Может преодолевать ограниченность информации за счет творческой фантазии
Выбор рационален: выбирает вариант, максимально соответствующий потребностям	Может поддаться минутному настроению или интуиции
Методологический индивидуализм	Методологический трансцендентализм – стремление выйти за свои пределы

Источник: Составлено автором на основе (Автономов, 1998).

Уже на уровне базовых определений творчества, приведенных выше, понятно, что философия дает более системное понимание творчества по сравнению с экономическим. В то же время из таблицы видно, что оба подхода сравнимы, по крайней мере, в части базовых характеристик экономического и творческого поведения. Это не случайно. Как мы отмечали выше, представители новых социальных классов склонны к большему риску, ценят свободу выбора форм занятости и места работы, стремятся выстраивать свою карьеру с учетом баланса «работа – семья – здоровье – образование». Мы также отмечали, что эти черты свойственны творческому поведению. Как пишет В.С. Автономов, теория предпринимательства Шумпетера фактически описывает «экономическое творчество, то есть введение в практику более эффективных комбинаций производительных благ» (Шумпетер, 2008, с. 17), а сам предприниматель, в свою очередь, является ярким примером «экономического человека». Следовательно, нельзя сказать, что модель экономического человека не может строиться с учетом характеристик, приведенных в правом столбце таблицы. Синтез также может быть результатом выбора, а стремление выйти за свои пределы в принципе не противоречит методологическому индивидуализму – нам просто ничего не известно о том, как экономический, массовый человек относится к своим пределам. Можно допустить, что массовость определенного типа поведения уже есть преодоление индивидуальных границ – и наоборот, индивидуальные стратегии экономического поведения есть выход за пределы массовых паттернов. Но, как мы отмечали, массовость и творчество – вещи несовместимые, а индивидуальность и творчество совместимы ограниченно.

Таким образом, в контексте нашей темы возможны два варианта концептуализации «творческого человека»: философская концептуализация предполагает целостное осмысление творчества как онтологической основы любого, в том числе экономического поведения, и не предполагает построение модели творческого человека, но может предложить для нее определенные предпосылки; экономическая концептуализация опирается на отдельные предпосылки творческого поведения и, формируя модель такого поведения, соединяет их с теоретико-методологическим ядром той или иной экономической теории.

Взаимосвязь двух типов концептуализации возможна также в двух аспектах: во-первых, экономическая наука может использовать философское понимание творчества для создания расширенной модели человека; во-вторых, философия может использовать экономическое понимание творчества для формирования целостного понимания последнего. В экономике такое обогащение пока происходит не за счет философии, а за счет психологии – в поведенческой экономике. Включить философский подход в экономические теории творческого поведения поможет возрождение внимания к фундаментальным философским проблемам экономической науки.

Заключение

Итак, тенденции современного социально-экономического развития противоречивы. С одной стороны, в нашем обществе создаются условия для творческого развития человека, с другой стороны, присутствуют и тенденции, затрудняющие это развитие. Источник этих противоречий – развитие современных коммуникационных технологий. Тем не менее, творческое действие человека является усло-

вием и развития общества и экономики, и успешной самореализации работника. Творческая составляющая в поведении человека требует соответствующих методов анализа этого поведения, в том числе в экономике.

Однако развитие самой экономической науки также противоречиво: с одной стороны, она активно сотрудничает с другими социальными и естественными науками, расширяя свой арсенал методов анализа человеческого поведения, а с другой стороны, методологический аппарат неоклассической экономической теории, несмотря на его критику, остается одним из самых востребованных. Как часто бывает, преимущества методологического аппарата науки в некоторых ситуациях оборачиваются его ограничениями. Эти ограничения наиболее ярко проявляются в модели экономического человека. С нашей точки зрения, эта модель вполне подходит для анализа потребительского поведения, но не может служить инструментом анализа и предсказания творческого поведения. Потребителя можно рассматривать как массового человека, индивида, а работник и изобретатель – это личности, которым может быть свойственно творческое поведение. Модель экономического человека не является подходящим инструментом для анализа такого поведения, поскольку предпосылки неоклассической экономической теории не учитывают личностный момент творческого поведения, его разнообразную мотивацию.

Эта проблема может быть решена, во-первых, включением в модель экономического человека элементов других моделей человека – например, марксистской, неоавстрийской или институциональной, а если брать междисциплинарный аспект, то модели психологического или социологического человека; во-вторых, обращение экономистов к философии может расширить экономическое понимание творчества.

ЛИТЕРАТУРА

Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. – 230 с.

Аквинский Ф. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1-43. Киев: Эльга; Ника-Центр; М.: Элькор-МК, 2002. – 560 с.

Аристотель. Метафизика. Сочинения в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. – 550 с.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. – 788 с.

Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. – 607с.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Marx re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.

Гидденс Э. Новые социальные классы постиндустриального общества // Социология. 2010. № 2. С. 19-24.

Кузанский Н. Об ученом незнании. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1979. – 488с.

Маслов Г.А. Творческий труд: предпосылка теоретической революции? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 93-109.

Платон. Пир. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1970. – 611 с.

Разумова Т.О., Садовая Е.С., Чубарова Т.В. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 3. С. 24-34.

Разумова Т.О., Кирсанова Н.М. Самозанятость и фриланс как способы адаптации на современном рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2022. № 2. С. 56-68.

Резник Ю.М. Творчество как способ самоконструирования человека // Вопросы социальной теории. 2013-2014. Т. VII. Вып. 1-2. С. 137-154.

Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 10-23.

Самохвалова В.И. Творчество: феномен, предпосылки, субстрат и возможности // Философия творчества: материалы Всероссийской научной конференции, 8-9 апреля 2015 г., Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н.М. Смирновой, А.Ю. Алексеева. М.: ИИНТЕЛЛ, 2015. – 476 с.

Степанова Т.Д. Развитие теории креативного класса: зарубежная и российская экономическая мысль // Вопросы политической экономии. 2020. Вып. 3. С. 153-169.

Степанова Т.Д. Мировой креативный класс: динамика, тенденции, развитие // Проблемы современной экономики. 2022. № 1. С. 41-44.

Талер Р. От Homo economicus к Homo sapiens // Логос. 2014. № 1. С. 141-154.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография / Ж.Т. Тощенко. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. – 350 с.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XX1», 2007. – 421 с.

Фридман Т. Плоский мир 3.0: краткая история XXI века. М.: АСТ, 2014. – 640 с.

Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Предисл. В.С. Автономова; пер. с нем. В.С. Автономова и др.; пер. с англ. В.С. Автономова и др. М.: Эксмо, 2008. – 864 с.

Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis and The Economics of Discrimination. 3rd ed. University of Chicago Press, 1994. – 392 p.

Dohmen Th. Behavioral labor economics: Advances and future directions // Labour Economics. 2014. Vol. 30. Pp. 71–85. <http://dx.doi.org/10.1016/j.labeco.2014.06.008>

Hanzal T. Deduction, Abduction, and Creativity // Acta Analytica, 2023. <https://doi.org/10.1007/s12136-023-00555-2>

Lawson T. What is this 'school' called neoclassical economics? // What is Neoclassical Economics? Debating the origins, meaning and significance. Ed. by J. Morgan. Routledge, London, New York, 2016. – 322p.

Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton University Press, Princeton, 1962. – 416 p.

Negroponte N. Being Digital. Hodder & Stoughton, Chatham, 1995. – 243 p.

Tapscott D. The Digital Economy. 20th ed. McGraw Hill Education, 2015. – 413 p.

Информация об авторе

Варвара Николаевна Рогожникова – кандидат философских наук, доцент экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

(E-mail: veselial@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1368-0098) (elibrary AuthorID: 738223)

REFERENCES

Avtonomov V.S. Human model in economic science. SPb.: Jekonomicheskaja shkola, 1998. – 230 p. (In Russ.)

Akvinskij F. Summa theologica. Part 1. Questions 1-43. Kiev: Jel'ga; Nika-Centr; M.: Jel'kor-MK, 2002. – 560p. (In Russ.)

Aristotel'. Metaphysics. Works in 4 vol. Vol. 1. M.: Mysl', 1976. – 550 p. (In Russ.)

Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Academia, 2004. – 788 p. (In Russ.)

Berdjaev N.A. Philosophy of freedom. The sense of creation. M.: Pravda, 1989. – 607 p.

Bodrijar Zh. Consumer society. M.: Cultural Revolution; Republic, 2006. – 269p. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Global capital. In 2 vol. Vol. 1. Methodology: Beyond positivism, postmodernism, and economic imperialism (Marx re-loaded). Izd. 3-e, ispr. i sushh. dop. M.: LENAND, 2015. – 640 p. (In Russ.)

Giddens Je. New social classes of post-industrial society. Sociologija=Sociology. 2010;(2):19-24. (In Russ.)

Kuzanskij N. About scientific ignorance. Works. M.: Mysl', 1979. – 488p. (In Russ.)

Maslov G.A. Creative labor: a prerequisite for theoretical revolution? Filosofija hozjajstva=Philosophy of Economy. 2018;(2):93-109. (In Russ.)

Platon. Feast. Works. In 3 vol. Vol. 2. M.: Mysl', 1970. – 611p. (In Russ.)

Razumova T.O., Sadovaja E.S., Chubarova T.V. New social landscape of the digital age: lessons from the pandemic. Analiz i prognoz. Zhurnal IMJEMO RAN=Analysis and Forecasting. IMEMO Journal. 2020;(3):24-34. (In Russ.)

Razumova T.O., Kirsanova N.M. Self-employment and freelancing as ways to adapt to the modern labor market. Social'no-trudovye issledovanija=Social & labour research. 2022;(2):56-68. (In Russ.)

Reznik Ju.M. Creativity as a way of self-construction of a person. Voprosy social'noj teorii. 2013-2014;VII(1-2):137-154. (In Russ.)

Robbins L. The scope of economic science. THESIS. 1993;(1):10-23. (In Russ.)

Samohvalova V.I. Creation: phenomenon, prerequisites, substratum, and opportunities. Filosofija tvorcestva: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 8-9 aprelja 2015 g., Institut filosofii RAN, g. Moskva. Pod red. N.M. Smirnovoj, A.Ju. Alekseeva. M.: Intell, 2015. – 476p. (In Russ.)

Shumpeter J.A. Theory of economic development. Capitalism, socialism, and democracy. Predisl. V.S. Avtonomova; per. s nem. V.S. Avtonomova et al.; per. s angl. V.S. Avtonomova et al. M.: Jeksmo. 2008. – 864p. (In Russ.)

Stepanova T.D. Development of the creative class theory: foreign and Russian thought. Voprosy politicheskoi jekonomii=Problems in Political Economy. 2020;(3):153-169. (In Russ.)

Stepanova T.D. Global creative class: dynamics, trends, development. Problemy sovremennoj jekonomiki=Problems of Modern Economics. 2022;(1):41-44. (In Russ.)

Taler R. From Homo economicus to Homo sapiens. Logos. 2014;(1):141-154. (In Russ.)

Toshhenko Zh.T. Precariat: from protoclass to a new class. Monography. Institut sociologii FNIS RAN, RGGU. M.: Nauka, 2018. – 350p. (In Russ.)

Florida R. Creative class: people who change the future. M.: Izdatel'skij dom «Klassika-HH1», 2007. – 421p. (In Russ.)

Fridman T. The world is flat 3.0: A brief history of the twenty-first century. M.: AST, 2014. – 640p. (In Russ.)

Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis and The Economics of Discrimination. 3rd ed. University of Chicago Press, 1994. – 392p.

Dohmen Th. Behavioral labor economics: Advances and future directions. Labour Economics. 2014;(30):71-85. <http://dx.doi.org/10.1016/j.labeco.2014.06.008>

Hanzal T. Deduction, Abduction, and Creativity. Acta Analytica, 2023. <https://doi.org/10.1007/s12136-023-00555-2>

Lawson T. What is this 'school' called neoclassical economics? What is Neoclassical Economics? Debating the origins, meaning and significance. Ed. by J. Morgan. Routledge, London, New York, 2016. – 322p.

Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton University Press, Princeton, 1962. – 416p.

Negroponte N. Being Digital. Hodder & Stoughton, 1995. – 243p.

Tapscott D. The Digital Economy. 20th ed. McGraw Hill Education, 2015. – 413p.

Information about the author

Varvara N. Rogozhnikova – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Faculty of Economics Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

(E-mail: veselial@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1368-0098) (elibrary AuthorID: 738223)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2023; одобрена после рецензирования: 31.05.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 339.1

DOI: 10.5281/zenodo.8320118 <https://zenodo.org/record/8320118>

НЕПРЕРЫВНОСТЬ БИЗНЕСА И ЗАДАЧА СУВЕРЕНИЗАЦИИ ИТ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Кирилл Георгиевич Скрипкин¹

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической информатики экономического факультета МГУ, Москва, Россия, (skripkinkg@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-5250-5161)

Ключевые слова: непрерывность бизнеса, непрерывность ИТ-сервисов, импортозамещение, промышленная политика

Для цитирования: Скрипкин К.Г. Непрерывность бизнеса и задача суверенизации ИТ российских предприятий // Вопросы политической экономии. 2023. № 3 (35). С. 188-201.

THE CONTINUITY OF BUSINESS, AND THE TASK OF ENSURING SOVEREIGNTY OVER THE IT OF RUSSIAN ENTERPRISES

Kirill G. Skripkin

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Informatics, Faculty of Economics, Moscow State University, Moscow, Russia, (skripkinkg@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-5250-5161)

Keywords: business continuity, IT service continuity, import substitution, industrial policy

For citation: Skripkin K.G. The continuity of business, and the task of ensuring sovereignty over the IT of Russian enterprises. Problems in Political Economy. 2023;3(35):188-201.

JEL codes: M10, M15, O14.

Введение

Адаптацию российской экономики к ограничениям, введенным США и ЕС, обычно рассматривают на уровне хозяйства в целом или на уровне отдельных отраслей. В данной статье адаптация рассматривается на уровне отдельного предприятия. Первая проблема предприятия в подобной ситуации – обеспечение непрерывности бизнеса, т.е. продолжения работы, несмотря на ограничения. С экономической точки зрения непрерывность бизнеса – необходимое условие всей дальнейшей операционной деятельности, инноваций и стратегий предприятия. В настоящей работе будет рассмотрена часть проблемы непрерывности бизнеса – непрерывность

¹ © Скрипкин К.Г., 2023.

ИТ-сервисов. На первый взгляд, эта проблема выглядит частной. При более детальном рассмотрении следует вспомнить, что ИТ широко применяются в подавляющем большинстве отраслей российской экономики, а в некоторых из них, таких, как финансы, телеком или некоторые отрасли транспорта, ИТ – основа производственной системы. Наконец, в экономической литературе и в СМИ широко обсуждаются ограничения недружественных стран в сфере ИТ и их влияние на российскую экономику, поэтому систематизированный взгляд на непрерывность ИТ-сервисов может иметь некоторое значение.

Конечный продукт ИТ в бизнесе – ИТ-сервисы, то есть решение тех или иных задач бизнеса средствами ИТ. Такое понимание позволяет отделить собственно задачу бизнеса от технологии ее решения, тем более что в наше время предприятие может получить решение от внешнего провайдера посредством облачных технологий и не создавать собственную ИТ-инфраструктуру. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить о непрерывности ИТ-сервисов. Под непрерывностью ИТ-сервисов понимается способность ИТ-службы восстановить сервисы после стихийных бедствий, техногенных аварий и катастроф, военных действий и других событий, не являющихся частью нормального функционирования предприятия и его ИТ-службы. Экономические санкции – часть проблемы непрерывности бизнеса, а санкции в сфере ИТ – часть проблемы непрерывности ИТ-сервисов (и непрерывности бизнеса как следствие). Из санкционной проблематики, сложной и разнообразной даже применительно только к ИТ, в данной работе будет в основном рассмотрено программное обеспечение, при этом по мере необходимости будут делаться замечания, касающиеся обеспечения работоспособности ИТ-оборудования. Тем не менее, эта проблема в основном находится за рамками работы.

Работа структурирована следующим образом. Первый раздел посвящен подходам к анализу санкций в целом и в сфере ИТ в частности в российской экономической литературе. Второй – общему описанию проблем непрерывности ИТ-сервисов и влиянию таковой на непрерывность бизнеса в разрезе отраслей и звеньев цепи создания стоимости. Тем самым выявляется круг отраслей и видов деятельности, для которых непрерывность ИТ-сервисов существенно влияет на непрерывность бизнеса. Также в этом разделе рассматривается значение ИТ и информационных систем (ИС) для современного предприятия. Третий раздел рассматривает экономические санкции как проблему непрерывности бизнеса. Это позволяет выделить санкционные риски для различных классов ИТ-сервисов. В четвертом разделе формулируется задача фирмы как спектр возможных решений проблемы непрерывности ИТ-сервисов и связанных с ними затрат и рисков. Наконец, в заключительном разделе высказываются практические рекомендации для предприятий, вузов и государственных структур.

Подходы к освещению санкций в сфере ИТ в российской экономической литературе

В российской экономической литературе можно выделить несколько подходов к освещению санкций.

В целом стоит отметить, что санкционный режим в целом гораздо чаще становится предметом исследований, чем санкционный режим в ИТ или иных сферах.

Так, санкции рассматриваются с точки зрения необходимости изменения парадигмы экономического развития (Хубиев, Теняков, 2022), (Теняков и др., 2022). В других работах, как, например, (Шкодинский и др., 2022), рассматривается влияние санкций на технологический суверенитет России. Однако, эти работы обычно далеки от проблем ИТ, тем более, их повседневной эксплуатации, что выводит их за рамки настоящей работы.

Среди работ, непосредственно посвященных проблематике ИТ, можно выделить несколько направлений. Простейшее из них – перечисление санкций и непосредственных последствий их введения, позволяющие систематизировать имеющиеся данные (Кочуро, Булхов, 2023).

Другое направление, представленное, например, (Грушко, Грушко, 2022), посвящено детальному анализу санкций в отдельных секторах экономики с точки зрения кратко- и долгосрочного воздействия санкций и возможностей, а в ряде случаев и практики импортозамещения. Данная статья посвящена финансовому сектору экономики, где системные мероприятия по импортозамещению начались еще после первых санкций 2014 года, а само импортозамещение значительно продвинулось. Аналогичный анализ проведен, например, в работе (Зимовец, Климачев, 2022) по обрабатывающей промышленности с учетом перспектив ее цифровизации.

Третье направление, например, (Тебекин, 2022), рассматривают влияние санкций на переход России к шестому технологическому укладу. Показано, что санкции осложняют этот переход тем, что наряду с созданием технологий шестого уклада Россия должна ускоренно воссоздавать технологии четвертого и пятого технологического уклада, которые в результате санкций стали ей недоступны.

Наконец, зарубежные работы рассматривают в первую очередь влияние санкций на мировой рынок электроники (например, (Pargmanand, 2022)). Есть и работы более общего плана, рассматривающие через призму недавних событий влияние информационных технологий на международные отношения в целом, например, (Albakjaji, Almagzqi, 2023).

Подводя итоги, заметим, что на сегодняшний день исследования сосредоточены на анализе положения производителей ИТ и рынка ИТ в России и в мире. Это оставляет открытым вопрос о влиянии санкций непосредственно на конечных потребителей – государство, бизнес и граждан. Исходя из темы исследования, работа рассматривает что происходит с предприятием в условиях санкций в сфере ИТ, как санкции влияют на работоспособность ИТ на предприятии и насколько современное предприятие зависит от ИТ. Как мы видели выше, на данный момент этот вопрос не разработан в российской и мировой литературе.

Непрерывность бизнеса и непрерывность ИТ-сервисов

Непрерывность бизнеса (англ. Business continuity) состоит в способности бизнеса продолжать свою деятельность в случае возникновения таких серьезных событий, как пожар, наводнение, прерывание электро- и водоснабжения и т.д. Несомненно, военные действия и санкции тоже относятся к таким действиям. Современный бизнес в большинстве случаев критически зависит от ИТ, поэтому устойчивость бизнеса определяется способностью бизнеса парировать потерю тех или иных компонентов ИТ или неспособность последних функционировать должным образом.

Для начала рассмотрим зависимость современного бизнеса от ИТ. Эта зависимость имеет множество проявлений практически во всех отраслях, поэтому здесь будут приведены лишь несколько наиболее важных примеров.

Прежде всего, в большинстве отраслей ИТ обеспечивают автоматизацию собственно производственного процесса. Это относится и к современным обрабатывающим центрам с программным управлением, и к системам интеграции производственных линий (англ. CIM, Computer Integrated Manufacturing), и к управлению скважинами и площадками подготовки в нефтегазовой отрасли, и к управлению установками каталитического крекинга и т.д. в нефтепереработке, и к управлению воздушным движением. Более того, сам современный самолет содержит развитую компьютерную сеть, в которую включены сотни различных датчиков и устройств. Эта сеть передает команды пилотов рулям, двигателям, шасси и другим системам самолета, а ее некорректная работа может привести к катастрофе². Наконец, важно помнить, что все эти системы в совокупности обеспечивают небывалый прежде уровень точности, гибкости и безопасности производственных процессов, отказ от них означает и отказ от уже достигнутых параметров.

На следующих «этажах» управления предприятием ситуация сходная. Планирование, контроль и учет на современном предприятии обеспечивают системы класса Enterprise Resource Planning (ERP³) – планирование ресурсов предприятия. Разработка новых образцов продукции опирается на системы автоматизированного проектирования (САПР). Взаимодействие с клиентами, учет их потребностей и жалоб, формирование их заказов обеспечивает система Customer Relationship Management (CRM) – система управления взаимоотношениями с клиентами. Принятие сложных решений в области стратегии, продуктовой линейки, маркетинга и т.д. поддерживают системы поддержки принятия решений, которые в наше время широко используют технологию так называемых больших данных. Таким образом, вся цепь создания стоимости предприятия – входящую логистику, производство, исходящую логистику, маркетинг и техническое обслуживание – сегодня обеспечивают различные информационные системы.

В минувшие два десятилетия Россия опережающими темпами проводила цифровизацию финансового сектора. Это обеспечило предприятиям и гражданам почти мгновенное прохождение платежей, возможность проводить операции 24*7*365, т.е. в любое время суток без выходных и праздничных дней, управление своими счетами и др. Все эти достижения также основаны на сложных ИТ, инфраструктура которых охватывает всю Россию. В этом же контексте следует вспомнить мобильную связь (которая сегодня полностью цифровая) и передачу данных, социальные сети, мессенджеры и видеосервисы, онлайн-торговлю, многочисленные госуслуги и другие сервисы, представляющие ценность для бизнеса и граждан.

В заключение следует обратить внимание на проблему кибербезопасности. Сегодня обеспечение безопасности в киберпространстве по своей значимости сравнялось с обеспечением физической безопасности объектов и людей⁴. Это логично

² Анализ ситуации с системой MCAS компании Boeing и ее ролью в двух авиакатастрофах приводится, например, здесь <https://www.seattletimes.com/business/boeing-aerospace/final-report-on-boeing-737-max-crash-disputed-agencies-note-pilot-error-as-a-factor/> (дата обращения: 30.06.2023).

³ Здесь и далее приводятся сокращения, наиболее употребительные в нашей стране.

⁴ Автору доводилось наблюдать полигон, на котором тренировались группы обеспечения кибербезопасности. Одна из секций этого полигона называлась «взлом банкоматов». Взломщики использовали →

и естественно – по мере того, как деятельность людей все чаще осуществляется в цифровой форме в компьютерных сетях, преступники тоже осваивают киберпространство. Как следствие, киберпреступления становятся обыденностью, а потери от подобных преступлений исчисляются миллиардами долларов. Проблема кибербезопасности – оборотная сторона цифровизации экономики и должна рассматриваться как необходимая часть последней.

Итак, современный бизнес, в том числе в России, критически зависит от ИТ-сервисов, поэтому непрерывность бизнеса во многом зависит от их непрерывности. В чем же состоит проблема непрерывности ИТ-сервисов? Библиотека передового опыта ITIL⁵ определяет ее так: «целью практики управления непрерывностью обслуживания является обеспечение того, чтобы доступность и производительность сервиса поддерживались на достаточном уровне в случае аварии или катастрофы» (Agutter, 2020, с.181). Поясним на примере. 11 сентября 2001 года два самолета врезались в северную и южную башни Всемирного торгового центра (Нью-Йорк). Сильный пожар привел к обрушению трех зданий из семи, остальные были на длительное время выведены из строя. В ВТЦ находились такие организации, как Bank of America, Morgan Stanley, японский Dai-ichi Kangyo bank (на тот момент вошел в финансовую группу Mizuho) и ряд других банков, крупная телекоммуникационная компания Verizon, корпорация Xerox и ряд правительственных организаций. Несмотря на то, что ИТ-инфраструктура была частично уничтожена, а частично выведена из строя, все эти организации с разной степенью успешности продолжили работу. Это – результат успешного решения задачи обеспечения непрерывности ИТ-сервисов.

Каким же образом удалось решить эту задачу? Основной рецепт – резервирование ИТ-инфраструктуры. Его можно обеспечить несколькими способами:

1. Перекрестные соглашения: две и более компаний заключают соглашение, что в случае чрезвычайного события (см. введение) в одной из компаний, остальные участники сделки предоставляют ей временный доступ к своей ИТ-инфраструктуре.

2. Холодный резерв – компания создает резервный центр обработки данных (далее – ЦОД), содержащий техническую инфраструктуру ИС, которые признаны наиболее важными для предприятия. В случае чрезвычайного события резервный ЦОД становится основным и в него переносятся данные компании, которые должны были быть сохранены заблаговременно. В обычном режиме функционирования компании оборудование и ПО резервного ЦОД простаивает в режиме ожидания, что обеспечивает экономию эксплуатационных затрат. Также такой ЦОД обычно имеет меньшую мощность, чем основной, поэтому в случае необходимости на нем запускаются лишь наиболее важные ИТ-сервисы.

3. Горячий резерв – компания, как и в предыдущем случае, создает резервный ЦОД, но теперь он постоянно работает наряду с основным ЦОД, а все данные дублируются в основном и резервном ЦОДе. Инженеры ИТ-службы компании должны определить необходимую мощность резервного ЦОД, позволяющую в случае чрезвычайного события поддерживать наиболее важные ИТ-сервисы. Задача упрощается, если у компании не 2 ЦОД, а более, в этом случае выход из строя

→ не отмычки, не пилы и не иные слесарные инструменты, а исключительно ноутбуки.

⁵ IT Infrastructure Library.

одного ЦОД уменьшит мощности ИТ-инфраструктуры не вдвое, а на значительно меньший процент⁶. Вместе с тем инфраструктура ЦОД (системы связи, электропитания, пожаротушения, контроля доступа) и др. сложна и дорога, поэтому число ЦОД всегда представляет собой компромисс между надежностью резервирования и затратами на его обеспечение.

4. Соглашения со сторонними провайдерами. Сегодня ИТ-инфраструктура может быть получена «из облака», как услуга, опосредованная интернетом. Такие услуги давно уже получают не только частные лица, но и корпорации: доступ к приложениям, доступ к платформам разработки, доступ к ресурсам, таким, как процессорная мощность или дисковое пространство и др. В частности, такие соглашения могут охватывать предоставление мощностей холодного и горячего резерва. В этом случае компания экономит на капитальных затратах и на налогах (расходы на ИТ-услуги не входят в базу налогообложения налога на прибыль, тогда как капитальные затраты необходимо производить из прибыли) ценой повышения требований к коммуникационной инфраструктуре между компанией и провайдером. Вместе с тем компания получает зависимость от самого провайдера и от инфраструктуры телекоммуникаций, обеспечивающей соединение с провайдером. Речь идет не только о наличии соединения как такового, но и о необходимой пропускной способности этого соединения, достаточной для работы наиболее важных ИТ-сервисов как минимум. В этом случае необходимо 2-3 кратное резервирование каналов связи и передачи данных, включая как наземные, так и спутниковые каналы.

Итак, проблема непрерывности ИТ-сервисов состоит в как можно более быстром восстановлении ИТ-сервисов в случае редких событий, обычно внезапных. Основной метод решения проблемы – резервирование ИТ-инфраструктуры, позволяющее при наступлении чрезвычайного события восстановить доступность ИТ-сервисов в зависимости от приоритета последних. Степень приоритетности сервиса определяется соотношением затрат и выгод, в данном случае – потерь от длительной недоступности сервиса и затрат на развертывание и поддержание резервной инфраструктуры ИТ. Исходя из этого, рассмотрим проблему внешних ограничений со стороны недружественных стран с точки зрения непрерывности ИТ-сервисов.

3. Санкционное давление в сфере ИТ и непрерывность бизнеса

В результате санкций недружественных стран с российского рынка ушел целый ряд поставщиков оборудования и ПО (приводятся наиболее крупные и известные):

- TSMC – ведущий производитель микропроцессоров;
- Oracle – один из ведущих производителей СУБД;
- Cisco – один из ведущих производителей телеком-оборудования;
- Adobe – Photoshop, Illustrator, Acrobat;
- Acronis – резервное копирование;
- Booking.com – бронирование отелей;
- Citrix, VMWare – виртуализация.

Другие поставщики ограничили или остановили продажи своих продуктов и резко ограничили свои операции, хотя в каком-то виде сохранили техническую поддержку, например:

⁶ Если компания использует резервирование ЦОД, они должны быть максимально однородными, в противном случае выход из строя наиболее мощного ЦОД может тяжело сказаться на компании.

- Microsoft;
- Zoom Communications;
- Autodesk (производитель системы автоматизированного проектирования AutoCAD);
- SAP – ERP-системы;
- Avast – антивирусное ПО и др.

Наконец, российские власти в свою очередь заблокировали ряд сервисов из недружественных стран, а блокировка других стоит на повестке дня. В частности, речь идет о:

- Facebook (заблокирован);
- Instagram (заблокирован);
- Twitter (заблокирован);
- YouTube (под угрозой).

Большинство компаний в списке – мировые лидеры в своих классах. В частности, в России, их ПО используют тысячи или даже десятки тысяч предприятий и многие миллионы частных пользователей. Наложённые ограничения представляют собой угрозу доступу к этому ПО и, тем самым, проблему непрерывности бизнеса. Рассмотрим санкционную ситуацию с точки зрения этой проблемы.

Суть экономической задачи выбора способа обеспечения непрерывности бизнеса – соотнесение выгод от непрерывности и затрат на нее. Под выгодами бизнеса в данном случае понимаются предотвращенные потери от возможного простоя с учетом их субъективной вероятности⁷. Если они незначительны, т.е. санкции не угрожают всерьез простоем бизнеса, либо вероятность такого простоя мала, экономически оправданные затраты могут оказаться незначительными, т.е. наиболее выгодным для предприятия решением будет не делать ничего.

Как же санкции угрожают непрерывности бизнеса? На данный момент – никак. Хотя в разгар введения новых санкций было много опасений потери доступа к бизнес-приложениям, офисному ПО и операционным системам, на сегодняшний день эти опасения все еще не реализовались. Закрыты подписки на сервисы онлайн-кинотеатров, таких, как Netflix, музыкальных платформ, таких, как Spotify, и ряду других сервисов (например, Grammarly, проверяющий орфографию и пунктуацию в английских текстах; информационный сервис crunchbase.com или статистика труда и занятости в США на ресурсе BLS.gov), но доступ к ПО пока ограничивается крайне редко. Тем не менее, следует помнить, что в случае принятия соответствующего решения любой доступ к ПО и данным по подписке может быть заблокирован за считанные минуты или даже секунды (время исполнения одного запроса на языке SQL). Поэтому такое ПО должно резервироваться в первую очередь. Еще серьезнее проблема данных: держать данные на каких-либо облачных ресурсах из недружественных стран крайне нежелательно, если же это необходимо, следует обеспечить их постоянное резервное копирование.

Несколько иная ситуация с ПО в традиционной форме, покупаемым в виде лицензий и устанавливаемом на ИТ-инфраструктуре пользователя. Компания, желающая ограничить доступ к такому ПО, должна его физически стереть у конечного пользователя, либо привести в неработоспособное состояние. Такая операция

⁷ В данном случае речь идет о редких событиях, поэтому привычная частотная вероятность обычно не релевантна.

технически сложнее, она зависит от технической политики покупателя: уровня его кибербезопасности, технической политике в отношении обновлений и др. Кроме того, в этом случае компания-производитель не просто отключает неких пользователей от своих услуг, а непосредственно выводит из строя ИТ-инфраструктуру на компьютерах и серверах пользователей, что влечет значительно большие репутационные издержки. Такое развитие событий нельзя исключать, но оно представляется крайней мерой, значительно менее вероятной, чем отключения доступа к ПО как услуге по подписке. Вместе с тем зарубежные поставщики как правило перестают продавать ПО в России и отключают существующих пользователей от обновлений ПО. Это означает постепенную деградацию ПО, прежде всего, в части снижения его безопасности.

Вернемся к соотношению затрат и выгод непрерывности бизнеса. К выгодам, т.е. предотвращаемым потерям от простоя бизнеса относятся:

- Не проведенные вовремя транзакции и связанная с этим неполученная выручка;
- Не проведенные платежи;
- Не сданные отчеты;
- Репутационные потери и др.

Как видим, все эти потери в большинстве случаев довольно сложно просчитать, тем более, с учетом вероятности их наступления. Учетом и затраты на обеспечение непрерывности. Основной способ обеспечения непрерывности бизнеса – замена ПО на отечественное или аналогичное ПО из дружественных стран. Эта замена в большинстве случаев не может быть сделана мгновенно, поэтому заменять ПО необходимо заблаговременно. Отсюда вытекают затраты – издержки переключения и потеря сетевых эффектов. К издержкам переключения относятся следующие затраты (на примере замены операционной системы (ОС) на отечественную или свободную⁸):

- Замена самой ОС, включая затраты на установку;
- Замена бизнес-приложений на аналоги, доступные под выбранной ОС;
- Замена офисного ПО на аналоги, доступные под выбранной ОС;
- Возможная замена оборудования на совместимое с выбранной ОС (дистрибутивы Linux не так широко распространены, как ОС Windows и некоторые производители оборудования пишут драйверы только для последней);
- Остаточные риски в виде привязки к определенным сервисам ОС Windows;
- Обучение специалистов ИТ-подразделения;
- Обучение конечных пользователей;
- Накопление знаний об инцидентах и проблемах с новой ОС и приложениями под нее;
- Повышение нагрузки на ИТ-подразделение в первые месяцы после перехода на новую ОС.

Более подробно проблема издержек переключения рассмотрена в (Дорошенко, Скрипкин, 2013). Что касается сетевых эффектов, основная проблема в этой области – исчезновение очевидного лидера, который в условиях нашей страны «под-

⁸ Значительная часть программного обеспечения, например, большинство известных дистрибутивов ОС Linux, относится к категории так называемого свободного ПО, т.е. ПО, для которого можно получить исходный код и которое можно свободно распространять и/или изменять.

страивал под себя» рынок. Хотя это – типичное проявление рыночной власти, во многих случаях такое лидерство оказывалось благотворным для рынка в целом. Рассмотрим пример.

До начала событий 24 февраля 2022 года безусловным лидером на российском отельном рынке была система онлайн-бронирования Booking.com с долей рынка порядка 60%⁹. Благодаря доминированию на рынке компания ввела жесткие стандарты деятельности для отелей, такие как строгое соблюдение сделанного бронирования и зафиксированных условий возврата средств. Эти условия были в каком-то смысле самовыполняющимися, поскольку при их несоблюдении отель отключали от сети Booking.com, что означало крупные потери в выручке. В результате введенных недружественными странами ограничений компания ушла с российского рынка. Сейчас за ее нишу борются около десятка российских компаний, включая Яндекс.Путешествия, Островок.ру, Туту.ру и другие. В этих условиях отели вполне могут лавировать между различными операторами, что снижает дисциплину соблюдения условий. Это в свою очередь ведет к потере доверия к онлайн-бронированию на российском рынке в целом.

Важно отметить, что обе части уравнения отличаются высокой неопределенностью. Кроме того, ключевым параметром является субъективная вероятность отключения зарубежных онлайн-сервисов (в общем случае более высокая) и вывода из строя зарубежного ПО на компьютерах предприятия-пользователя (более низкая). Эта вероятность определяется информированностью руководства предприятия и его чувствительностью к риску. При этом новых отключений от зарубежного ПО не происходит уже порядка года, что в целом снижает субъективную вероятность отключения ИТ-сервисов для руководителей предприятий и их ИТ-служб. К тому же основная проблема экономики непрерывности бизнеса (как и кибербезопасности, обеспечения доступности ИТ-сервисов и т.д.) состоит в том, что бизнес обменивает реальные деньги на предотвращение рисков, которые бизнес знает значительно хуже профессионалов – ИТ-службы или службы информационной безопасности. При идеальной работе ИТ-службы бизнес не сталкивается со значительными потерями, что почти неизбежно порождает стремление к экономии на данной проблематике. Между тем, суть проблемы не меняется: при наличии риска ПО необходимо заменить заблаговременно, что снизит затраты и риски предприятия.

Проблемы непрерывности ИТ-сервисов и промышленная политика

Теперь нам стали ясны компоненты проблемы непрерывности ИТ-сервисов как экономической задачи. Во-первых, в большинстве случаев даже нынешний «санкционный шторм» не несет непосредственной угрозы потери доступа к ИТ-сервисам. Тем не менее, со временем накапливаются риски, связанные с потерей обновлений, с неопределенным статусом ПО и с ненулевой вероятностью потери доступа к сервисам в будущем. Ситуация соответствует фразе из «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла: «если слишком долго держать в руках раскаленную кочергу, то в конце концов обожжешься».

Во-вторых, выбор пользователя, по сути, определяется субъективной вероятностью полной потери или критической деградации ИТ-сервиса. Такая ситуация

⁹ Данные по глобальной доле рынка: Booking.com <https://www.businessofapps.com/data/travel-app-market/> (дата обращения: 02.07.2023).

способствует волнообразным колебаниям субъективной вероятности отключения сервисов. Например, в 2022 году, в разгаре «санкционного шторма» наблюдался высочайший интерес к отечественному ПО, позволяющему обеспечить непрерывность бизнеса. Поскольку катастрофических событий с ПО и ИТ-сервисами в целом не произошло, в 2023 году возможно снижение интереса, по крайней мере, в некоторых классах ПО. С одной стороны, новых случаев потери доступа к импортному ПО не наблюдается, с другой – предприятия сталкиваются с реальными трудностями импортозамещения¹⁰. Это смещает уравнение затрат и выгод в сторону стратегии «не делать ничего»¹¹ – стратегии, чреватой крупными рисками в будущем. Как следствие, можно ожидать, что взрывной рост продаж отечественного ПО в прошлом году (например, выручка производителей офисных пакетов за прошлый год возросла в 3-4 раза, также в 3 раза выросла выручка крупнейшего отечественного производителя систем управления базами данных) сменится более спокойным ростом. Исключением может стать очередное обострение международной обстановки и здесь пользователям может уже не хватить времени для безболезненной миграции на альтернативные решения.

Осведомленность и вовлечение предприятий в решение проблемы непрерывности ИТ-сервисов можно обеспечить мерами, хорошо известными и зарекомендовавшими себя еще во время решения «Проблемы 2000», которая представляла собой весьма сходную миграцию с оборудования и ПО, угрожавших непрерывности ИТ-сервисов и непрерывности бизнеса¹²:

1. Реестр рисков и потерь, с которыми столкнется предприятие в случае недоступности ИТ-сервисов по причине ограничений.
2. Предоставление контролирующим органам планов обеспечения непрерывности в условиях ограничений.
3. Предоставление отчетности по исполнению планов.

В-третьих, налицо множество вариантов решений в области операционных систем, бизнес-приложений, офисного ПО и онлайн-сервисов. Как правило, эти решения совершенно новые для рынка, где до недавнего времени доминировали иностранные поставщики и провайдеры услуг. При этом качество ИТ-сервиса определяется в том числе наличием развитых стандартов стыковки оборудования, ОС, бизнес-приложений, офисного ПО и т.д., а также механизмов, обеспечивающих их соблюдение. Эти стандарты должны понимать и учитывать не только разработчики, но и пользователи, и вузы, и другие обучающие организации, и авторы книг по Computer Science и т.д. Сегодня развитие таких стандартов и их проникновение в широкие слои работников ИТ-отрасли находятся на ранней стадии. Следствиями могут стать проблемы совместимости, трудности подготовки специалистов и пользователей, а также трудности взаимодействия друг с другом предприятий с разными версиями ОС и бизнес-приложений.

¹⁰ Примеры таких трудностей можно увидеть в статье газеты Коммерсант <https://www.kommersant.ru/doc/5797157> (дата обращения: 02.07.2023), главная из них – отсутствие альтернатив для ряда бизнес-приложений. В результате, по данным статьи на отечественные СУБД и ОС перешли 2% предприятий.

¹¹ Значительная часть программного обеспечения, например, большинство известных дистрибутивов ОС Linux, относится к категории так называемого свободного ПО, т.е. ПО, для которого можно получить исходный код и которое можно свободно распространять и/или изменять.

¹² «Проблема 2000» – некорректная обработка даты во многих ИС при переходе через дату 01.01.2000, угрожавшая работоспособности широкого круга ИС.

В этой ситуации возможны две стратегии. Первая – внедрение единых стандартов силами государства. В этом случае власти постановляют, какую ОС и какое прикладное ПО необходимо использовать, выбирая совместимые друг с другом ОС, приложения и сервисы. Затем Правительство своими постановлениями обязывает предприятия и государственные органы использовать эти решения, а вузы – готовить специалистов (как в области ИТ, так и в других областях, например, экономистов), умеющих эти решения применять. Главное преимущество такого решения – его быстрота, подобный комплекс стандартов можно внедрить за считанные месяцы (что, впрочем, не ускорит подготовку специалистов). Также это решение будет единым, что обеспечит максимальные сетевые эффекты в масштабах хозяйства: простоту взаимодействия предприятий друг с другом¹³, подготовку литературы по вновь внедряемому ПО, обучение специалистов в вузах и на коммерческих курсах. Недостатки такого подхода тоже есть, их два. Первый – государство выбирает победителя в конкуренции, создавая своей волей новых олигополистов со значительной рыночной властью. Второй – риск недостаточной адаптации к разнообразным потребностям конечных пользователей.

Вторая стратегия – внедрение стандартов силами бизнес-сообщества. В этом случае необходим единый механизм стимулирования, доступ к которому получают все производители отечественного ПО. При этом государству имеет смысл стимулировать слияния и поглощения участников рынка, подобно тому, как это было сделано в Японии 60-х–70х и Корее 70-х–90-х годов, а также договоренности между производителями о единых стандартах ОС и приложений для них. Такой подход к стандартизации позволил бы властям не выбирать победителей, а отсеивать неудачников, что соответствует современным представлениям о результативной промышленной политике. Также эта стратегия больше подходит для выявления специфических потребностей в области ОС и приложений и связанных с ними рыночных ниш. Наконец, при этом сценарии уровень конкуренции в отрасли должен быть значительно выше.

Среди недостатков этого подхода следует прежде всего обратить внимание на время выработки необходимых стандартов и на затраты бюджета на промышленную политику, которые в этом случае несомненно выше – поддерживать надо больше компаний вплоть до того момента, когда они явно продемонстрируют свою неконкурентоспособность. Наконец, такой подход требует значительно более тонкого регулирования рынка ПО, нежели установление стандартов государством, что тоже не добавляет ему реалистичности.

По некоторым признакам, Правительство РФ уже идет по первому пути. Во-первых, выбраны три «целевых» российских ОС – Astra Linux, «Альт» и «Ред ОС»¹⁴. Характерна мотивировка решения со ссылкой на участников рынка: оптимизация господдержки и упрощение адаптации прикладного ПО. Во-вторых, Правительство прорабатывает идею обязательной предустановки одной из перечисленных ОС на продаваемые в России компьютеры¹⁵. Эта идея более спорная, но, с определенными оговорками, будет создана существенная база компьютеров с установленными на них российскими ОС, что подтолкнет пользователей к переходу на отечественное ПО.

¹³ Сейчас эту простоту обеспечивает повсеместное распространение Windows и MS Office.

¹⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/5645539> (дата обращения: 30.06.2023).

¹⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/5953022> (дата обращения: 30.06.2023).

Таким образом, в области непрерывности ИТ-сервисов промышленная политика государства призвана решать две задачи. Первая – поддержание осведомленности бизнеса о проблеме непрерывности: если сегодня санкционные риски не привели к недоступности ИТ-сервисов, это не значит, что и в будущем они не будут иметь такого эффекта. При этом любые мыслимые затраты на миграцию бизнеса на альтернативные ИТ-решения заведомо меньше – как минимум, в несколько раз – потерь от недоступности соответствующих ИТ-сервисов, т.е. произведенных товаров, не оказанных услуг, нерешенных проблем государственного управления. Предотвратить эти потери можно лишь длительной системной работой, подкрепленной соответствующими вложениями.

Вторая задача – создание основанных на единых стандартах экосистем, включающих разработчиков ПО, пользователей, государственные и коммерческие учебные центры, учебную литературу и т.д. Такие экосистемы – необходимое условие эффективного использования ИТ, но для их быстрого возникновения число продуктов в каждом сегменте не должно превышать 2-3 варианта. Правительство уже пошло по этому пути, выделив 3 приоритетные операционные системы.

Заключение

Итак, мы рассмотрели обеспечение непрерывности ИТ-сервисов в условиях санкций как экономическую задачу. Среди выводов работы следует обратить внимание на следующие:

1. Санкции, в данном случае санкции в сфере ИТ, – не мгновенно убивающая молния, а постоянно действующее утеснение бизнеса и граждан, ведущее к постепенной деградации ИТ-сервисов. Это касается прекращения обновлений, неопределенности статуса используемого ПО и большего или меньшего риска отключений.

2. При современных возможностях санкции не несут непосредственной угрозы непрерывности бизнеса, но повышают уязвимость к другим угрозам. Это прежде всего, но не исключительно касается безопасности, поскольку обновления в основном закрывают выявленные уязвимости. В этих условиях критически важно поддержание осведомленности о проблеме непрерывности бизнеса и переходе на отечественное ПО как стратегии ее решения.

3. Особый случай – подписки и облачные сервисы. При очередном обострении международной обстановки доступ к этим сервисам может быть перекрыт практически мгновенно, поэтому необходима срочная миграция на отечественные облачные сервисы или собственную ИТ-инфраструктуру.

4. По мере бурного роста использования отечественного ПО обостряется проблема стандартов. Современное ПО сложно и состоит из множества компонентов, производимых разными фирмами. В это уравнение необходимо включить вузы и коммерческие учебные сервисы, которые должны обеспечить подготовку специалистов соответствующего профиля, учебную литературу, услуги по поддержке и т.д. Это требует стандартов, которые послужили бы ориентиром и для разработчиков ПО, и для предприятий-пользователей, и для сферы обучения. Стандарты можно внедрить двумя способами – как государственные стандарты или как частные стандарты конкурирующих между собой экосистем.

ЛИТЕРАТУРА

Грушко А.Н., Грушко Е.С. Проблемы развития финансовых и информационных технологий в экономике в условиях санкций // Факторы развития экономики России. Сборник трудов Международной научно-практической конференции. Тверь: издательство Тверского государственного университета, 2022. – 172 с.

Дорошенко М.Е., Скрипкин К.Г. Развитие национального рынка программного обеспечения: альтернативы государственной политики // Форсайт. 2013. Т. 7. № 1. С. 44-56.

Зимовец А.В., Климачев Т.Д. Цифровая трансформация производства на российских предприятиях в условиях политики импортозамещения // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. №3. С. 1409-1426.

Кочуро П.Д., Булхов Н.А. Угрозы цифровой экономики России в условиях санкций // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты. Сборник трудов V Юбилейной Международной научно-практической конференции. Брянск. 2023. С. 412-418.

Теняков И.М., Хубиев К.А., Эпштейн Д.Б., Заздравных А.В. Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитикоэкономический контекст // Terra Economicus. 2022. № 20(2). С. 40-58. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58

Хубиев К.А., Теняков И.М. Надломленный вектор развития советской экономики // Вопросы политической экономии. 2022. № 2. С. 22-39. DOI: 10.5281/zenodo.6881149

Шкодинский С.В., Кушнир А.М., Продченко И.А. Влияние санкций на технологический суверенитет России // Проблемы рыночной экономики. 2022. №2. С. 75-96. DOI: 10.33051/2500-2325-2022-2-75-96

Agutter C. ITIL® 4 Essentials: Your essential guide for the ITIL 4 Foundation exam and beyond, second edition / IT Governance Ltd., 2020.

Albakjaji M., Almarzoqi R. The impact of digital technology on international relations: the case of the war between Russia and Ukraine // Access to Justice in Eastern Europe. 2023. № 2(19). Pp. 1-17.

Parmanand R.A. The Impact of the Russia-Ukraine War on the Global ICT Market // International Journal of Research and Analysis in Science and Engineering. 2022. Vol. 2. Iss. 3.

Информация об авторе

Кирилл Георгиевич Скрипкин – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической информатики экономического факультета МГУ, Москва, Россия

(E-mail: skripking@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-5250-5161) (elibrary AuthorID: 2952-5120)

REFERENCES

Agutter C. ITIL® 4 Essentials: Your essential guide for the ITIL 4 Foundation exam and beyond, second edition. IT Governance Ltd., 2020.

Albakjaji M., Almarzoqi R. The impact of digital technology on international relations: the case of the war between Russia and Ukraine. Access to Justice in Eastern Europe. 2023(2):1-17.

Doroshenko M.E., Skripkin K.G. Developing the National Software Market: Public Policy Alternatives. *Forsayt=Foresight-Russia*. 2013;(1):44-56. (In Russ.)

Grushko A.N., Grushko E.S. Problems of development of financial and information technologies in the economy under sanctions. Factors of development of the Russian economy. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Tver, 2022. Tver: State University (Tver) print, 2022. – 172 p. (In Russ.)

Khubiev K., Tenyakov I. The fractured vector of development of the Russian economy. *Voprosy politicheskoy ekonomii=Problems of political economy*. 2022;(2):22-39. DOI: 10.5281/zenodo.6881149 (In Russ.)

Kochuro P.D., Bulkhov N.A. Threats to the digital economy of Russia under the conditions of sanctions. In *Digital region: experience, competencies, projects*. Collection of articles. Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology. 2022. Pp. 412-418. (In Russ.)

Shkodinsky S.V., Kushnir A.M., Prodchenko I.A. The impact of sanctions on Russia's technological sovereignty. *Problemy rynochnoy ekonomiki= Market economy problems*. 2022;(2):75-96. DOI: 10.33051/2500-2325-2022-2-75-96 (In Russ.)

Tenyakov I., Khubiev K., Epstein D., Zazdravnykh A. Stagnation in Russia in geopolitical and economic contexts: new alternatives. *Terra Economicus*. 2022;(2):40-58. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58 (In Russ.)

Zimovets A.V., Klimachev T.D. Digital transformation of production at Russian enterprises under import substitution policy. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki=Issues of innovative economy*. 2022;(3):1409-1426. (In Russ.)

Parmanand R.A. The Impact of the Russia-Ukraine War on the Global ICT Market. *International Journal of Research and Analysis in Science and Engineering*. 2022(3):1-7.

Information about the author

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Informatics, Faculty of Economics, Moscow State University, Moscow, Russia
(skripkinkg@my.msu.ru) (ORCID: 0000-0002-5250-5161) (elibrary AuthorID: 2952-5120)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2023; одобрена после рецензирования: 23.07.2023; принята к публикации: 17.08.2023.

КРАТКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ НА РАССМОТРЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»¹

Рукопись статьи принимается в электронном виде по электронной почте: vpe-journal@yandex.ru в текстовом редакторе Microsoft Word (расширение *.doc или *.docx), версия не ниже 2003 г. Шрифт: Times New Roman.

Объем рукописи, представленной в редакцию ограничен по рубрикам:

1. Статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами).
2. «Дискуссионная трибуна», «Трибуна молодых ученых», Рецензии, Эссе, Заметки, «Научная жизнь» – не более 0,5 п.л. (20 тыс. знаков).

Правила оформления статьи учитывают ГОСТ Р 7.0.7–2021, введенный в российскую практику издательского оформления с 01.10.2021 г.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

I. Обязательным элементом статьи является индекс **Универсальной десятичной классификации (УДК)**. Расположен в начале статьи на отдельной строке слева (один код).

II. ДО ОСНОВНОГО ТЕКСТА статьи приводятся **на русском языке** и затем повторяются в той же последовательности **на английском языке** (имена приводят в транслитерированной форме на латинице или в той форме, в какой ее установил автор или редакция издания) следующие ее элементы: (1) заглавие статьи; (2) основные сведения об авторе (авторах), (3) аннотация, (4) ключевые слова, (5) слова благодарности в случае наличия грантового финансирования.

– (1) **Заглавие** статьи приводится **ПРОПИСНЫМИ** буквами. В конце заглавия статьи точка не ставится.

– (2) **Основные сведения** об авторе (авторах): ФИО полностью; наименование организации, где работает или учится автор; город, страна; электронный адрес автора (оформляется без слова «e-mail»); идентификатор ученого ORCID при наличии; идентификационный номер (AuthorID) в eLibrary (Сведения отделяются запятыми. Точку в конце не ставят). При наличии нескольких авторов и/или нескольких организаций (учреждений) работы, учебы применяется надстрочный знак сноски.

– (3) **Аннотация** должна отражать содержание статьи и результаты исследований; быть структурированной (следовать логике описания результатов в статье); объем – 150-250 слов. Не следует дословно повторять в статье то, что уже сказано в аннотации.

– (4) **Ключевые слова** должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов: **от 7 до 10 слов** (начертание *курсив*). После ключевых слов точку не ставят.

– (5) **Слова Благодарности** в случае наличия грантового финансирования приводятся после ключевых слов.

Для коротких рецензий и материалов в рубрике «Научная жизнь» аннотация и ключевые слова не требуются.

Формат: шрифт Times New Roman (**ФИО автора** выделяется полужирным шрифтом), размер 12 пт., межстрочный интервал 1,0 строки.

III. ОСНОВНОЙ ТЕКСТ статьи может быть структурирован и состоять из следующих частей: введение; текст статьи (с выделением 2-4 разделов); заключение.

В тексте **запрещено использовать ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ**, р а з р я д к у через пробел и подчеркивание. Для выделения в тексте допустим *курсив*.

При ссылке на источник необходимо в **круглых скобках** указывать фамилию автора, год издания и страницу при цитировании. **Все интернет-источники** даются в сноске, перед электронным адресом при-

¹ Полные требования к рукописям размещены на сайте журнала: <https://interpolitec.su/>

водится аббревиатура **URL**. В круглых скобках должна быть указана дата обращения. Пример: (дата обращения: 15.06.2023). **Электронный источник должен быть актуальным** (действующая ссылка).

Формат: Шрифт: Times New Roman; Интервал: 1,5 (для сносок – 1); Размер шрифта: 14 пт. (для сноска – 10 пт.); Отступ первой строки: 1,25 см.; Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см.

IV. ИЛЛЮСТРАЦИИ. Текст статьи может сопровождаться **иллюстративными материалами** (таблицы, схемы, графики, диаграммы и т.д.). **Таблицы** вставляются в текст статьи после ссылки на нее, нумерация таблиц сквозная по всей статье. **Рисунки** следует давать в конце статьи, также рисунки необходимо выслать отдельным файлом в формате *.tiff. Разрешение изображения должно быть не менее 300 dpi; размер – не менее 10-13 см по ширине, цветовой режим – черно-белый.

V. ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА статьи приводятся на русском языке и затем в той же последовательности повторяются на английском языке следующие элементы оформления:

(1) «Список литературы»; (2) дополнительные сведения об авторе (авторах); (3) сведения о вкладе каждого автора, если авторов несколько; (4) информация об отсутствии или наличии конфликта интересов; (5) автор, ответственный за переписку; (6) сведения о продолжении статьи, если она публикуется частями; (7) приложение (приложения) к статье при наличии.

Формат: шрифт Times New Roman, размер 14 пт., межстрочный интервал 1,5.

(1) «Список литературы» должен состоять не менее чем из 10 источников (но не более 30) с обязательным цитированием не только отечественных, но и зарубежных авторов. Число публикаций с участием авторов статьи не должно превышать 20%; Список дается строго по алфавиту. Библиографические записи в списке литературы и отсылки на них в основном тексте оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

Пример:

ЛИТЕРАТУРА

Дубровин И.А. Достижение экономической эффективности на основе социальной справедливости в Скандинавской экономической модели // Вопросы политической экономии. 2022. № 1 (29). С. 162-181. <https://zenodo.org/record/6525596>

Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / ИПРЭ РАН. СПбГУ. С.-Пб.: Скифия-принт, 2013. – 336 с.

Маркс К. Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 5-907.

Card D., A.B. Krueger. Does school quality matter? Returns to education and the characteristics of public schools in the United States. Journal of Political Economy. 1992. № 100(1). Pp. 1-40.

Imbens G., J. Angrist. Identification and estimation of local average treatment effects. Econometrica. 1994. № 61. Pp. 467-476.

REFERENCES

Card D., A.B. Krueger. Does school quality matter? Returns to education and the characteristics of public schools in the United States. Journal of Political Economy. 1992;100(1):1-40.

Dubrovina I.A. Achieving economic efficiency based on social justice in the Scandinavian economic model. Voprosy politicheskoi ekonomii=Problems in Political Economy. 2022;1(29):162-181. <https://zenodo.org/record/6525596> (In Russ.)

Imbens G., J. Angrist. Identification and estimation of local average treatment effects. Econometrica. 1994;(61):467-476.

Ivanov O.I. Human potential (formation, development, use). Institute of Problems of Regional Economy RAS. St. Petersburg State University. S.-Pb.: Skifiya-print, 2013. - 336 p. (In Russ.)

Marx K. Capital. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. Essays. Vol. 23. M.: State Publishing of Political Literature. 1960:5-907. (In Russ.)

(2) Дополнительные сведения об авторе (авторах) «**Информация об авторе (авторах)**» (“**Information about the author (authors)**”) содержат следующую информацию: ФИО (полностью); ученая степень, ученое звание - сведения даются в сокращенной форме; должность, наименование организации (учреждения) и подразделения; электронный адрес автора с применением слова «e-mail»; идентификатор ORCID автора, если он не приведен на первой полосе статьи, и другие международные идентификационные номера авторов (например, eLibrary AuthorID). Сведения о «e-mail» и идентификационных номерах автора приводятся на одной строке без разделения точками и запятыми.

(3) Если у статьи несколько авторов, то после информации об авторе (авторах) указывают «**Заявленный вклад авторов:**» (“**Authors’ declared contribution:**”), где в краткой форме описывается личный вклад каждого автора в написание статьи.

(4) Сведения **об отсутствии конфликта интересов** приводят после информации об авторе на отдельной строке.

(5) **Автор, ответственный за переписку**, указывается после информации о конфликте интересов на отдельной строке.

(6) Сведения о **продолжении статьи** указывают при ее публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». С началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

(7) **Приложение** (приложения) к статье публикуют с собственным заглавием. В заглавии или подзаголовочных данных приложения приводят сведения о том, что данная публикация является приложением к основной статье. При наличии двух и более приложений их нумеруют.

Адрес электронной почты редакции для направления материалов:
vpe-journal@yandex.ru

Секретарь редакции, корректор *Е.А. Шамильева*
Верстальщик *Ю.Р. Шамильева*

Для заметок

podpiska.pochta.ru

Для заметок

podpiska.pochta.ru